

7
с. 1

4 НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ 1961

Гуллистон

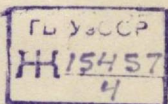

Гулистон

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАДЖИКИСТАНА
№ 4   ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ   1961

ОГЛАВЛЕНИЕ

Указы Президиума Верховного Совета Таджик-
ской ССР 3

ГОВОРЯТ ПИСАТЕЛИ

Мирзо Турсун-заде—Золотое кольцо. Следы в
лесу. *Стихи. Перевод С. Липкина* 4
А. Шукухи — В эти замечательные дни 6
А. Дехоти. — Живое время 11
П. Толис. — У родника 16
А. Бахори — Слушай, жизнь. *Стихи. Перевод*
А. Дебринина 20
Г. Шелест. — Партийный взнос. У Ильича. *Рас-*
сказы. 21

Мирсаид Миршакар — Дети Индии. *Стихи. Пе-*
ревод М. Фофановой. 27
Гульчехра Сулейманова. — Сын мой. Учительни-
ца. *Стихи. Перевод Е. Петровой* 31
Рахим Джалил. — Раскаяние. *Рассказ. Перевод*
Ф. Барановой. 33
Б. Пшеничный. — След человека. *Рассказ.* 44
Л. Роганов. — Потомок древнего Согда. 51
М. Шарки. — Голубка. *Рассказ. Перевод С. Шмер-*
кина 55
А. Крачковская. — Гусиная травка. *Миниатюры*
Дж. Икрами, А. Одинцов. — Приключения в
дороге. *Очерк* 60

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Мирзо Турсун-заде пятьдесят лет. 77
Б. Рахим-заде.—Поэт и боец 83
А. Сидки.— В Каратаге 89
М. Муллоджанов — Холик Мирзо-заде. К пяти-
десятилетию со дня рождения. 91

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
ДУШАНБЕ,
ОРДЖОНИКИДЗЕ, 6,
ТЕЛЕФОН № 41-66

К КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ

А. Черешнев. — Маршрут по Ур-саю. <i>Рассказ</i>	97
Р. Назмутдинов. — На разгоне. <i>Стихи</i>	104
С. Никулин. — Мосты. Вьюга. Ромашки. Лунная ночь. <i>Стихи</i>	105
А. Марков. — Жатва. Скоро свадьбы. <i>Стихи</i>	106
Ю. Войницкий. — Железобетон. <i>Стихи</i>	107
В. Пучков. — Зовет поэзия. <i>Стихи</i>	—
Л. Букасова. — Маляр. <i>Стихи</i>	—

Фатех Ниязи. — На земле пробужденного Востока. <i>Путевые заметки</i> . Перевод М. Явич.	109
--	-----

САТИРА И ЮМОР

Г. Ахов — Литературные пародии.	122
О. Новгородский. — На литобъединении.	124

НОВЫЕ КНИГИ

А. Григорьева — Первые ласточки	126
А. Владимиров — На подступах к поэме	127

Рукописи не возвращаются

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор В. С. ЖУКОВСКИЙ

Члены редколлегии: В. Ф. КИРИЛЛОВ, М. И. ЛЕВИН, Г. МИРЗОЕВ, М. МУЛЛОДЖАНОВ,
Ф. НИЯЗИ, Ф. ТАШМУХАМЕДОВ, С. УЛУГ-ЗОДА, М. П. ФОФАНОВА, Р. ХОДИ-ЗАДЕ
С. Е. ШМЕРКИН (*Ответственный секретарь*)

Худ. редактор А. Диков.

Корректор В. Онищенко

Сдано в набор 3/ХП-1961 г. Подписано в печать 9/1-1962 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 8.
Уч. изд. л. 11.38. КЛ 02798. Заказ № 3483. Тираж 3000. Цена 50 коп.

г. Душанбе, Полиграфкомбинат Министерства культуры Таджикской ССР

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ТАДЖИКСКОЙ ССР

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ НАРОДНОГО ПОЭТА ТАДЖИКСКОЙ ССР

Президиум Верховного Совета Таджикской ССР постановляет:

1. Установить почетное звание Народного поэта Таджикской ССР.
2. Дополнить Положение «О почетных званиях Таджикской ССР» пунктом 23:

«Пункт 23. Почетное звание Народного поэта Таджикской ССР присваивается поэтам, создавшим выдающиеся идейно-художественные произведения и имеющим большие заслуги в деле развития Таджикской советской литературы».

Председатель Президиума Верховного
Совета Таджикской ССР **М. РАХМАТОВ**

Секретарь Президиума Верховного
Совета Таджикской ССР **Д. ГАДОЕВ**

25 ноября 1961 г. г. Душанбе.

У К А З

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ТАДЖИКСКОЙ ССР

О ПРИСВОЕНИИ ПОЭТУ МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ НАРОДНОГО ПОЭТА ТАДЖИКСКОЙ ССР

В связи с пятидесятилетием со дня рождения и тридцатилетием творческой деятельности поэта Мирзо Турсун-заде и отмечая его большие заслуги в деле развития таджикской советской литературы, присвоить поэту Мирзо Турсун-заде почетное звание Народного поэта Таджикской ССР.

Председатель Президиума Верховного
Совета Таджикской ССР **М. РАХМАТОВ**

Секретарь Президиума Верховного
Совета Таджикской ССР **Д. ГАДОЕВ**

25 ноября 1961 г. г. Душанбе.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Плывет по реке золотое кольцо,
Блестит вдалеке молодое лицо.

Играет красавица с влагой речной,
Играет и дружит, и спорит с волной.

Она и сама создана, как волна.
Свободы, веселья и смеха полна.

Нырнула, исчезла. Смотри, не смотри, —
Увидишь ты только одни пузыри,

И лишь догадаться ты сможешь тогда,
Что крепко ее обнимает вода.

Трепещет она, устремляясь ко дну,
Как тихий ягненок у барса в плену.

Но вот поднимает из влаги лицо, —
Внезапно роняет из уха кольцо...

На эту потерю не жалуйся ты:
Что польза в кольце без твоей красоты?

Скажи, не тускнеет ли блеск золотой
В сравненьи с живою твоей красотой?

Пропало колечко, но ты мне поверь:
Твоя красота не боится потерь.

Теперь без кольца золотого плыви
Ко мне, к золотому безумью любви!

На реки в горах не копи ты обид:
Вода здесь хохочет, шалит и кипит,

Но светом богата, дарует земле
Жемчужины света в огромном числе.

Когда я на воду реки ни гляжу,
Твое отражение в ней нахожу,

Такой чистоты нахожу я черты,—
Источником света мне кажешься ты!

СЛЕДЫ В ЛЕСУ

Приди с улыбкой озорной, — приди, я жду тебя.
С бровями прелести резной, — приди, я жду тебя,
Услышишь песню, что поют в моих горах потоки.
Узнал я, что милы тебе широкие леса,

Узнал я, что звенят в тебе деревьев голоса,
Узнал я, что с тобой дружна дубравная краса, —
И в лес иду я, как идет паломник одинокий.
Ты знаешь зиму с детских лет, ты любишь с детских лет

Ее студень аромат, ее волшебный свет,
Ты оставляешь на снегу глубокий лыжный след, —
С глазами синевы речной, — приди, я жду тебя.
Отныне в зиму я влюблен и в этот след глубокий!

Как только я твои следы увижу на снегу,
Как только ветер принесет твой запах на бегу,
По трепетанию сосны почувствовать смогу,
Что близится моя весна, мой друг румянощекий.

Пускай твои следы на снег ложатся, как печать.
Хочу я в голосах зимы твой голос различать.
Чисты, как снег, хотят тебе служение начать
Мои на ниточку одну нанизанные строки.

А если ветер набежит, следы сметет в лесу,
Я в сердце верное свое следы перенесу!
Ты провела не на снегу, а в сердце полосу,
Оно о встрече мне твердит, стучит, торопит сроки.

Но если паводок весны твои следы зальет,
Но если беспокойных птиц начнется перелет,
Но если по грибы придешь, — приду я в свой черед,
Я о твоих следах спрошу у дуба, у осои.

Тогда повеет ветерок, начнет он развевать
Твой шелковый прозрачный шарф и золотую прядь...
Березка тонкая моя, прими стихи опять, —
Их нашептал моей душе Таджикистан высокий!

Перевел С. Липкин

А. ШУКУХИ

В ЭТИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ДНИ

На правом берегу Сыр-Дарьи, немного выше того места, где находится самая большая в Советском Союзе насосная станция, поднимающая из Таджикского моря животворную воду, расположено местечко под названием Султонабад. Каждый раз, когда речь заходит об освоении целинных земель или о проведении новых каналов, мне всегда вспоминается этот Султонабад.

До Великой Отечественной войны, да и после неё, вплоть до появления Таджикского моря и ГЭС «Дружбы народов», у нашего колхоза в Шуркуле было около тридцати гектаров земли под хлопком. Шуркуль находился километрах в 35-и от центральной усадьбы колхоза, а так как мой отец работал в Шуркуле, то мне частенько приходилось отправляться туда то на осле, а то и пешком. Кстати, надо сказать, что сейчас от Шуркуля не осталось и следа, его скрыли воды Таджикского моря.

Отправляясь в Шуркуль, я неизбежно проезжал мимо Султонабада (города царей). У нас говорят: «Имя большое, а посмотреть не на что». Мне иногда кажется, что эту поговорку кто-то придумал, увидев наш Султонабад. В Султонабаде не было ни единого дерева, ни одного здания. Там не росли ни трава, ни кусты, и только в одном месте из-под земли скупо просачивалась вода.

Но не пройдя и метра, она не то испарялась, не то опять скрывалась под землю. Вода в этом источнике, если его вообще можно назвать источником, была горько-солёная. Я-то это хорошо знаю. Сколько раз, изнывая от жажды, мне приходилось прибегать к этому сомнительному «дару» Султонабада.

Этот источник бьёт там и сейчас. Но рядом с ним течёт широкий многоводный канал, по обоим берегам которого растут тенистые ивы. Самгарская степь оделась зеленью хлопковых полей, протянулись бахчи и огороды, степь перерезали широкие дороги. Люди там трудятся, любят, поют песни. Ночами — сколько звезд в небе, столько электрических огней.

Обычно вода течёт вниз. Но здесь, вопреки законам природы, она поднимается вверх и, достигнув подножья Могола, орошает многочисленными ручьями и ручейками всю долину, а затем снова бежит к свое-

му источнику, из которого она взяла свое начало,— к Таджикскому морю. По всему её пути из земли растёт золото.

Я рассказал лишь маленькую страничку из великого дастана о преобразовании таджикского края, показал всего две картинки из вчерашнего и сегодняшнего дня нашей республики.

Когда в пустыне начинает бить источник жизни, то вместе с этим непременно начинаются всякие жизненные волнения и тревоги. И это естественно. Без этого жизнь невозможна. Когда взрослые люди приезжают на новое место, вместе с ними приезжают дети. Для них нужны школы, детские сады, а после того, как пойдут свадьбы, надо строить родительные дома и ясли. А куда пойти после работы? Нужны клуб, кино-театр, чайхана. Вы спросите, а как же магазин, библиотека, баня? Да, сегодня мы не можем представить себе жизни без этих культурно-бытовых учреждений. Когда человек начинает свою жизнь на новом месте, это всегда очень сложное и хлопотливое, если так можно выразиться, дело.

Но большие, высокие цели пробуждают к жизни большие силы. Вера в счастливое будущее превращает труд в источник радости.

Великий учёный древней Греции Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры и я переверну мир». При всей парадоксальности этой мысли она очень точно определяет важность «точки опоры». Величественные дворцы поддерживаются колоннами, корни удерживают деревья во время ураганов, а человека возвышают благородные идеи борьбы и труда.

Если говорить аллегорически, то можно сказать, что люди действительно перевернули мир. Разве освоение миллионов гектаров залежных земель, изменение русла рек, добыча ценнейших богатств из недр земли, разве всё это не значит «перевернуть мир»? А ведь перевернуть мир нельзя без точки опоры. Так что же является «точкой опоры» для советского человека? Этой «точкой опоры» является Коммунистическая партия Советского Союза, бессмертное учение марксизма-ленинизма.

Когда я пишу эти строки, в великой Москве, с трибуны XXII съезда нашей партии звучит голос первого секретаря ЦК КПСС, мудрого кормчего корабля мира, корабля счастья человечества Никиты Сергеевича Хрущева. Его слова, являющиеся как бы голосом сердец всего передового человечества, звучат как призыв к жизни. Из величественного дворца съездов явственно доносится шум колес истории.

Свыше ста лет тому назад Маркс и Энгельс в своем Манифесте Коммунистической партии написали, что «призрак бродит по Европе — призрак Коммунизма». Этот «призрак» сейчас властвует над большей частью мира. Утвердившись сначала в нашей стране, коммунистическая идеология обрела все большие и большие силы и стала символом нового времени. На одной шестой части Земли социализм полностью и бесповоротно победил. И сегодня великий Советский Союз, вспоминая свой 44-летний путь жестокой борьбы и славных побед, с полной уверенностью заявляет, что сегодняшнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Вот та радостная весть, о которой долгие века мечтали наши деды и прадеды.

* * *

В этом году мне хотелось свой трудовой отпуск провести с братом на целинных землях в Мирзочуле. Рано поутру наш «Москвич» тронулся в путь. Часа через два мы выехали в широкую степь, а вскоре достигли места, где дороги расходятся. Мы остановились и начали советовать-

ся, по какой дороге нам ехать, какая из них приведёт нас в самое интересное место. Вскоре издали показалась машина. Подъехав к нам, машина остановилась, из кабины вынулся молодой парень-шофер.

— Не надо ли чем помочь?

— Да вот не знаем, по какой дороге ехать. Не знаете ли, куда они ведут?

— А куда вам надо?

— Да в какой-нибудь новый колхоз или совхоз.

— Поезжайте по любой дороге,— засмеялся парень,— не ошибётесь.

Мотор нашего «Москвича» равномерно гудел и как будто с нетерпением ждал,— куда мы повернем руль. Но в конце концов — какая разница. В наше время все дороги ведут к хорошим людям, в новые обжитые места. Да, так у нас сейчас. Ну, а раньше? Как было раньше?

Одна из таджикских сказок начинается так. Юноша-бедняк решил отправиться в путь за счастьем. Шел он, шел и дошёл до места, от которого отходят три дороги. На каменной плите у дороги было написано: «Тот, кто пойдет по левой дороге, обратно не вернется; тот, кто пойдет по средней дороге, то ли вернется, то ли нет, а куда приведёт правая дорога,— никто не знает. Долго думал юноша и решил пойти по правой дороге...»

Это начало сказки не было случайным. Трудящийся человек не знал, на какую дорогу жизни ему выбраться, по какому пути ему идти. С одной стороны его ждала смерть, с другой стороны — голод, а с третьей — рабство. Вот и решил он пойти по нехоженному пути искать счастья.

Нам, советским людям, незачем выбирать себе дорогу. Эту дорогу нам показал Ленин, великая Коммунистическая партия. На эту дорогу мы вступили зимой 1917 года под гром выстрелов «Авроры» и идём по ней вот уж более сорока четырех лет. Идя по этому пути, мы построили новую жизнь, достигли социализма, взлетели в космос, взяли в свои руки ключи от мироздания. Притягательная сила этого пути намного сильнее всех атомных бомб. И мы твердо верим, что завтра по этому пути пойдет все человечество. Это приговор истории, воля жизни, закон развития.

Никто не может сказать, когда пришло в мир слово счастье. Известно только, что человечество боролось за него долгие века. С течением времени, вместе с изменением сознания, изменением взглядов и самой жизни менялось, конечно, и значение слова — «счастье». Когда тёмной ночью человек зажигает свечу, ему кажется, что это уже счастье, когда он голоден, то и кусок лепёшки кажется ему счастьем, а для жаждущего и капля воды кажется счастьем.

Что же подразумевал таджикский народ под словом счастье до революции? В чём же видел он своё счастье? На этот вопрос очень точно отвечает одно народное четверостишие:

Как-то пришёл я на берег ручья,
Я посадил дерево и полил его слезами,
Начался ветер и вырвал моё дерево с корнем
Нет у меня, несчастного, счастья.

Для певца этих строк счастье заключалось в одном-единственном дереве. Да, таково было положение народа, который дал миру таких великих поэтов и мыслителей, как Рудаки, Ибн Сино, Хафиз и Камол.

Мы же, говоря о счастье, думаем не о куске хлеба и не о дереве, нет, мы думаем о бескрайних полях хлеба на целинных землях, о колоссальных комбинатах Урала, о садах Грузии, о золотоносных долинах Вах-

ша и Гиссара. Мы видим свое счастье в сверкании алых звёзд Кремля, в сияющих лицах наших детей. Прошли те времена, когда счастье было таким же далеким и недоступным, как мираж, который манит путников, заблудившихся в жгучих песках пустыни, когда молитва казалась единственным ключом к счастью.

Долгие века человек смотрел на небо. Но и здесь всё изменилось. Если раньше мы смотрели на небо, как на таинственный и недоступный человеку мир, то теперь, смотря на небо, мы видим путь, проделанный Юрием Гагариным и Германом Титовым.

Часто, критикуя какое-нибудь слабое произведение, далёкое от действительности, наши критики обвиняли автора в том, что тему для своего произведения он взял не из реальной жизни, а с неба. Но теперь, когда человек приблизился к небу, к звёздам, к другим мирам, когда появилась первая книга о путешествии человека в космос, и это уже не фантастика, а произведение реальной жизни, нашим критикам придется поискать другие сравнения.

Строитель коммунизма, человек сегодняшнего дня, хочет увидеть в художественной литературе себя, он хочет увидеть тех, кто борется с ним рядом, прочесть о том пути, по которому он идет к коммунизму. Если основная задача поэта и писателя заключается в том, чтобы дать народу духовную пищу, а я в этом не сомневаюсь, то мне кажется, что писатели должны создавать такие произведения, которые были бы понятны народу, звали бы его на новые подвиги. А у нас в последнее время некоторые поэты, прикрываясь «актуальной темой», пишут стихи, которые никто не читает, кроме ближайших друзей поэта. Эти стихи умирают на следующий же день после их появления в печати. Актуальная тема, неожиданные образы, отдельные удачные выражения,— это еще не стихи. Свежие оригинальные мысли, глубокая жизненная мудрость, замечательные сюжеты, подмеченные в жизни, могут быть сами по себе очень интересны, но это еще не поэзия. Очевидно, от поэта требуется еще «нечто»,— и это «нечто» — поэтическое искусство, его законы и нормы. Изучение этих поэтических законов является для молодого поэта чем-то вроде освоения целинных земель.

Несколько лет тому назад, когда пустили воду в Самгарскую степь, некоторые руководители предложили колхозникам ради перевыполнения плана посеять хлопок в каменистую, необработанную почву. Этим они решили показать свою любовь к родине, свой патриотизм. А мы, журналисты, не разобравшись, всячески поднимали таких руководителей, всячески расхваливали их, но каменистая почва, да еще лежащая под уклоном, не смогла удержать воду. Вода ушла, труд пропал, хлопок так и не уродился. А ведь знающие агрономы и опытные колхозники в свое время говорили, что этого делать не следует, что на этой земле надо вначале посеять люцерну, улучшить структуру почвы, а лишь потом сеять хлопок. Но их не слушали, называли людьми отсталыми, консерваторами.

Такое иногда случается и в нашей сегодняшней таджикской поэзии. Некоторые молодые поэты торопятся писать, создают свои произведения, не подготовив предварительно для этого почву. А когда им советуют поучиться, воспользоваться поэтическим опытом классиков, когда им говорят о том большом значении, которые играют в поэзии сравнения, аллегории, антитезы и другие средства поэтической выразительности, они обижаются и называют этих людей, искренно желающих им добра,— людьми отсталыми, консерваторами.

И сегодня, как всегда, форма в поэзии должна неразрывно сочетаться с высокой идеей. Форма и содержание должны быть неотделимы, как ноготь с пальцем. Это необходимое условие высокого искусства. Неоправданный срыв ритма, небрежное отношение к слову, утяжеление

строки,— всё это никогда не было и не будет новаторством. Это говорит лишь о слабости, о беспомощности поэта.

История поставила перед нами великую цель,— показать человека эпохи коммунизма, его горячее сердце. Объектом литературы эпохи коммунизма являются руки рабочего, добывающего уголь и выплавляющего сталь, руки крестьянина, создающие хирманы «белого золота», ум и талант советских учёных, открывающих тайны природы.

Но духовный мир советского человека раскрывается не только в его труде. Он гораздо богаче и разносторонней. В нём органически переплетается глубоко общественная тема борьбы и труда и глубоко личная тема «соловья и розы». Ведь человеку свойственны и чувство любви, и ревность. У него в жизни бывают праздники и дни горя, свадьбы и рождения, разлуки и встречи. И наша литература должна создать образ нашего современника, строителя коммунизма, не обедняя его, а во всем богатстве его духовного мира.

Во время проведения недели литературы братской Украины в Таджикистане, известный украинский поэт и сатирик Степан Олейник сказал, что из всей семьи Олейников он первый грамотный человек. И тут я вспомнил своего первого учителя. Он нам советовал, если мы что-нибудь не поймем, спрашивать у старших. И вот как-то мы не смогли прочесть в азбуке какое-то слово, решили попросить помощи у старших. Но сколько мы ни ходили по дворам, никто не мог нам помочь. Вот как обстояло с грамотностью у нас в кишлаке. Сейчас это кажется смешным, а когда-то это было.

История знает, как много дала Коммунистическая партия и Советская власть народам. Ярким свидетельством этому служит наш сегодняшний день. Мы сейчас взлетели выше того, о чём смели мечтать наши предки. Мы уверенно движемся к коммунизму. Наш путь освещает компас истины,— Коммунистическая партия.

Да, мы живём в удивительные, замечательные дни.

Абдусалом ДЕХОТИ

ЖИВОЕ ВРЕМЯ

Недавно мне на глаза попались такие строки:

Да, весь я твой, живое время, весь
До глуби сердца, до предсмертной мысли...

Эти слова написал большой русский советский поэт Владимир Луговской.

Но великие поэтические откровения очень часто становятся выражением дум и стремлений многих тысяч людей. Стихи Луговского я отношу к подобным откровениям. В них так точно переданы чувства гражданина и художника, с такой искренней простотой заявлено свое кредо, что, однажды прочтя их, хочется повторять снова и снова, как заклинание, как клятву эпохе, в которой нам выпало счастье жить и творить:

Да, весь я твой, живое время, весь
До глуби сердца, до предсмертной мысли...

Лучше, пожалуй, не скажешь.

Однако здесь, думается, следует подчеркнуть, что писатель завоевывает право на такие слова прежде всего своим творчеством, своими активно вторгающимися в жизнь книгами.

Если мера труда рабочего, хлопкороба или садовода определяется количеством и качеством произведенной ими продукции, то труд художника оценивается степенью идейного и эмоционального воздействия его произведений на массы.

Мне уже приходилось рассказывать, как однажды на берегу Бартанга девочки-пионерки подарили мне цветы. При этом они не произнесли ни слова, но такая пленительная улыбка играла на их смущенных лицах, так светились их горящие глаза и такой приятный аромат источали собранные ими цветы, что моя первоначальная растерянность сменилась взволнованностью. Я не находил слов, хотя понимал, что цветы эти предназначались, в сущности говоря, не мне. Нет! Они символизировали любовь к нашей советской литературе.

Вспомнилось: в 1957 году я побывал в Японии, где встречался с десятками своих коллег — прозаиками, поэтами, драматургами... Они сетовали на свою судьбу. Пубои Сигадзе, прогрессивный поэт-драматург, издающий журнал «Новая литература Японии», с тоской говорил о тех

рогатках, что стоят на пути у молодых талантов. Издательства, как правило, не печатают их произведения пока они не завоюют себе имени. Им приходится выпускать книги на собственные средства. Еще более определенно и резко высказался поэт Накано Хидэто:

— У нас, — сказал он, — слово «писатель» является синонимом слова «нищий»...

Там дети не только не дарят писателям цветы, но часто даже не знают их имен. И только у нас, где писатель — «народа водитель и народа слуга», где народ сам вершит свою судьбу, Коммунистическая партия торжественно объявляет литературу частью своего общепартийного дела, а писателей своими верными помощниками!

Высшим выражением всенародной любви к литературе и того доверия, с которым партия относится к ее деятелям, является факт участия многих и многих писателей в работе XXII съезда. Их было тридцать два, наших товарищей, поэтов, прозаиков, драматургов, со всех концов страны. Тридцать два делегата XXII съезда КПСС. И пятеро из них выступили с высокой трибуны этого великого форума строителей коммунизма.

Я помню немало съездов партии и скажу без преувеличения, что ни на одном из них не уделялось такого большого внимания литературе и искусству, как на двадцать втором.

Проблемам развития литературы посвящены многие яркие страницы отчетного доклада ЦК КПСС, который сделал Никита Сергеевич Хрущев, и часть речей товарищей Сулова, Демичева, Фурцевой... Я уже не говорю о том, что этим проблемам посвящены соответствующие разделы новой Программы КПСС, принятой съездом.

«Советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания.

Главная линия в развитии литературы и искусства — укрепление связей с жизнью народа, правдивое и высокохудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического, и обличение всего того, что противодействует движению общества вперед».

Двадцать второй съезд КПСС высказал полностью все, что способно сделать наше творчество созвучным нашей замечательной эпохе.

Да, именно сделать!

Нам незачем прибединяться — талантами наша земля богата, и тому свидетельству уже один простой перечень того, что создали таджикские писатели за минувшее с двадцатого съезда шестилетие. Сборник стихов «Голос Азии», поэма «Хасан-арбакеш» Мирзо Турсун-заде, готовящийся к печати поэтический цикл «Дети Индии» Мирсаида Миршакара, «Шураб» Рахима Джалила, повести и очерки Джалола Икрами, литературные киносценарии Сатыма Улуг-зода, «Лето» Толиса, вторая книга романа «Верность» Фатеха Ниязи, новые стихи Аминджона Шукухи, Боки Рахим-заде, пьесы и юмористические рассказы Самада Гани... Наконец, новые яркие литературные имена: поэт Гафар Мирзоев, прозаик Фазлитдин Мухаммадиев, поэт и драматург Файзулло Ансори, поэт и новеллист Абдумалик Бахори, очеркист Матеулло Наджмиддинов, очеркист, поэт и драматург Агзам Сидки...

Но когда соразмеряешь достигнутое в литературе с величественными деяниями народа, который за это же время успел дерзко проник-

нуть в космос, изменил облик многих уголков своего края, возвел новые города, соорудил сотни новых промышленных предприятий, гигантские гидроэлектростанции и теплоэлектроцентрали,— то, право же, кажется, что мало еще мы сделали.

Я прошу понять* меня правильно: речь идет не о количестве созданных нами, писателями, книг, а об их качестве. Ведь мало кто из нас может сказать, положив руку на сердце, что ему удалось в полной мере воплотить в своих произведениях образы тех людей, которые выдвинули из своей среды Юрия Гагарина и Германа Титова, знатного таджикского строителя Гуляма Арзыкулова и вожака тружеников колхоза имени Ленина Восейского района Мирали Махмадалиева, или знатную ткачиху Патиджон Рахимову, младшую сестру Валентины Тагановой и Юлии Вечеровой. Слишком уж упрощено изображаем мы порой их мужание, их большой путь к подвигу.

Вот это-то обстоятельство я и имею в виду, когда говорю о том, что нам предстоит еще многое сделать.

В Программе КПСС прямо подчеркивается, что литература и искусство «призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей».

Однако книги наши только тогда являются таким источником, когда читатель находит в них увлеченность писателя своими героями, не схему, а жизнь во всем ее многообразии, образы живые и интересные, судьбы, пусть трудные, но зато становящиеся личными переживаниями каждого... Только при этом условии наши герои займут место правофланговых в рабочем строю строителей коммунизма и поведут на новые подвиги, как вели и ведут, скажем, Павел Власов или Павка Корчагин, а у нас, в таджикской литературе, герои романов Садриддина Айни, лирический герой произведений Мирзо Турсун-заде, некоторые герои Рахима Джалила или Джалола Икрами.

Я думаю, что для того, чтобы правдиво и ярко поведать о нашем современнике, нужно хорошее знание действительности, нужна искренность чувств и смелость в поисках новых форм и новых красок.

Схематизм в наших произведениях, однообразие ситуаций и выпренность — это результат созерцательного отношения к действительности, плохого знания жизни. Сухость и прямолинейность, «лобовое» решение темы в наших произведениях — это еще и результат нашего рационалистического подхода к изображаемому явлению.

Страсть, страсть гражданина, страсть патриота, страсть художника, которому дорого его произведение, как дорого матери ее дитя,— вот что должно звучать в каждой написанной нами строке! А это возможно тогда, когда, как говорится в Программе, «смелое новаторство в художественном изображении жизни сочетается с использованием и развитием всех прогрессивных традиций мировой культуры».

Между тем, если наша поэзия добилась в этом отношении определенных успехов, то проза и драматургия, я подчеркиваю,— особенно драматургия, до сих пор находятся как бы на перепутье. Драматургии словно бы не решаются порвать с устоявшимися канонами и боятся раздвинуть сценическую площадку, боятся дать героям возможность свободно и широко смотреть на мир. Читаешь иную пьесу или смотришь спектакль и думаешь о том, как не хватает ее, в общем-то «правильным героям», глубины размышлений, как жестко ограничен их мир заданной ситуацией.

Происходит это, кстати сказать, от того, что мы еще не только слабо занимаемся поисками новых форм, но порой не утруждаем себя учебой у классиков и изучением всего лучшего из национальных сокровищ мировой культуры.

Мне вспоминается, как в начале тридцатых годов у Садриддина Айни спросили, может ли кто-нибудь из молодых писателей создать такое же яркое и талантливое произведение, как «Дохунда»? Айни помолчал, а затем ответил:

— Молодым прежде нужно отведать семьдесят пять палок.

Айни создавал свой роман, имея за плечами богатую событиями жизнь; семьдесят пять палок — число ударов, которые нанесли ему эмирские палачи за его прогрессивную деятельность. Выражение устода в этом свете прозвучало фигурально, как требование к молодым изучать жизнь, изучать среду и героев. Без твердого и глубоко органического знания действительности невозможен никакой талант.

Но устод Айни не ограничивался знанием жизни, он все время учился. Он превосходно знал таджикско-персидскую классическую литературу, а после революции познакомился с творениями Алексея Максимовича Горького, который, по собственному признанию устода, оказал на него неоценимое влияние. Айни черпал вдохновение непосредственно из жизни, а литературному мастерству обучался на высоких образцах мировой культуры.

Этот пример великого мастера художественного слова должен всегда стоять у нас перед глазами, мы должны пронизывать произведения героическим воздухом современности и, если так можно сказать, — интимного проникновения в душу современников.

Здесь я должен сказать, что за последнее время у нас в таджикской литературе происходит много весьма интересных явлений. Мои братья по перу все настойчивее обращаются к поискам тех черт характера героя современности, в которых наиболее выпукло запечатлелось переживаемое нами время, причем усиливается внимание к объективному и всестороннему изображению психологического процесса.

Но сделаны только первые шаги и сделать — повторяю, именно сделать — предстоит еще немало. Если продолжить высказанное мною в начале статьи сравнение труда писателя с трудом рабочего, то можно сказать, что мы, в отличие от большинства рабочих, чаще допускаем брак, чем они. У них непримиримое отношение к продукции низкого качества, а мы все еще миримся с появлением серых невыразительных книг.

Я думаю, что выражу наше общее мнение, если скажу, что теперь, после исторического XXII съезда, когда народ наш вооружен марксистско-ленинской Программой коммунистического строительства, когда он приступил к этому строительству, что называется, вплотную, нам нужно работать по-новому, дерзко, смело, страстно и энергично.

В Программе партии есть слова о том, что в течение предстоящего двадцатилетия художественное начало еще более одухотворит труд, украсит быт и облагородит человека.

Это значит, что литература и искусство вышли на арену жизни в качестве одной из ведущих сил, формирующих облик и сознание человека коммунистического общества.

Это значит, что литература и искусство всего через каких-нибудь двадцать лет будут постоянной потребностью каждого, абсолютно каждого человека. Человек не представит себе дня без книги, как уже сейчас, он не представляет дня без радио или без газеты.

Мы за сорок четыре года Советской власти шагнули от нищеты к изобилию, из бедной невежества к космическим высям.

Мы за двадцать лет свершим такое, что не запечатлено ни в одном предании, ни в одной сказке.

Сказки уже стали былью, теперь наши мечты основаны на реальности научного марксистско-ленинского предвидения.

Время наше живое, оно постоянно в движении, и каждый новый час его изумительнее часа минувшего, и нужны пытливость и зоркость ясных глаз, чтобы вобрать в себя все происходящее, чтобы отобразить его яркими образами искусства.

Никита Сергеевич Хрущев, закрывая XXII съезд партии, произнес простые и вдохновенные слова:

— За работу, товарищи! За новые победы коммунизма!

И нет сомнения в том, что мы, деятели искусства, все, как один, возьмемся за работу с утроенной энергией и будем в содружестве с нашим великим народом утверждать на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье!

У РОДНИКА

Лет десять назад мой приятель, славный парень, Файзулло-футболист, — так прозвали его за страстную любовь к футболу — уговаривал меня поехать с ним в Ташкент посмотреть матч между нашей командой и москвичами.

Он уверял, что если я не увижу эту игру, безусловно самую классическую из всех игр, то до конца жизни меня будет грызть совесть — и поделом.

Что тут было делать? Я согласился. В Ташкент мы решили отправиться на машине.

Выехали из Ленинабада в сумерки. Было уже за полночь, когда наша машина остановилась в каком-то глухом местечке посреди степи, чтобы набрать воды.

— Где мы стоим? — спросил мой товарищ у шофера.

— Янтак, — коротко бросил тот. И, сняв с крюка брезентовое ведро, ушел в темноту.

— Ну что ж, посмотрим, что за Янтак.

Мы вылезли из машины и направились к белевшему вдали зданию с большими воротами, напоминавшему сарай.

Хотите — верьте, хотите — нет, но нам не потребовалось и одной минуты, чтоб увидеть весь Янтак.

Кроме здания с большими воротами, которое действительно оказалось сараем, в Янтаке было еще несколько глинобитных кибиток. Как ни старательно вглядывались мы в темноту, но так и не увидели ни одного деревца, ни одного кустика. Лишь насмешливо шуршала вокруг под лёгкими порывами ветра сухая степная трава.

— А этот Янтак неплохое местечко для ада, — бросил Файзулло шоферу, подошедшему к машине с полным ведром воды.

— Вы бы сюда днем заглянули, получили бы полное удовольствие. Пожалуй, здесь жарче, чем у чёрта в пекле. — Шофер засмеялся. — Вот говорят: степи Караболо, знаменитые степи Караболо, а ведь даже им не сравниться с этим окаяннным местечком. Вы мне поверьте, я-то знаю, не раз здесь бывал. Если хотите, мы сюда на обратном пути сможем днём завернуть.

— Боже нас упаси, — со смехом замахал на него руками Файзулло. Мы стояли здесь около получаса, но за всё это время не видели ни одной живой души. К нам никто не подошёл, не поинтересовался, кто мы, куда едем; и только, когда тронулись, откуда-то появился тощий, облезлый пёс и с неохотой залаял нам вслед осипшим голосом.

С тех пор, где бы я ни слышал название Янтак, мне сразу вспоминались эти кибитки, сарай и слова друга:

— А неплохое это местечко для ада.

И вот теперь я сам живу в этом самом Янтаке.

Я написал «в этом самом Янтаке» и почувствовал, что так нельзя сказать, что это неверно. Ведь от того Янтака, который был десять лет назад, до нынешнего — так же далеко, как от неба до земли.

Теперешний Янтак — это современный город, в полном смысле этого слова. Это центр крупного Матчинского района.

Трёх-четырёхэтажные дома, тенистые аллеи и прохладные арки, прямые асфальтированные улицы, библиотека, школа-десятилетка, почта, телеграф, различные машины, снующие по улицам, вытянутые шеи подъёмных кранов — всё это находится там, где раньше ютилось несколько глинобитных кибиток.

Янтакцы читают «Правду» в день её выпуска.

Новый фильм Григория Чухрая «Чистое небо» жители Янтака смотрели раньше жителей столицы. Здесь расположен единственный в республике совхоз-техникум, в котором студенты и учатся, и работают.

Самое интересное в Янтаке то, что здесь всё новое: и дома новые, и улицы новые, и учреждения, и предприятия, даже предметы домашнего обихода новые. На машинах, проезжающих по улицам Янтака, стоит дата выпуска 1960 года, иногда и 1961 года. Самая старая книга, имеющаяся в Янтакской библиотеке, выпущена в 1957 году. А самым старым деревьям в Янтаке не больше четырёх-пяти лет.

Кстати, к вашему сведению, самому району — Новой Матче — только недавно исполнилось четыре года. Он был основан в 1957 году.

И ещё мне очень понравилось в Янтаке — многонациональность его жителей. Там можно встретить и таджиков, и русских, и украинцев, и узбеков, и киргизов, и белоруссов, и грузин, и татар, и евреев, и осетин, и башкир. В одном из Матчинских колхозов есть даже две бригады из казахов. Но всё нетаджикское население Матчи прекрасно владеет таджикским языком и даже говорит на матчинском диалекте.

А теперь несколько слов о Дальверзинской степи.

Впрочем, с самого начала следует сказать, что Дальверзинская степь — уже не степь. Разве можно назвать степью хлопковые поля?

Могучие насосы, перегоняющие воду из Сыр-Дарьи, превратили прежнюю выжженную степь в плодородную зелёную долину. Там, где некогда росли лишь колючки да сорняки, теперь возделывается хлопок, цветут молодые сады и виноградники. Там, где раньше было голо и пусто и нельзя было найти хоть какого-нибудь скверного сарая, не говоря уж о кибитке, чтобы переночевать, теперь белеют ряды колхозных плановых домов.

И всё это: и канал, и бескрайние хлопковые поля, и сам новый Янтак, — всё это создано силой человеческих рук, силой трудовых рук матчинцев.

Однажды писатель Ходжи Садык, хорошо знающий новую Матчу и даже написавший о ней книжку, сказал:

— Превратить за один-два года пустынную степь в цветник — это чудеснее любого чуда.

По-моему, очень хорошо сказано.

И невольно хочется склонить голову перед матчинцами, спустившимися сюда, на эту опаленную зноем степь, со своих прохладных, тенистых гор. Хочется прославить героизм тех, кто совершил это чудо, превратил эту обнаженную пустыню в цветущий оазис.

А сейчас мне хотелось бы очень коротко рассказать о характере, языке и обычаях матчинцев.

Почему-то раньше я представлял себе матчинцев людьми угрюмыми, не понимающими и не любящими шутку. Я ошибался. Матчинцы жизнерадостны и веселы, они интересные и остроумные рассказчики.

Несколько примеров.

Как-то, проходя по хлопковому полю в колхозе имени Калинина, я сорвал какую-то травинку и спросил у одного из колхозников, что это за трава.

Колхозник лукаво усмехнулся и ответил:

— Ведь мы в хлопководстве новички, в травах не разбираемся. Всё, что не хлопок, просто травой называем,— и тут же, не выдержав серьёзного тона, засмеялся вместе со мной.

Недалеко от районного центра, над самым каналом, построена чайхана.

Как-то, в жаркий полдень, когда солнце палило особенно нещадно, мы завернули туда.

Видим — у самоваров никого нет, чайханщик, немолодой, седой человек, купается в канале.

Когда чайханщик вылез из воды и поднялся наверх, один из моих спутников, скрывая улыбку, спросил:

— Ну, что у вас опять случилось, усто?

Старик с серьёзным видом ответил:

— Да вот, чайник в канал упал.

Мои спутники громко рассмеялись.

Оказывается, старый чайханщик любил в жаркую погоду выкупаться, но чтобы его не осудили посетители чайханы, он каждый раз придумывал какой-нибудь предлог: то ножик свалился в воду, то чайник.

А какой образный язык у матчинцев, пересыпанный яркими сравнениями и метафорами!

Так, например, всюду говорят: «тяжелый человек», а матчинцы: «Тяжел, как скала».

Я всё не могу забыть, как сказал один бригадир колхозникам:

— Продайте кому-нибудь вы свою дорогу на базар, а сами лучше работайте. Теперь урожай ведь не на базаре родится, а в поле».

«Продайте дорогу на базар» — как точно, как хорошо сказано!

Другой матчинец сказал однажды своему приятелю:

— Да что ты на всё реагируешь, как стрелка ювелирных весов!

Матчинцам свойственно удивительное человеколюбие и гостеприимство.

Но особенно покорила меня в матчинцах их любовь к поэзии, и поэтам: они пересыпают свою речь пословицами и поговорками, стихотворными строчками и целыми четверостишиями. Так, инструктор райкома комсомола, отчитывая какого-то паренька за то, что он не хочет учиться, вместо того, чтобы сказать ему, что безграмотность постыдна, сказал:

Птица, не знающая ничего о чистой воде,
Всегда пьёт солёную воду.

Однажды какой-то товарищ — не знаю, кто он по специальности,— узнав о болезни Мирзо Турсун-заде, с большим волнением спросил у меня:

— Как сейчас здоровье Мирзо Турсун-заде? Хоть бы он скорее поправился.

Группа молодых матчинцев поручила мне попросить у Дехоти, чтобы он написал статью в газете «Тоджикистони Совети» о правильном написании названия их района (Масджох или Мастчох).

Короче говоря, Новая Матча — это целина не только для сельского хозяйства, но и для писателей там непочатый край плодороднейшей почвы.

Я рад, что приехал в Матчу. Я себя чувствую так, будто попал в богатейшую сокровищницу и вокруг меня рассыпаны драгоценные камни, и мне надо только нагнуться и выбрать самые лучшие. В эти замечательные, кипучие дни снова и снова вспоминается мне мудрый совет, который дала Партия своим верным помощникам — писателям: великий Ленин говорил, что писатель должен всегда трудиться с народом и для народа.

Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев в своей статье «За новые успехи литературы и искусства» подчеркнул, что «художник всегда должен быть в гуще жизни».

Мне кажется, что эти впечатления, о которых я сейчас рассказал, являются тоже одним из многочисленных свидетельств правоты этого указания.

Ведь если главнейшая задача, стоящая перед нами, писателями, — писать о жизни и труде народа, то нам, конечно, надо быть среди народа, кипеть в котле жизни, дышать с народом, жить с ним одной жизнью.

Народ — поэт. Он творит поэмы, а нам дано — пересказывать их.

И вот, думая о народе-творце и о нас, его певцах, мне приходит на ум такое сравнение: в древности поэты писали стихи, но так как в то время книги еще не умели печатать, то стихи поэта читал специальный чтец-декламатор — рави. Вот так же и теперь: поэт — это сам народ, а мы, писатели, его рави.

А рави всегда должен быть вместе с поэтом.

А. БАХОРИ

СЛУШАЙ, ЖИЗНЬ!

Я видел, как река,
Вскипая шумной пеной,
Пыталась вырваться
Из каменного плена.

Меж каменных громад,
Спеша дорогой длинной,
Она срывалась вниз,
Чтоб встретиться с долиной

О камни билась лбом,
Крушила волны в брызги,
К засушливым полям
Стремилась воды жизни...

Жить с пользой для других,
Жизнь проверять борьбою
Я сделал для себя
И целью, и судьбою.

Недаром я в труде
Порою забываю
Об отдыхе,
Порой ночей не досыпаю.

Желанное достичь
Не сразу удается.
Казалось, вот оно...
А в руки не дается,

Но помня о реке,
Всей силою излейся.
Тогда ответит жизнь
На требованье сердца.

Тогда любовь моя
Надежду не обманет,
И счастье дальше
Намного ближе станет.

С народным подвигом
Мой труд тогда сольется.
Я — капля.
Но ведь в ней
Отражено все солнце.

Судьба моя, и впредь
Иных путей не ведай.
Дорогой избранной
Всегда стремись
К победам.

Бери пример с реки,
С ее души живой...
Пусть будет жизнь моя,
Вся —
До конца! —
Борьбой.

Перевел А. Дебринин

Георгий ШЕЛЕСТ

ПАРТИЙНЫЙ ВЗНОС

Ефим Скворцов расписался в ведомости и получил тридцать семь рублей и сорок две копейки!

— За что это? — спросил он.

Старший писарь Андрианов пожал плечами.

— Черт их знает... Прислали ведомость и деньги. Скажут за что... Даром деньги давать не будут...

— Смотри ты — подвезло как. А у меня за два месяца партийные взносы не плачены... Вот теперь и заплачу. Немного платить, да, на грех, денег не было... — бормотал Скворцов, пряча деньги.

— Отхватил? — К нему подошел переводчик Сережка Маркин. — Пошли на базар винограду купим.

— Скворцов! Швыдче до командиру полка, — крикнул, увидев Скворцова, старшина Лисневский.

— Вот всегда так! — горестно воскликнул Скворцов и, оставив Маркина, пошел в штаб полка.

— Вот тебе аллюр три креста! — сказал комполка Бакутин, подавая запечатанный пакет.

— Возьми двух орлов и доставь комдиву Казанскому в Ура-Тюбе. Понял?

— Есть, доставить пакет комдиву Казанскому! — повторил Скворцов и спросил:

— Разрешите партийные взносы отдать? Два месяца не платил...

Бакутин взмахнул рукой. Он не спал эту ночь и, мигая покрасневшими веками, закричал:

— Полтора часа всего ходу... Где ты сейчас Семакова найдешь? Придешь обратно, заплатишь. Поезжай, без проволочек!

— Слушаюсь! — Скворцов положил пакет в карман гимнастерки и вышел.

Вскоре три всадника на рысях ехали по дороге к Ура-Тюбе.

Дорога петляла меж песчаных сопочек, покрытых чахлыми побуревшими колючками.

Бойцы ехали в один ряд. Скворцов рассказывал:

— Я только хотел членские взносы заплатить и с Маркиным на базар пойти, вдруг к Бакутину вызвали, поезжай, говорит, с пакетом. Так ничего и не сделал!

Сопровождавшие красноармейцы с уважением слушали Скворцова. Они еще партийных взносов не платили.

На полдороге нарвались на басмачей. Они вывернулись неожиданно из-за крутого поворота и на мгновение опешили.

— Даешь Варшаву! — дико завопил Скворцов, выдергивая клинок. Бой был короткий.

Четыре басмача лежали, порубленные клинками, трое, нахлестывая коней, ударились в бег, а один, раненый, пытался сесть на коня. Скворцов подскакал к нему и, насторожив карабин, крикнул:

— Эй, ошно, сдавайся! Хватит, побаловались...

Басмач, хромя, забежал за коня и выстрелил. Скворцов уронил карабин и ткнул в гриву, выпустив повод. Подсочившие красноармейцы прикончили басмача клинками, спешились.

Скворцов неловко лежал на коне, вытянув руки, марая кровью легкую попонку.

— Убили человека, — проговорил красноармеец постарше. — Куда теперь? Назад или в Ура-Тюбе?

— Ура-Тюбе недалеко. Пошли туда, — ответил другой.

Они привязали Скворцова к седлу и переменным аллюром погнали коней по дороге.

Доехали благополучно.

Комдив Казанский взял пакет, привезенный мертвым Скворцовым, и приказал похоронить гонца с почестями героя.

Партийный билет, красноармейскую книжку и денег тридцать семь рублей сорок две копейки отдал красноармейцам — чтобы передали Бакутину.

— Не заплатил наш Ефим партийный взнос, — принимая документы и деньги, вздохнул один из красноармейцев.

— Почему не заплатил? Это ты зря! — сказал другой красноармеец. — Он заплатил! Вековечно жизнью заплатил...

И стали курить.

У ИЛЬИЧА

(Глава из повести «Баргузин»).

Шел двадцать первый год. Еще грохотало на далеких окраинах замирающее эхо гражданской войны. Огромная страна меняла винтовки на плуги, стали дымить трубы заводов. В Кремле маленький, скромный до величия человек, правил рулем хозяйственного строительства. Было тогда трудно всем, а ему труднее всех.

И шли к нему отовсюду люди.

Вся необъятная Россия шла к нему, а от него лилась вера в могучую силу народа.

* * *

На Красной площади, у Спасской башни, артельщики сбросили с плеч мешки, и Елифан спросил у часового, рябоватого парнишки:

— Как, товарищ, до Ленина дойти? Делегация мы.

Часовой покосился на мешки артельщиков. Шагая от вокзала до Кремля, ходоки порядком взопрели и уселись прямо на булыжны мостовой.

— По пропуску до него проходят.

Епифан верил в магическую силу своего партбилета, достал его и показал часовому.

— А по партийному билету пройти нельзя?

— Нет. Пропуск надо...

Из ворот башни вышел кто-то в кожаной куртке, с маузером. Он, видимо, куда-то торопился, но тройка артельщиков его заинтересовала и он быстрым шагом подошел к ним.

— Что за люди?

— Делегаты, говорят,— ответил часовой.

— Что за делегаты?

— Из Сибири мы, приискатели. К Ленину,— объяснил Епифан.— По сути надобности... А вы кто будете?

— Я комендант Кремля Мальков,— ответил в кожаном.

Епифан заулыбался и торопливо стал рассказывать. Комендант Кремля, видать, не первый раз встречал таких делегатов у кремлевских ворот. Суровый с виду, он умел одному ему известным чутьем распознавать тех, кому можно было сразу верить.

Выслушав Епифана, повернулся к часовому:

— Пусть пройдут.

Артельщики подняли мешки и гуськом пошли за Мальковым. У совнаркомовского подъезда он усадил двоих у крыльца и с Епифаном поднялся наверх.

В приемной незатейливо одетая женщина вопросительно посмотрела на Малькова и Епифана.

— Что у вас, товарищ Мальков?

— Из Сибири приискатели прибыли. Просятся к Владимиру Ильичу...

Женщина взглянула на Епифана. Стоял перед ней небритый человек с серыми решительными глазами, в вытертых до блеска плисовых штанах с брезентовыми леями. Под распахнутой шубой висел наган.

Женщина спросила:

— А документы у вас есть?..

— Есть. Как не быть документам,— заторопился Епифан. — Вот партийный билет, вот мандат от волисполкома, а это от укома направление.

Женщина, которую Мальков почтительно называл Лидия Александровна, прочитала документы и жалостливо сказала:

— В/какую вы даль, товарищ Непомнящий, ехали...

Епифан расчувствовался. Не стыдись, он расстегнул очкур* широких штанов, достал туго набитый мешочек и поставил на стол.

— Это, дорогая товарищ, золото... Два фунта и восемь золотников. В документах об ём ничего не прописано. Поопасались. В дороге все может быть...

Женщина взяла в руки мешочек. Епифан помог развязать сыромятную завязочку и осторожно завернул края. Золото блеснуло свинцоватым отблеском. Комочки, тонюсенькие пластинки и крупинки спрессовались и выглядывало несколько некрупных самородков.

— Первый раз вижу золото. Совершенно не похоже,— проговорила женщина.

Епифан взял из стакана карандаш, повертел им в мешочке и вытянул самородок золотников на десять.

— Это вот без примеси. Сам проверил.

Женщина протянула Епифану документы и сказала:

— Товарищ Мальков, устройте их с ночлегом. А о вас я доложу Владимиру Ильичу. Вот с золотом только я не знаю как...

Епифан закланялся.

* Очкур — брючной пояс.

— Благодарствуем... А золото мы на потребление советской власти привезли. Только вы мне квитанцию...

Но Епифан не закончил. Сбоку открылась обитая матовой клеенкой дверь и из своего кабинета вышел Владимир Ильич.

— Лидия Александровна, попрошу вас, вызовите ко мне Анатолия Васильевича... Я жду, а его нет... Может, что-нибудь случилось?

«Ленин, своей личностью»,— молча ахнул Епифан.

Владимир Ильич повернулся к Малькову:

— А у вас что, Павел Дмитриевич? А товарищ откуда?

— Это прискатели, Владимир Ильич, из Сибири. К вам приехали.

— Прискатели? Так давайте их сюда, я сейчас свободен,— проговорил Владимир Ильич.— Только на короткое время.

Епифан осмелел.

— Нам бы только насчет новой экономической политики узнать. Не было бы ее, может и не свиделись.

— Да? — поднял брови Ленин и наклонил голову набок.— А где же остальные товарищи?

— Они внизу, в холодке отдыхают,— сказал Епифан.

— Приведите их быстрее сюда...— проговорил Ленин.

Епифан и Мальков спустились вниз.

Дед Булдыгеров и Никифор закусывали, макая хлеб в щепоть соли.

— Скорейча давайте! — крикнул Епифан.— Ленин нас ждет.

Булдыгеров вскочил и засуетился.

— Да мы тут сидели, сидели, да решили посолонцеваться... Неужто сразу к ему?..

— К ему, дед! — радостно крикнул Епифан.— Я уже его видел.

— Сподобился,— бормотал Булдыгеров.— Мешки-то надо с собой брать? В одном-то мука высшего качества. Хотя правительственно место, да кто знает...

— Муку-то старик Владимиру Ильичу привез,— пояснил Малькову Епифан.

Как только артельщики вошли в кабинет, Владимир Ильич встал из-за стола.

— Присаживайтесь, товарищи, вот сюда, в кресла.

— Покорниче благодарим,— кланялся Булдыгеров.

Артельщики уселись в широкие кожаные кресла. Владимир Ильич сел тут же рядом.

— Давайте познакомимся. Вы, оказывается, товарищ, партийный?— повернулся он к Епифану.

— Так точно! — отвечая, вскочил было, Епифан.— В восемнадцатом в Постышевском отряде вступил.

— Знаю Постышева. Отличный товарищ...— заметил Владимир Ильич.— А товарищи?

— Я, Владимир Ильич, беспартийного состояния. Сыны у меня, оба законные большевики,— залился Булдыгеров.— А я по причине малозаметной несознательности опасаюсь вступать.

— Мы забойщики,— загудел Никифор.— Кусков Никифор. С присков никуда не отлучался. Все в забое да забое.

— Первейший мастер Никифор по забоям,— подтвердил Булдыгеров.

Владимир Ильич легонько ударил ладошкой по столу.

— Очень приятно, что познакомились, а какое же дело заставило вас ехать ко мне?

Епифан, стараясь не торопиться, стал рассказывать:

— Золото мы сейчас артелью моею. Весь прииск в артели. На речке Чипчигур.

— А где этот Чипчигур? — спросил Владимир Ильич, встал и, подойдя к этажерке, достал географический атлас.

— За Байкалом мы. Под Читой...

Владимир Ильич быстро перелистал плотные листы карт, повторяя: «Чипчигур, Чипчигур» и, поведив пальцем, сказал:

— Ага, вот он. Далеконько... До железной дороги верст двести?

— Ну, работаем мы... Все вроде хорошо идет. Добычу в совнархоз сдаем. Муки он нам дал, сарпинки, соли... Стараться начали. Ячейку сооржизовали. Пять человек. А откуда его бес принес, Шумова сын приехал. А Шумовы первейшие купцы, прииска держали. Мильонщики! Ну и говорит этот Шумов: «Новая политика вышла. Прииска власть решила старым владельцам отдавать, ничего-де у ней не выходит путного». Народ у нас приисковый отразу поднялся и ревет: «На каких правах паразитов опять на нашу шею сядят?» Я в уезд. Там инженер говорит мне, что это концессия, слово-то я запомнил, даже, говорит, иностранцам прииска будем сдавать. Приехал я, рассказал народу, ну, говорили, говорили и решили к вам ехать.

— И что же вы хотите? — спросил Владимир Ильич, пощипывая бородку.

Епифан пододвинулся поближе.

— Не отдавайте, Владимир Ильич, наш прииск кровососам. Шумов на наш прииск метит. Не хочет народ его. Только наладилось дело, и на тебе. Не все ж время трудно будет! Ну, разруха, голод. Пройдет все это, народ понимает, что к чему. Без их, паразитов, управимся.

— Простите, я вас так понимаю: вы не хотите, чтобы ваш прииск попал в руки старого владельца? — спросил Владимир Ильич и глаза его хитровато блеснули.

Артельщики согласно закивали головами.

— А вы сумеете сами поднять прииск, наладить работу, а в будущем расширить, приобрести машины? — спросил Владимир Ильич.

Епифан встал и приложил большую, всю в черных жилах, нат, уженную руку к сердцу.

— Владимир Ильич, ведь там нас пятеро коммунистов. Неужели не совладаем? Да и народ приверженный к советской власти. Артель-то, это одинаково, что коммуна...

Булдыгеров хотел тоже что-то сказать, но на него покосился Епифан и он, взмахнув рукой, крикнул.

Владимир Ильич легонько постучал ладонью по подлокотнику кресла.

— Всё ясно! Очень приятно, что вы поняли свою конкретную задачу. Самим поднимать свое рабоче-крестьянское хозяйство. Самим! Я распоряджусь, чтобы ваш прииск концессионерам и бывшим хозяевам не сдавали. Работайте сами, честно и самоотверженно.

Владимир Ильич подошел к письменному столу, написал что-то на бланке и подал его Епифану. Епифан принял бумагу обеими руками, продолжая слушать.

— Сейчас вас устроят в гостинице, покормят, в баньку сходите. А завтра к вам придет товарищ, с ним пройдет в ВСНХ и отдадите эту бумажку товарищу Бабкину. Я ему позвоню, он вас будет ждать. Желая вам успеха и благополучия. Рад бы с вами посидеть еще, но там, наверное, еще товарищи ждут. Извините...

Артельщики встали. Булдыгеров на цыпочках выскользнул в дверь и вернулся, неся холщевый мешок-пудовик. Положив его на стол, за которым сидели, низко поклонился.

— Это от нас гостинец, Владимир Ильич. Собрали наши приисковые бабы хорошей муки, высшего качества, слышали, что голод, и велели отвезти. Говорят, может, нуждается. Покорнейше просят принять.

Владимир Ильич пожал руку Булдыгеру и Никифору и, прощаясь с Епифаном, сказал:

— Я видел ваше золото. Спасибо, дорогие мои. Мы пошлем его в Лондон, там наш представитель купит хлеба. И за муку спасибо, мы пошлем ее в детский дом. Детям все надо отдавать. Всѣ!

Владимир Ильич проводил артельщиков до дверей. Булдыгеров бормотал:

— Премного благодарствуем. Хозяйке кланяйтесь. А в нас не сумлевайтесь, все будет, как следоват.

Когда вышли из Кремля на площадь, Булдыгеров, шедший без картуза, остановился. Встали и Епифан, и Никифор, и моложавый парень во френче, прикомандированный к артельщикам.

Булдыгеров помотал пегой бородой и сказал:

— Вот это хозяин! Голова! До чего же полезный человек, дай бог ему здравия.

И, повернувшись к Василию Блаженному, стал креститься на разноцветные маковки, озаряемые заходящим солнцем.

Мирсайд МИРШАКАР

Дети ДИДИ

Душа моя, Рамеш...

Идет Рамеш,
Поет Рамеш,
Вопросы задает Рамеш:
— Милый папа, дай ответ —
Это почему,
Как баньяну, много лет
Жить дано слону?
Ну а тигр, наоборот, —
Очень мало лет живет?

Сказал отец:
— И правильно
Природа рассудила,
Что злобным угнетателям
Года укоротила!

Банановое дерево

Если спросите в Бомбее
Вы в банановой аллее:
— Почему банан растет
Очень тонок и высок?
Вам ответит каждый житель:
«У природы вы спросите!...»

Но иной дает ответ
Паренек рабочий:
— Не в природе здесь секрет,
Я скажу вам точно:
Потому банан
Огромной
Достигает высоты, —
Чтобы янки криворотый
Не украл его плоды...

Разве у камня есть сердце?

В Индии, в Дели, на площади Суру,
Мальчик увидел из камня фигуру.

Звонко у деда

Спросил непоседа:

— Кто этот дядя на черной доске,
Что это держит он в черной руке?

Внуку седой инвалид

Говорит:

— Это британец, пригодный на свалку,
Держит в руках он британскую палку,
В Индии все бедняки, батраки
Носят от палки его
Синяки.

Был он когда-то «сагибом» могучим,
Был для индийцев грознее, чем тучи,
Тошим, как жердь, был, и злым, как орел,
Сердцем чернее, чем черный котел...
Выслушал внучек, что дед говорил,
Выслушал молча и снова спросил,
Словно он сердце свое проверяет:
— Сердце у камня
Разве бывает?...

Знаешь почему?

— Скажи, почему

Желтохвостая львица

От зайцев

Таится?

— За хвост свой боится!

Сказка

Есть в Индии, далекой и печальной,
Легенда о природе изначальной, —
Когда от обезьяны
Утро века
Еще не отличало
Человека...

Однажды Солнце с Месяцем и Ветром
Пошли бродить на белом свете светлом,
Запас продуктов
Взяли в путь приятный
И через год
Пришли домой обратно.

Детей своих желанных обнимая,
Обрадовалась матушка родная,
Шутила, глядя
Их бровей разливы:

На работу, в дружный строй,
Сам Кумар трудиться едет:
Очень важный спец Кумар —
Молодец — кузнец Кумар.
И Кумара провожать,
Вся в слезах, выходит мать.
А под вечер у дверей
Ждет домой его скорей.
Что ж, Кумар — хороший сын;
Не пусты его карманы —
То приносит апельсин,
То душистые бананы,
До копейки свой доход
Строго маме отдает.
И опять слезу не раз
Мать смахнет с горячих глаз.

Но,

конечно, не всегда
Сын, которым мать горда,
Возвращается домой
Со своим подарком малым:
Он домой идет порой
И голодным, и усталым.
Узнает об этом мать,
Снова — слезы проливать...
Слёзы катятся, как град,
Сто Кумаров в них летят.

А сегодня раньше всех
В дом пришел Кумаров смех.
Сын ворвался, как обвал!
Радость — бурей! В чем причина? —
Смысл великих слов познал
Наш работник, как мужчина.
— Мама! Слышишь, говорю:
«Очень Ленина люблю!»
И опять ручьями тут
Слезы матери текут.

Слез счастливый водопад!
В первый раз Кумар им рад.

Перевод М. Фофановой

Гульчехра СУЛЕЙМАНОВА

СЫН МОЙ

Жемчужная веточка, маленький мой,
Шалун, говорун, стебелек золотой
Упрямые ручки ко мне протянул
И в небе высоком впервые шагнул.

Мой сын в самолете впервые летит,
Крыло самолета рассвет золотит.
Над Родиной летчик ведет самолет,
Высоко над Родиной мальчик идет.

И солнце любит сына моим,
И с кресел друзья восхищаются им,
И кажется мне, что, летя, самолет
Счастливую песенку сыну поет.

Я слушаю сердца счастливого стук,
Я радуюсь радости общей вокруг
А сын мой идет, как тростинка, прямой,
И солнечен мир над его головой.
И облако, снежное выгнув крыло,
Ковром расстелилось у ножек его.

Жемчужная веточка, маленький мой,—
Сегодня, счастливый, идет над Землей,
А завтра, быть может, на дальней Луне
Он встанет упрямо и твердо вполне.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Озаряет грядущего Завтра звезда
Речи, мысли и мечты.
Всех, кто знает тебя, ты пленяла всегда
Обаяньем своей простоты.

И с почтением глядят на тебя старики,
Им приятно с тобой говорить,
Что таить — ученицы и ученики,
Все хотят на тебя походить!

Гаснет солнечный луч за отрогами гор,
Белый диск поднимает луна.
Как хочу я с тобою начать разговор!
На вопросы ответь мне сполна!

Это, полное мысли, сияние глаз,
Эта гордая сила души
В каждой встрече, всегда покорявшие нас,—
Где взяла ты все это, скажи?

На рабочем столе чертежи, словари,
Стопки свежих и старых газет...
Поступь века, живое дыханье Земли
Зажигает в глазах твоих свет!

Новый век! Ты родишься из детских работ,
Из отметок «четыре» и «пять»,
И пятерочник выстроит вскоре завод
Или космос уйдет покорять.

О, как много должна ты постичь и понять,
Чтоб уменьем и волей своей
Нашей родине славной помочь воспитать
Поколение новых людей!

Как красивы рассветы над нашей землей,
Ливни света трепещут в горах,
По знакомым тропинкам веселой толпой
В школу шумно бежит детвора.

Ты встречаешь детей, как всегда, у доски,
Начинается праздник труда.
И текут, и журчат ярких слов родники...
Оставайся такую всегда!

Перевод Елены Петровой

Раскаившие

(Рассказ)

К моему удивлению, мягкий вагон поезда Андижан-Душанбе был почти пуст. Остались позади сады и хлопковые поля Ферганской долины, скоро — Самарканд, а большая часть мест по-прежнему оставалась свободной. Даже на такой шумной и оживленной станции, как Урсатьевская, в наш вагон вошли только трое.

Один из них оказался моим соседом по купе. Он — тоже ленинабадец. Молодой, стройный, подтянутый. На его худощавом бледном лице резко выделялись густые каштановые брови. Голубые глаза светились какой-то затаенной грустью. Одет он был со вкусом.

На вокзале его провожали двое мужчин и женщина, суровая на вид и многословная.

Кроме фраз, обычных при расставании, до меня доносились слова утешения, с которыми провожающие обращались к молодому человеку. А он отвечал что-то малозначительное, вроде: «не беспокойтесь, всё будет благополучно, ничего не случится».

В поездах и в автобусах дальнего следования знакомство обычно завязывается с вопроса: «Далеко ли едете?». Если попутчики проявят взаимное расположение друг к другу, после этого традиционного вопроса завязывается оживленная беседа, которой не видно ни конца, ни краю. Дорожная обстановка располагает к откровенности.

Примерно то же самое произошло и у нас. Я спросил молодого человека, куда он едет. Оказывается, в Душанбе.

— Хорошо, что нам обоим ехать до конца, — сказал он. — Вдвоем веселее.

Вскоре я уже знал, что он родился в Ленинабаде, но вместе с семьей переехал в селенье Унчи. Там он вырос и оттуда ушел на военную службу.

— Давно ли вы возвратились из армии? — спросил я своего спутника, протягивая ему стакан боржома.

— Три года назад.

Он залпом выпил воду, вздохнул и повторил еще раз:

— Три года назад, учитель.

Я спросил, чем он занимался в это время. Вместо ответа он только вздохнул.

— Вы, конечно, удивляетесь, глядя на меня. Все вздыхаю да охаю.

Я кивнул в знак согласия. Действительно, я не мог избавиться от мысли, что какая-то грусть мучает его. И вот моё предположение оказывается верным.

Бывает, что и сильный человек, умеющий крепко молчать, вдруг рассказывает первому встречному о своей жизни. И от этого ему становится легче на душе.

Вагон слегка покачивало. На столике позванивал стакан, ударяясь о бутылку. Мы долго молчали.

А за окномплыли необъятные хлопковые поля. От быстрой езды они, казалось, кружились. Это было так красиво, что глаз не оторвать.

Мой спутник снова глубоко вздохнул и заговорил:

— Меня зовут Джамол. Джамол Сангинов. Мой отец до революции был торговым агентом у галантерейщика. После революции он тоже работал по торговой части. Теперь — на пенсии. После окончания средней школы я был призван в армию. Прослужил три года. Там приобрел специальность бетонщика.

Не буду расхваливать свою профессию. Начиная с чулана и кончая стоквартирным домом, без нас, бетонщиков, не обойтись. Обратите внимание на объявления. Всюду требуются строители, а особенно бетонщики.

Когда я возвратился из армии, отец уговаривал меня бросить строительное дело. «Для такой работы у тебя слишком слабое здоровье», — убеждал он меня. Отец хотел, чтобы я устроился работать в магазин.

«У меня есть любимое дело, я не могу его бросить», — возражал я.

Как-то я встретил своего школьного товарища. Оказалось, он работал на строительстве Кайракумской ГЭС. Он сообщил, что на стройке не хватает бетонщиков.

Раздумывая я недолго и через несколько дней отправился на строительство, захватив документы. Начальник отдела кадров так обрадовался моему приходу, что не знал куда и посадить-то меня. Работая среди опытных строителей, я многому научился у них и при случае сам передавал другим свое умение и сноровку.

Зарабатывал до полутора тысяч, а иногда и две. Кроме того — премиальные. Дело, конечно, не в деньгах. Это так, к слову пришлось.

Когда мать увидела, что я неплохо зарабатываю, сразу же заговорила о женитьбе и с тех пор не раз напоминала мне об этом. Мою нареченную еще не выдали замуж, хотя за те годы, пока я служил в армии, её сватали не раз. «Вот вернется со службы жених, тогда и справим свадьбу», — отвечали настойчивым сватам её родители.

Мать моя уже приготовила свадебные наряды для своей будущей снохи. Она вытаскивала из сундука какие-то накидки, жилеты, безрукавки, камзолы, золотые и медные побрякушки. Раскидывала передо мной украшения, которые теперь можно увидеть только в музеях. Среди них было даже одно латбини, которое в свое время женщины подвешивали к носу. Эти разговоры не прошли впустую. В конце концов меня женили. Нельзя сказать, чтобы я был недоволен своим браком. Лучшей жены я и не желал.

Зиёду я знал с детства. Такое имя ей дали потому, что на мочке правого уха, там, где должна висеть серьга, у неё была родинка. Зиёда, моя сестра и я учились в одной школе. Она крепко дружила с сестрой, часто бывала у нас, а иногда, с разрешения своих родителей, даже ночевала. Зачем скрывать? Я еще тогда любил её. Она знала это. Кажется, я тоже нравился ей. Увидев меня, она краснела и смущалась.

Когда я приехал из армии, мы несколько раз встречались с ней. Эти встречи помогли нам лучше узнать друг друга. И я еще больше любил её.

«Вот хорошая пара», — говорили про нас.

— Какая она была красивая... — вздохнул Сангинов и замолк.

Я решил, что его жена умерла. «Жаль, беднягу, — подумал я. — Он так страдает».

Взглянув на меня, Джамол сразу разгадал мои мысли.

— Вы, должно быть, думаете, что Зиёда умерла. Нет. Она бросила меня. У нас никогда не было ссор, я ничем не обижал её, кажется, я не делал ничего, что могло бы вызвать её недовольство. И она была очень внимательна ко мне, заботлива. Как бы поздно я ни пришел, она не спала, ждала меня.

Вы, конечно, знаете, что в Кайракуме у нас, бетонщиков, работы по горло. Через наши руки проходят тысячи тонн бетона и железа. Часто не хватало дня. Работали по ночам. Я приходил очень усталый, и Зиёда встречала меня у дверей. Она заставляла меня умываться теплой водой. Подавала чистое полотенце. И тут же ставила на стол горячий и вкусный ужин. Она без меня не хотела даже кушать. Она постоянно хлопотала по дому: то стирала, то убирала комнату, то готовила обед.

Наконец она тоже стала работать — в детском саду, воспитательницей. Работа не из простых. Терпеть капризы, крики, плач и шалости ребятшек — не очень-то приятное занятие для молодой женщины, еще не имевшей своих детей. Поэтому я по мере сил помогал ей по хозяйству.

— Твое рвение к домашним делам дойдет скоро до того, что ты будешь стирать за меня, — не раз шутила надо мной Зиёда.

При этом она так чудесно смеялась! Когда я смотрел на её смеющееся лицо, мне казалось, что вокруг расцветают розы. Да и сама она была как распутившаяся роза.

Верно говорят, что в жизни каждого человека бывает черный день. Им оказался день, когда я разрешил Зиёде работать в детском саду.

Но разве может человек предвидеть будущее? Если бы я знал, что случится потом, я, конечно, ни за что не пустил бы ее в детсад. Если бы я знал, что подохнет мой теленок, я бы променял его на горсть отрубей — говорят в народе.

Да, если бы знал...

В детском саду завхозом работал очень ловкий и изворотливый человек по имени Солах. Внешне он производил приятное впечатление, а душа у него была чернее сажи. Чем он привлек Зиёду и как она попала в его сети — для меня непонятно.

Я тоже имел «счастье» познакомиться с Солахом.

Однажды после работы я остался дома один. Зиёда ушла в магазин за хлебом. Начался сильный дождь. Жена возвратилась поздно. И — не одна. Вместе с ней был Солах. Вымокший до нитки, он смахивал на kota после вынужденного купанья.

— Это наш завхоз, — сказала жена. — Он живет далеко отсюда. Посмотри, как он промок и продрог, а на улице ливень и ветер, его может просквозить. Я насильно затащила его к нам, чтобы он переждал дождь и обогрелся. Вы тут посидите без меня, я поставлю чай.

Мы остались одни. Говорили о дожде, о работе на строительстве, о детском саде. Когда в комнату входила Зиёда, он умолкал и бросал на неё странные взгляды.

За чаем Солах вел себя очень развязно. Забыв, что он гость и первый раз в нашем доме, Солах заметил мне, что обстановка у нас неважная, мебель не гармонирует с коврами и вышивками. Я кусал губы от возмущения, но молчал. Гостеприимство обязывает хозяина переносить все причуды гостей.

Дождь прекратился только к ночи. Гость небрежно протянул мне руку на прощанье и, бесцеремонно смерив Зиёду наглым взглядом, вышел.

Я с возмущением сказал жене, что таких бесстыдных и циничных людей нужно оставлять под дождем.

Зиёда долго и громко смеялась над моими словами.

С того случая прошла неделя. Раз, придя с работы, я не застал Зиёды дома. На столе лежала записка. Когда я прочел её, то чуть не сошел с ума. В записке было написано, что Зиёда покинула меня навсегда. Она писала, что любит Солеха и не хочет больше притворяться, обманывать меня. Вместе с ним она уехала из города и просила не преследовать её, не искать и не надеяться на возвращение. Она взяла с собой только те вещи, которые принесла из родительского дома и купила на заработанные ею деньги.

— Господи, неужели это не сон? — в отчаянии спрашивал я себя.

— Неужели при коммунизме будут такие подлые люди? — сказал как-то один из моих друзей, посвященный в мои личные дела и сочувствующий мне всем сердцем.

Я ничего не ответил ему.

— А теперь я могу ему сказать твердо. Нет, таких людей не будет и не должно быть при коммунизме. Ведь мы уже стоим у широко раскрытых дверей коммунизма, мы уже у порога. Советские люди прокладывают дорогу в космос, постепенно приближают к себе то, что когда-то было далеким и недоступным. Но избавиться от подлецов, переделать их — куда более сложная задача. Но мы должны ее решить.

— Вот как! — удивленно воскликнул я.

— Вы удивляетесь, — продолжал Сангинов, — а по-моему, «чем меньше мусора, тем чище мир». Если бы их не было, было бы в тысячу раз лучше.

Он помолчал некоторое время. За окном начинало темнеть. Угасавшее солнце пряталось за гору. Сангинов посмотрел в окно, потом повернулся ко мне:

— У вас уже, наверное, голова закружилась от моей исповеди? Может, вы хотите отдохнуть?

— Нет, что вы, Джамол! Если вам не тяжело продолжать свой рассказ, то, пожалуйста, говорите. Я — весь внимание. В жизни часто случаются такие истории. Только мне странно, что обвиняя того человека, вы не обвиняете жену. Ведь она поступила легкомысленно.

— Я бы сказал не легкомысленно, а глупо. Глупо она поступила. Но все же главным виновником остается Солех. Позже я узнал, что кроме Зиёды, он кружил головы и другим девушкам и женщинам, а потом, обольстив, покидал их.

Посудите сами: какая же девушка или женщина, пускай даже беспечная и бесшабашная, первая скажет мужчине: «я тебя люблю?» Тем более, женатому мужчине? Ни одна не скажет. Если такие слова мы услышим из уст какой-либо женщины, мы затрубим во все трубы. Это что-то небывалое.

А сколько мужчин, несмотря на то, что у них есть и жены, и дети, обольщают девушек, обманывают их. Я, конечно, не считаю жену невиной пташкой. Разве она не могла хорошенько подумать, сказать этому негодяю: «Как тебе не стыдно?! Ты же знаешь, что у меня есть муж, и неужели тебе не совестно своей жены и детей?» Но она этого не сказала. Но все-таки, повторяю, тот подлец виноват больше всего.

Я несколько раз перечитывал записку Зиёды и все не верил, что это написала она, хотя я хорошо знал её почерк. Сердце мое неистово билось в груди. У меня даже мелькнула мысль: а не испытывает ли она мою любовь? Возможно, она никуда не уехала? Я заглянул в шкаф,

под стол. Мне казалось, что она сейчас вынырнет из-за занавески или из какого-нибудь другого потайного места, бросится мне на шею и зальется веселым смехом.

Но увы! Её не было. Ничего не соображая, я вышел на улицу и побрел сам не зная куда. Где живет Солах, я не знал. Да если бы и знал, не смог бы к нему пойти: вдруг он выйдет и скажет, что сегодня видел Зиёду в детском саду? Ехать к её родителям? А что, если она, шутки ради, ушла к подруге? Получится, что я хожу за ней по пятам. Неприлично. Может быть, она поехала к моим родителям? Тогда совсем нехорошо идти за ней.

Я вернулся домой ночью. Её всё ещё не было. Опять искал за дверью, под столом, в шкафу. «Эй, Зиёда,— кричал я,— хватит шутить, я рассержусь, если ты не выйдешь!»

Вот каким простаком я был! Все не мог поверить, что она ушла. В ту ночь я, конечно, не спал. Едва рассвело, вскочил и поплелся на работу. Отпросившись у мастера, отправился на поиски. Я метался в разные стороны, как птица с подбитыми крыльями. Но Зиёды нигде не было.

В детском саду мне сказали, что ни Зиёда, ни Солах еще не приходили. Узнав там адрес Солаха, я решил все-таки сходить к нему.

Ко мне вышла его жена, еще молодая, но уже поблекшая женщина. На руках у неё был маленький ребенок, а двое постарше держались за подол платья.

— Муж не приходил со вчерашнего дня,— сказала она.— Он такой беспоконный человек! Все занят своей работой. Может там целыми ночами пропадать.

На улице меня окликнул один знакомый.

— Куда это поехала твоя жена? — спросил он и, не дождавшись ответа, рассказал, что вчера ходил на вокзал провожать начальника управления. Когда поезд уже тронулся, он увидел в окне мою жену. Она уехала на поезде Джалолабад-Ташкент.

— Она поехала к родственникам на свадьбу,— сказал я первое, что пришло в голову и пошел прочь.

Я отправился к её матери. Должен вам сказать, что во всем случившемся была вина и моей тещи. Эта старуха фанатично держалась за все старое. Бывало, как только придет к нам, сразу же начинает тянуть из нас душу. То и дело слышишь: «Не ставь веник прямо — в дом придет мурдашуй — мойщик покойников.» «Не прислоняй к стене скалку — не то из дому вынесут мертвеца», «Не стриги ногти сухими», «Не ложись спать без молитвы» и так далее — без конца.

А Зиёде все нашептывает: «Почему твой муж не молится перед едой?», «Почему ты делаешь то, что ему угодно?», «Смотреть на вас тошно».

Однажды, когда она вывела меня из терпения, я сказал ей:

— Мамаша, прекратите, наконец, эти разговоры. Не старайтесь зря. Мы не дети и сами разберемся, что хорошо, а что плохо, что нам нужно делать и что не нужно.

Теща обиделась, и после этого три месяца не появлялась у нас.

По-видимому, Зиёде было жалко мать. Она долго плакала, когда та ушла. Как-то, придя с работы, я вновь увидел тещу у нас. Она даже не поздоровалась со мной и опять начала придирааться. Желая покончить с размолвкой, чтобы не обижалась Зиёда, я сказал:

— Молодые — ошибаются, старые — прощают.

Едва наступил праздник святого рамазана, теща тут как тут:

— Если вы сами не поститесь, так, по крайней мере, устроили бы разговление. Почему бы вам не позвать тещу корана и не приготовить хороший ужин?

— Не горячись, возьми себя в руки,— приказал я себе.

Чтобы не наговорить старухе дерзостей, я взял газету и ушел в другую комнату. А она продолжала всячески поддевать меня. Я молчал. Если свяжешься с этой каргой, то и беды не оберешься.

Целую неделю она прожила у нас в доме. Мы должны были за ней ухаживать. Ежедневно Зиёда вставала до рассвета и готовила для неё еду. Днем старуха не притрагивалась к пище, зато вечером набивала свой желудок, как мешок, а потом начинала жаловаться на боль в животе, в сердце или в другом месте. Когда мы предлагали вызвать доктора, она отказывалась.

— Не хочу осквернять горло,— говорила она, выбрасывая лекарства.

Словом, не жизнь, а настоящий ад. Недаром же есть такая поговорка: теща в дом — все вверх дном.

С каждым днем у неё прибавлялись новые капризы, она становилась все бесцеремонней и наглей.

Как-то я пришел с работы и увидел голые стены своей квартиры. Все фотографии и картины были убраны. Оказывается, теща решила, что в доме, где висят картины, нельзя читать намаз и в нем никогда не будут летать ангелы. Она вывела меня из терпения, когда перед чтением намаза велела снять со стены и вынести портрет Ленина. Я не выдержал и заявил:

— Если этого потребуют даже все мои родственники, я не двинусь с места.

Разве могу я снять портрет человека, который дал мне свободу, счастье, образование, все блага в жизни? И сделать это ради того, чтобы выжившая из ума старуха отвешивала здесь поклоны и чесала язык? Пропади они пропадом эти намазы!

Теща опять разобиделась и примерно с полгода не показывалась у нас. Отдохнули наши уши от брюзжания, а язык от ненужной болтовни.

Но Зиёда была расстроена этим разрывом. Она плакала, тайком ходила в гости к матери, а возвращалась с печальными глазами.

Вы, конечно, знаете, что наш бетонный завод сгорел. Как мы были огорчены! Это же страшное несчастье! Когда огонь утих, строители, как потерянные, бродили по пожарищу, вытаскивали еще горячие обломки оборудования, искали то, что могло пригодиться. Но это были бесплодные поиски. Что же делать? Ведь стройка не могла ждать ни одного дня. И мы нашли выход. Недалеко находился маленький бетонный заводик. Мы решили своими силами переоборудовать его, расширить. Все забыли об отдыхе. На работе и ели, и спали. Дорожили временем. И что же вы думаете? Перестройку завода, на которую требовался месяц, мы закончили за 10 дней. Разве это не чудо?

Когда напряженно спало, я почувствовал себя очень усталым.

Наш парторг, Иван Алексеевич Смирнов, подойдя ко мне, сказал, что я должен непременно идти домой.

— Тебе нужно отдохнуть,— добавил он категорическим тоном.

Я понял, что спорить бесполезно...

Зиёда помогла мне вымыться, дала поесть, уложила спать. Сама же пошла в другую комнату, и я услышал оттуда тещин голос.

— Что ты нянчишься с ним, кружишься вокруг него, как бабочка? Ты уже три года замужем, а где у вас дети? Это бог вас наказал. А какая семья без ребенка? Дети связывают, даже если муж и жена охладевают друг к другу. Недаром говорят: ребенок как гвоздик в ногтях... Если нет детей, бессмысленна жизнь мужа и жены. Между прочим, неплохо бы подумать и обо мне. Человеку всегда нужно что-то

иметь на черный день. Ты бы могла сэкономить немного денег, если бы не пеклась денно и ночью о его желудке.

Этот незуитский шепот взбесил меня. Несмотря на сильную усталость, я уже не мог заснуть и думал: действительно, почти три года живем мы с женой, а детей нет. Ни Зиёда, ни я не думали об этом. Не помню, чтобы у нас был об этом разговор.

Я не расслышал, что ответила матери Зиёда. Она очень удивилась, когда вошла и увидела, что я не сплю. Я ничего не сказал ей о причине бессонницы...

— Да, ваша теща во многом виновата, — сказал я Джамолу. — Она не мать. Поистине, вы пригрели змею на груди своей.

— Вы правы. Нужно было запретить ей приходиться в наш дом, а я не сделал этого. Вот, может быть, поэтому Зиёда и ушла из дому. А может и не поэтому. Не знаю, черт побери, где корень зла. Кроме матери и Солеха, кажется, некому было сбить её с толку.

Уход жены ошеломил меня. Мне было стыдно перед друзьями, знакомыми и родственниками.

Я целые дни проводил на работе, а по вечерам не находил себе покоя. Бессонница — самая дурная болезнь. Что только я не делал, какие лекарства не принимал, чтобы уснуть! Ничто не помогало. Голова тяжелела, становилась чугунной, а сна не было. Я так похудел, что от меня, как говорят, остались только кожа да кости.

Однажды, когда мы укрепляли опалубку плотины, меня отозвал Иван Алексеевич и попросил после работы зайти в партком. Я пришел. Поговорили о том, о сем. Потом Иван Алексеевич сказал, что знает о моих семейных неполадках и предложил мне поехать в Ялтинский санаторий. Местком выделил мне путевку. Стройуправление выдало денег. Я отдыхал 24 дня. Там меня вылечили от бессонницы, но не отучили думать о Зиёде.

И вот я получил письмо от одного знакомого, который писал, что проклятый Солех прогнал Зиёду. Он посадил её на поезд и выпроводил из Ташкента.

Когда я возвратился с курорта, строительство второй очереди гидроэлектростанции подходило к концу. Человек, работавший на разных стройках, хорошо знает, какую радость приносят последние дни работы. На душе становится легче, когда видишь плоды своего труда. В эти минуты испытываешь подлинное удовольствие. Вспоминаешь все сделанное тобой и чувствуешь прилив новых сил.

Тем временем продолжалось наступление на окружающую ГЭС пустыню. Человек клочок за клочком вырывал у пустыни засушливые земли и орошал их. Началось строительство 2-й очереди насосной станции в Ходжа-Кургане, Самгоре и Янтаке. Эти станции должны были оросить 10.000 гектаров пустынной земли. Десять тысяч! Легко сказать. Если с каждого гектара в среднем собрать по 20 центнеров хлопка, знаете это сколько? Горный хребет, протяженностью до самого Ленинабада.

Я с радостью поехал на строительство 2-й очереди насосной станции в Ходжа-Кургане. Это удивительная станция. Она забирает воду из Таджикского моря. Все устройство по перекачке стоит на поверхности воды и когда поднимается уровень моря, станция тоже поднимается. Хорошо придумали, молодцы! Отец мой, осмотрев станцию, только диву давался: все хвалил строителей. Раньше воду из рек поднимали колесом с черпаками — чигирем. Его еще называли небесным колесом. Правда, сам я ни разу не видел этого колеса.

Но из слов отца хорошо знаю, что это колесо раз в пять больше вагонного, а вокруг него были привязаны глиняные горшки. Потом их заменили маленькими жестяными ведерками. Колесо крутилось и ве-

дерки черпали воду, переливая ватем её в желоб. Колесо приводилось в движение водой, а иногда это делалось с помощью верблюдов или лошадей. Во время паводков вода смывала колесо. Если же река сильно мелела, то ведерки не зачерпывали воду. Тут уж ничего нельзя было поделаться.

— Ваша машина действительно — небесное колесо, сынок, и если вы захотите поднять воду на небо, вы её подымете, — сказал мне отец.

Кажется, я никогда не видел своего отца таким довольным.

После окончания строительства в Ходжа-Кургане меня назначили бригадиром бетонщиков. Прежде, чем приступить к работе, я обратился к бетонщикам.

— Ребята! — сказал я. — Всякий, кто работает без души, спустя рукава, ради рубля, пусть знает, что нам с ним не по пути. Я — враг безалаберности и халтуры и не допущу этого в нашей бригаде.

Через неделю от нас ушел один. Только один. Секретарь обкома партии часто бывал у нас и знал почти всех по имени и отчеству. В разговоре с нами он не забывал упомянуть, что нам следует ускорить темпы работы. У подножья гор ещё лежал снег, а он говорил, что уже пахнет весной и приближается пора возделывания хлопчатника. Если не дать воды новым землям, то там и хлопок не посеешь.

— Надо сделать все возможное, чтобы закончить строительство раньше срока, — просил он нас.

Эта просьба, пожалуй, была излишней. Наши строители никогда не нарушали данного слова. Коллектив у нас был крепкий и дружный. Работа шла слаженно и быстро. Бригады соревновались друг с другом. Хотя хвалиться нехорошо, но переходящее Красное знамя до самого конца было в нашей бригаде. Наша Доска почета была украшена устремленной ввысь ракетой.

Вот в эти-то горячие дни, когда и вздохнуть было некогда, я получил письмо от Зиёды. Она писала из областной физиотерапевтической больницы. Я не буду пересказывать письмо. Лучше прочитайте его.

Джамол вытащил из кармана надорванный и потертый конверт и протянул его мне.

— Читайте, пожалуйста.

«Здравствуйте Джамол-джан! — начиналось письмо. — Все от меня отвернулись: родные, знакомые, друзья.

Любимый человек наплевал на меня и бросил. Все брезгуют мной, будто я прокаженная. Может быть, это не совсем так, но мне кажется, что все осуждают меня и смотрят на меня с укором. Если кто-то спрашивает меня о здоровье, то мне чудится, что надо мной смеются, надо мной издеваются. Это возмездие за мою ошибку. Горе и отчаяние мое безграничны.

В довершение всех бед я заболела. Пробудилась как-то утром от мучительного сна и обнаружила, что правая рука моя бессильна и неподвижна, как плоть. Чтобы вылечить меня, мать, несмотря на мои протесты, приводила заклинательницу злых духов и та читала молитвы. Мне же становилось все хуже.

Хорошо, что меня навестила бывшая учительница. Она немедленно отвела меня в больницу. Между прочим, она была единственным человеком, кто поинтересовался моим здоровьем. А я так нуждалась в ласке, в добром отношении близкого человека. Так хотелось услышать от вас хотя бы слово. Глупо, конечно, писать об этом. Я знаю, что не стою вашей любви. Вы должны ненавидеть меня и проклинать.

Вы, наверно, не знаете, что я жду ребенка. Это ваш ребенок. Солех заставлял меня избавиться от него. Я не соглашалась. А для него это стало подходящим предлогом к ссоре. Он совсем перестал обращать на меня внимание, и я ушла от него.

Я не лгу, когда говорю, что это Ваш ребенок. Я — его будущая мать и не могу ошибиться в этом. Не думайте, что я хочу разжалобить Вас или вымолить прощенье. Не думайте, что питаю какие-нибудь надежды. Нет.

Я только прошу у Вас совета. Я не пойду с ребенком к сварливой и невежественной матери. Она убьет и меня, и моего ребенка. Я не могу подвергнуть опасности самое дорогое, что осталось у меня от счастливых дней жизни с Вами.

Посоветуйте же, куда мне идти? Рука моя почти поправилась. Не сегодня—завтра меня переведут из этой больницы в родильный дом. Там я пробуду дней 7—8. А потом куда?

Фатима Аминовна приглашает меня жить к себе. Но у неё и так трое детей. И неизвестно, как на это посмотрит её муж?

Я не знаю, что мне делать. Джамол-джан, забудьте о том зле, какое я принесла вам. Уделите мне хотя бы пять минут. Напишите несколько строк, дайте беспристрастный совет — большего я ничего не прошу.

Несчастная Зиёда.

25. 11. 59».

— Вы ответили ей? — спросил я Джамола нетерпеливо.

— Нет, не ответил.

Джамол взял письмо, засунул его в конверт.

— Я написал несколько писем, но ни одно из них не понравилось мне. Первое заставило бы страдать её и без того разбитое сердце. Другое было слишком мягким. Тогда я решил пойти сам. Меня беспокоила мысль о ребенке. Зиёда бросила меня семь с половиной месяцев назад. Если он на днях должен появиться на свет, то стало быть он действительно мой. Эта мысль не давала мне ни минуты покоя.

Письмо от Зиёды я получил накануне выходного дня. И наутро, не соображая, что делаю и для чего, отправился в Ленинабад. Я шел к ней, как на свидание. По пути накупил всяких фруктов.

У входа в лечебницу я заметил пожилую женщину, закутанную в широкий хлопчатобумажный платок. Что-то знакомое было в ней. Она отдала дежурной узелок и сказала, чтоб передали Зиёде. Это была мать Зиёды — Есумат. Она жила еще по старым законам, когда женщина не могла открывать свое лицо.

Мне хотелось подойти к ней, сорвать платок с её головы, напичканной предрассудками и всякими мерзостями прошлого. Собрать людей и крикнуть:

— Вот эта старуха, эта старая карга, разбившая и опозорившая свою дочь! Она боится войти в лечебницу, потому что чувствует свою вину. Разве это человек? Это чудовище!

Сжав зубы, я отошел в сторону, чтобы не задеть этой мерзкой старухи. Вызывая Зиёду, я назвался её братом Джамолом.

Зиёда была бледна, еле держалась на ногах. Увидев меня, она заплакала и закрыла лицо руками. Я чувствовал, что она вот-вот упадет. Взяв за руки, я усадил её на скамейку. Она все плакала и плакала, не переставая. У меня не каменное сердце, и все же я не мог сказать ей что-то успокоительное. Слова застревали в горле. Слезы душили меня. В конце концов я же любил её.

Один раз, вытирая глаза, она отняла руки от лица, и я заметил, что она похудела и побледнела. Но эта худоба и бледность делали её еще привлекательней. Когда я увидел её лицо, полное безысходного горя, сердце мое вдруг так забилося, как будто хотело выпрыгнуть.

Чтобы вызвать во мне охлаждение к Зиёде, товарищи не раз говорили, что не так уж она красива и привлекательна, как была.

А мать моя называла её легкомысленной, глупой и бесчестной. По её словам, от одного вида Зиёды ей становится плохо, настолько она стала безобразной.

И вот теперь я увидел, что все это неправда. Зиёда стала еще красивее. Некоторые женщины в таком положении дурнеют, а Зиёда нет.

Сердце мое стремилось к ней, руки тянулись, чтобы обнять её за плечи, приласкать. Но я вспомнил измену Зиёды и у меня остановилось дыхание. Я представлял, как рядом с ней был тот мерзавец, и чуть не закричал от боли в сердце.

Наконец я взял себя в руки и сказал:

— Я получил твое письмо и пришел, Зиёда. Я вижу, ты меня не обманываешь. Возможно, ты говоришь правду, что ребенок от меня. Если ты действительно уже любишь его, хотя он еще и не родился, отдашь его в ясли, а сама найдешь какую-нибудь работу. Труд исцеляет человека. Трудись от всего сердца и не мучь себя напрасными думами. Что ты на это скажешь? — спросил я.

Сначала она только кивнула в знак согласия. Затем, не поднимая глаз, сказала, что Фатима Аминовна говорит ей то же самое и даже подыскала для неё работу.

Вот так и состоялась наша встреча.

Через неделю я еще раз приехал навестить Зиёду. В лечебнице сказали, что позавчера её увезли в родильный дом.

Зиёда родила сына.

Я написал ей записку, поздравил, передал подарки и ушел. Теперь новые заботы волновали меня. Нужно было найти для Зиёды комнату. А еще я с нетерпением хотел увидеть ребенка. Случайно на улице мне встретилась Фатима Аминовна.

— У вас не может быть сомнений, — начала она. — Зиёда со мной откровенна. Женщина женщине, тем более своей учительнице, всегда скажет правду. Вы, конечно, знаете, что Зиёда уже родила? Такой чудесный мальчик! Как две капли воды похож на вас. Такой же красивый. Зиёда говорит, что больше не хочет ни видеть, ни слышать свою мать. Она не пойдет к ней. Я предлагала ей свой дом, но она не согласилась. Сказала, что в доме у нас и так тесно, а маленький будет мешать нам готовить уроки.

Я знаю, на прошлой неделе вы приходили к ней. Это правда, что вы обещали подыскать для неё жильё? Желаю вам успехов во всем. Работу для Зиёды я уже нашла.

Квартиру для Зиёды я, конечно, подыскал. Я заплатил за 3 месяца вперед и попросил Аминову передать Зиёде, что все готово. А сам возвратился в Ходжент.

Все это время ни голова, ни сердце мое не знали покоя. Все мои думы были о ребенке, которого я еще не видел и про которого сказали, что он похож на меня, как две капли воды. Я ждал с нетерпением, когда пройдет эта неделя. Часы мне казались днями, а дни месяцами. Наконец, настал долгожданный день. Я купил приданое для ребенка, конфет и лимонов для Зиёды и поехал.

Когда медсестра подала мне сына, завернутого во все белое, я на мгновение растерялся. Действительно, он был очень похож на меня. Где-то в моем альбоме была фотокарточка, на которой я был снят таким же младенцем. Этот был точно такой, как и тот, на старой фотографии. А через полуоткрытую форточку на нас смотрела Зиёда. Она улыбалась сквозь слезы. Я поцеловал ребенка и передал его медсестре.

После я еще несколько раз заходил к Зиёде — справиться о здоровье, посмотреть на ребенка.

Оправившись после родов, Зиёда устроилась на работу в швейную мастерскую. За короткое время она научилась хорошо шить.

Сын наш Камол понемногу рос. Зиёда назвала его так потому, что это имя было похоже на моё. Чем чаще я видел Зиёду и Камола, тем больше привязывался к ним. А с другой стороны — мать снова начала искать мне красивую невесту, которая еще ни разу не целовалась. Поэтому, когда закончились работы в Ходжа-Кургане, я решил уехать.

Секретарь обкома партии как будто подслушал мои мысли. В торжественный день окончания работ в Ходжа-Кургане он сказал, чтобы я не распускал своей бригады.

— Поезжайте все вместе в Таджикский Мирзочуль,—предложил он и очень обрадовался, когда я согласился. Вся бригада поддержала меня.

Мы взяли все необходимое и отправились в путь. Вот уже семь месяцев, как мы работаем в Мирзочуле.

Мы уже оросили 50 тысяч засушливой узбекской земли. Теперь там растёт все, что душе угодно.

Раза два в месяц я приезжаю в Ленинабад, узнаю о здоровье родителей, ребенка и Зиёды.

Поезд вдруг остановился. Вагоны с громким скрежетом и лязгом столкнулись. Джамол встал, выглянул в окно и сказал, что мы подъезжаем к Самарканду.

— Послезавтра уезжаю в отпуск,—заговорил он,—помолчав.— Говорят, Душанбе за последние годы очень изменился. Много новых домов появилось. И в технике строительства есть много новшеств. Моя бригада соревнуется с известной бригадой бетонщиков Ивана Алексеева. Вот я решил поехать и посмотреть своими глазами, как работает его бригада.

Между нами говоря, меня, как магнит, тянет к себе Нурек. Я очень много слышал о нем. Поеду, посмотрю. Если понравится, останусь там. Ведь говорят, Нурек станет самой большой электростанцией в Средней Азии. Работать на такой стройке — почетное дело.

Как будет у нас с Зиёдой, покажет время. Я хочу убежать подальше, чтобы не смущать ее и чтобы вдали все взвесить, обдумать и решить. Не знаю, что ждет меня в будущем...

Сангинов вздохнул, посмотрел на часы и произнес:

— Уже половина второго ночи, а я все говорю. Наверное, замучил вас. Ложитесь и отдыхайте. Завтра еще наговоримся.

— Спокойной ночи! — сказал я Джамолу Сангинову, замечательному молодому человеку, который воплотил в себе так много качеств лучших людей нашего времени.

Перевод Ф. Барановой

(Рассказ)

В полночь с карниза дома сорвалась птица и, вскрикнув, тревожно заметалась в глухом переулке. Напуганная падением, она слепо летала над кронами деревьев. Искала место, где могла бы провести остаток ночи, и не находила его. Наконец в глубине переулка птица заметила огонек и стремительно, насколько позволяли ей уставшие крылья, поспешила к спасительному свету.

Окно было раскрыто. Птица с шумом влетела в комнату, вылетела и, покружив, села на подоконник — трепещущая, взволнованная, готовая снова улететь в темноту.

В комнате, почти у самого окна, сидела женщина. Обхватив руками спинку стула, она смотрела на подступившую к ней ночь.

Женщина вздрогнула, услышав хлопанье крыльев. Потом медленно, чтобы не вспугнуть ночную гостью, положила голову на руки и замерла. Черные, маленькие, как бусинки, глаза птицы встретились со взглядом больших серых глаз женщины. Так они долго смотрели друг на друга: одна настороженно, испытующе, другая с любопытством. Ничто в женщине не пугало птицу, и она успокоилась, села поудобнее, встряхнулась.

С улицы кто-то подошел к дому. Хлопнула дверь подъезда, на лестнице раздались шаги.

Женщина все еще сидела лицом к окну, но птица видела, как чуть поднялась ее голова и дрогнули брови.

Шаги приближались. Вот они уже на третьем этаже.

В тот момент, когда в дверь постучали, птица вспорхнула и улетела.

— Я испугал вас, Елена Дмитриевна?

— Нет, то есть да. Вы испугали птицу.

— Птицу?

— Здесь, на подоконнике, только что была птица. Когда вы вошли, она улетела.

— Это к дороге, когда навещают пернатые. Есть такая примета...

Пришедший все еще стоял у двери. Был он крупный, широкоплечий, большоголовый. Над крутым лбом ежиком торчали волосы.

— Проходите, Семен Васильевич, не стойте на пороге.

Семен подошел к окну, повернулся и сразу заслонил спиной ночь.

— Я ведь всего на минуту. Только проститься. Сейчас подойдет машина.

— А когда мы виделись больше? Я рада и этому. Знаете, о чем я только что думала? Думала, что вы не придете вовсе. И места себе не находила.

Елена подошла вплотную к Семену. Они стояли так близко, что она не могла видеть сразу все его лицо, и глаза ее бегали, останавливаясь то на широких густых бровях, то на обветренных губах Семена.

— Я поговорить пришел с вами, Елена Дмитриевна. И вы знаете о чем. Мы должны решить это сейчас, прежде чем я уеду. Знали б вы, как не хочется мне оставлять вас.

— Вам многое и часто придется оставлять — уж такая у вас работа, все время в разъездах. Мало ли было знакомых и еще будут. И меня быстро забудете.

— Елена Дмитриевна... Мы ведь уже не молоды. Не в наши годы играть в любовь. Знайте, трудно мне будет без вас, без голоса вашего, без глаз этих.

Он коснулся ладонями ее щек, приблизил к себе лицо.

— Стара я, да? — Елена чувствовала, как вспыхнули под его взглядом ее морщинки. Отвернуться бы, спрятать лицо, но она не могла этого сделать. Вспомнила, как ждала Семена, как испугалась шума крыльев... Ночь, тишина, одиночество. И вот он стоит рядом, и нет одиночества. Есть только та настороженность, которую она прочла в глазах улетевшей птицы.

Давно уже Елена пыталась понять Семена, подслушать, о чем так взволнованно стучит ее помолодевшее сердце. Были такие минуты, когда ей хотелось только одного: быть рядом с Семеном, прижаться к его груди, забиться в его сильные руки. И боялась короткого счастья.

— Вы мне нравитесь, — она думала вслух, — я по-хорошему привыкла к вам. Тем страшнее представить, что все это ненадолго, что мы ошибаемся. Лучше подождать.

— Ждать нельзя. Ведь я уезжаю.

— Не сердитесь, Семен Васильевич, — Елена с трудом сдерживала навертывающиеся слезы. — Вам нужна хорошая жена, добрая, любящая. Если я почувствую, что смогу стать такой, тогда напишу, непременно напишу. Счастье не уйдет, если оно настоящее.

За окном послышался шум мотора. У дома остановилась машина. Посигналили.

— Это за мной. Не выходите провожать. Я хочу проститься здесь. — Семен погладил волосы Елены. Она обняла его за шею, поцеловала.

— Прощайте, Семен Васильевич, прощайте...

Когда на лестнице замерли шаги, Елена бросилась к окну. Перегнувшись, смотрела, как вышел из подъезда Семен, как тронулась и скрылась в темноте машина. Теперь уже незачем было сдерживать слезы, и они текли из широко раскрытых глаз, по щекам, на горячие губы.

* * *

Выйдя из здания почты, Елена не пошла домой. Тихой, безлюдной улицей шла она с распечатанным письмом в руках. Шла и думала.

Третье письмо на неделе. Семен писал, как скучает без нее, звал к себе. А она все еще ничего не решила и потому не отвечала. Сама не знала, чего ждала, но ждала. Иногда вдруг представит, что Семен забьет ее. Бросится тогда к столу, испишет лихорадочно лист бумаги. А потом порвет написанное и плачет.

Улица уткнулась в набережную. Елена не свернула, спустилась по камням к воде. Поняла, что не случайно пришла к реке. Она хотела этого.

Рядом серой громадой висел над рекой мост. Бетонные опоры, казалось, медленно ползли вверх по течению, и вода ярилась, наскакивая на каменных великанов. С шумным плеском разбивались волны и долго не могли успокоиться, растекаясь по реке стремительными волчками. Сердитые буруны добежали до Елены и вдруг стихали, прятались в водной толще.

Елена сняла босоножки, вошла в воду — она была холодная, — отступила и медленно пошла по мокрому песку. Сзади цепочкой потянулись следы. Оглядываясь, Елена видела, как узкие отпечатки ступни наполнялись водой, расплывались. Стоило только остановиться, и следы исчезали. «Он тоже здесь был, — пронеслось вдруг в голове у Елены. — И его след оставался здесь».

Смятение охватило Елену. Она не понимала, что сделалось с ней. Жадно, будто действительно могла что-то увидеть, всматривалась она в песчаную косу. Но песок был гладок и чист, как вчера, как год, как тысячецелые назад.

...Она встретила с Семеном впервые здесь, на этой песчаной косе. Строительство моста только начиналось. Елена, случайно придя на набережную, заинтересовалась работами. Она долго стояла и смотрела, как в дно реки вбивали первые сваи.

Кто-то рядом, присев на корточки, умывался речной водой. Елена спросила:

— Долго ли строить будете?

Мужчина перестал плескаться, посмотрел на Елену. Лицо его было мокро, с кончика носа и подбородка стекала вода.

— Семь месяцев, — ответил он, — а долго ли это или скоро, судите сами.

Елена смутилась. Ей было все равно, когда выстроят мост, к тому же она не имела ни малейшего представления о сроках строительных работ. Говоривший с нею, видимо, понял это. Достав платок из кармана, он стал вытирать им лицо и руки.

— В наших условиях быстрее нельзя. Капризная речонка.

— Какая же это речонка? — возразила Елена. — Вон сколько техники понагнали. Можно подумать, что мост через море прокладывать будете.

Мужчина засмеялся, хотел сказать что-то, но его позвали. Он попрощался и пошел к рабочим. Провожая его взглядом, Елена долго еще видела его смеющееся лицо, запоздало улыбнулась в ответ и вдруг покраснела, почувствовав, как дрогнуло и учащенно забилось сердце. Она рассердилась на себя, ушла.

Но через день снова была у реки. Наблюдая со стороны за строениями, она все чаще и чаще останавливала взгляд на своем новом знакомом. Слышала, как рабочие называли его Семеном Васильевичем, иногда — прорабом. Елене нравилась спокойная деловитость его движений, постепенно она начинала понимать, о чем он говорил с рабочими и стройка уже не казалась ей неорганизованной и хаотичной.

Семен тоже заметил Елену и подошел к ней.

Потом они встретились в центре города. Поздоровались, как старые знакомые, разговорились. И Елена зачастила на набережную.

Всякий раз, когда она спускалась с дамбы к воде, Семен, улыбаясь, шел ей навстречу.

— Ну, как? Продвинулись? — спрашивал он, и Елена, обводя глазами стройку, удивлялась:

— Просто не верится! Вам, наверное, джины помогают.

Она шутила и радовалась вместе с Семеном. Ждала с каким-то тайным нетерпением окончания строительства, словно по мосту этому к ней должно было придти счастье. Могла ли она думать, что с каждым

днем приближался тот час, когда уедет Семен и увезет с собой шум стройки. Останется здесь только мост...

И вот он горбится — немая память их недолгого знакомства. Нет Семена, исчезли следы его ног на песке, не слышно голоса, но Елена чувствовала его присутствие. Он не уехал весь, что-то осталось от него, и это что-то успокаивало и согревало.

Солнце спустилось к горизонту. Мост из серого стал розовым. По воде побежали фиолетовые тени.

Мимо Елены прошли мальчишки с удочками. На куканах, поблескивая, болтались сазанчики.

— Не верите? — долетели ребячьи голоса. — А я точно знаю. Мне дед Филипп говорил.

— Будто он видел их, твой дед Филипп?

— Не видел, а слышал. Они ночью на поверхность выплывают, аж вода бурлит. Сомы, если хотите знать, под каждым мостом есть. Им здесь самое подходящее место...

Голоса стихли. С реки потянуло холодком. Елена вздрогнула; собираясь уходить, надела босоножки.

— Э-э-эй! Витька-а-а! — протяжно позвали кого-то. По берегу крупным шагом шел мужчина. Поравнявшись с Еленой, он спросил:

— Не видели здесь пацана моего, с удочкой?

— Проходили какие-то. Минут пять назад. — Елена стала подниматься на дамбу, но мужчина остановил ее.

— Я, кажется, знаю вас. Вы Елена Дмитриевна? Ну конечно! А меня зовут Федором. Может, помните?

Елена всматривалась в лицо мужчины, но оно было ей совершенно незнакомо.

— Откуда вы меня знаете?

— Мы все здесь вас знали. Вы часто приходили на строительство, к Семену Васильевичу. А я у него плотником работал. И Витька мой тут же вертелся. Он тоже должен вас помнить. Но где же он? — Федор снова забеспокоился. — Проходили, говорите, мальчишки? С удочками? Так это он с приятелями. Ну и задам же я ему! Ушел, чертенок, с рассветом и как в воду канул... А вы не торопитесь, Елена Дмитриевна? Может, зайдете к нам? Живем мы недалеко, рукой подать. Не откажите.

Елена согласилась. Они пошли рядом. Федор искренне радовался их встрече и говорил без умолку.

— У меня же во всем городе ни одного знакомого. Пойти не к кому и поболтать не с кем. Дети, они быстрее сходятся. У Витьки моего уже целая улица товарищей — наведет ватагу, в глазах рябит. Оно и понятно, возраст такой. Что ребенку надо? Побегать, поозоровать, с удочкой у реки побаловаться. Без приятелей ни одно мальчишеское дело не сделаешь. Это мы вот, взрослые, друг к другу с оглядкой подходим, подбираем себе знакомых, как крестных на крестины — все с выгодой.

— Кто же виноват нам? — улыбнулась Елена.

— Вот я о том и говорю. Сами виноваты. Казалось бы, что может быть проще, чем познакомиться? Встретил человека, поговорил, узнал имя, ну и пригласи его к себе на чай или еще там на что. Так нет. Порой рядом живут, окно в окно, а за всю жизнь друг к другу не сходят. Меня вот взять, — Федор ткнул себя пальцем в грудь. — Месяц как здесь, а кружку пива выпить не с кем. Поверите, даже по имени своих соседей не знаю, да и они меня тоже. Выйду иногда на улицу, думаю, может, кого из соседских увижу, покурю хоть в компании, да через час — снова в свою конуру: не вышел разговор. — Федор замолчал, ожидая, что скажет Елена, но она тоже шла молча, только улыбалась че-

му-то. Федор по-своему понял ее улыбку.— Конечно, с кем попало водить дружбу тоже не годится. Я и не сержусь на соседей. Что за человек, что они обо мне знают? Видят только, что живу с мальчишкой, без хозяйки в доме. Заглянут разок в окна — в другой даже не подойдут. В комнатах хоть шаром покати. Стол, кровать да табурет — вот и все хозяйство. Разве у нормальных людей такое жилье? Вот и обходят меня стороной. Ну что ж, я за это даже уважаю соседей. Сразу видно, что люди они степенные, с первым встречным водиться не будут.

— А вы странный, Федор.— Елена уже не улыбалась. — После слов ваших не знаю, что и делать. Выходит, вы меня и уважать не будете, коль я согласилась зайти к вам?

— Извините, Елена Дмитриевна. К вам моя речь не относится. Вы, вы...— Федор торопливо искал слова, — вы же знакомы были с Семеном Васильевичем. Я с вами, будто с ним говорю. Да и не слушайте, что я болтаю. Это все от одиночества. Обрадовался, что поговорить можно, ну и несу всякую чепуху. Странный я, верно, вы заметили. Я и сам вижу, что со мной что-то творится. Как отстал от наших, от монтажников, так места себе не нахожу. Вить хочется.

Елена давно уже хотела узнать, почему он остался, не уехал вместе со всеми, и не успела спросить. Федор остановился у деревянного строения, напоминающего сарай с двумя крохотными оконцами, выходящими сразу на улицу. Ни двора, ни ограды.

— Вот и наше жилье. Не пугайтесь, — временное. До зимы как-нибудь перебьемся. Входите, — Федор толкнул дверь, вошел первым, убрал что-то с дороги.

На улице только смеркалось, а в комнате было уже темно. В первую минуту Елена смогла различить только окно и стол. Потом обозначилась дверь, ведущая, по-видимому, в другую комнату.

— Витька! — строго позвал Федор. За дверью что-то стукнуло, но никто не отозвался.

— Бойтся, — шепнул Федор Елене. — Выходи, пока я ремень не взял.

В дверях показалась взлохмаченная голова.

— Я давно, папа, дома.

— Врать, значит, выучился? А чего это ты такой грязный? Марш мыться, поросенок! — Федор взял полотенце. Отец и сын вышли из комнаты. С улицы через тонкую стену слышно было, как Федор отчищывал Витьку.

— Не стыдно, тебе, бродяга бездомный!

— Я не один, Вовка и Славка тоже были.

— Вот-вот! Слышишь, твой Вовка воеет, мать ему трепку дает.

— А я ему самого большого сазана отдал. Вот такого! Думал, его мать обрадуется, ругать не будет. Зря отдал.

Прислушиваясь к голосам за стеной, Елена улыбалась. Витька не очень-то боялся отца, — это не трудно было понять, и если он думал сейчас о чем, так не о возможном наказании, а о сазане, напрасно отданном Вовке. Вот он вбежал в комнату, умытый, причесанный. Присутствие незнакомой женщинынисколько не стесняло его. Он, казалось, не замечал ее. Взобравшись на табурет, Витька заявил требовательно:

— Есть хочу!

И Елена не чувствовала себя чужой в доме. Она просто присутствовала, никому не мешала да и не могла помешать. Так, ничто не изменилось бы в их поведении, если бы в комнате был не один, а два стола, если бы дверь была не закрытой, а открытой. И все происходящее Елена видела словно на экране телевизора и при всем своем желании не

могла вмешаться в ход событий. Только поздним вечером, когда Федор уложил сына спать, она решилась, наконец, заговорить.

— Давно? — спросила Елена, и Федор понял ее.

— Давно. Скоро четыре года, как один. Мал еще, — он кивнул на дверь, за которой спал Витька, — не понимает, как трудно без матери. Да он другой жизни и не знает, как только со мной. Ему и трех не было, как мать умерла. Растет он без ласки, без женского присмотра. Душа за него болит. Раньше легче было. В бригаде жили. Не я, так другие за ним присмотрят. А сейчас...

— Вы что, сами со стройки ушли? — осторожно спросила Елена.

— Нет, выгнали. — Голос Федора сделался жестким, зазвенел напряженно. — Он-то и прогнал меня, Семен Васильевич. Я перед ним чуть ли не на коленях стоял, думал, смягчится.

Видно, слишком резко изменилось лицо Елены. Федор растерянно посмотрел на нее.

— Да вы не переживайте, — голос его смягчился. — Правильно сделал, что уволил. Может, он этим спас меня.

— За что же все-таки он вас?

Желваки Федора задвигались и снова исчезли. Он закурил, затянулся едким дымом.

— За что? — Федор повторил вопрос, словно хотел понять, о чем его спрашивают. — Пить стал. Трезвенников, правда, у нас во всей бригаде не было, но я, видать, перестарался. Семен пригрозил: ребенок, говорит, у тебя, не забывай. Если не бросишь пить, выгоню. Будто я сам не знал, что сын на моих руках, мотается вместе со мной по всей стране. Его-то и жалко было. В школу скоро, а как пристроить, не знал. Подумаю о нем — и тоскливо станет. Вот и тянулся к водке. Побалуешься ею, вроде веселее на душе станет. Только беда пришла.

Федор потушил окурок, размяв его пальцами. Достал вторую папиросу.

— Это уже здесь случилось. Опалубку мы заканчивали. Погода стояла мерзкая: ветер, с реки брызги. Дернул меня черт водку с собой на работу взять. Выпил, а потом полез по настилу. Ну, и сорвался... Вытащили меня быстро, я даже воды глотнуть не успел. Витька только сильно перепугался. Да лучше б уж не вытаскивали. Какая мне жизнь без бригады? Я же семь лет с нею ездил...

Елене показалось, что Федор сейчас расплачется, и она невольно отвернулась, но тот молчал, разминая незажженную папиросу.

За стеной завозился Витька, забормотал что-то во сне. Федор прислушался, лицо его просветлело.

— А как он привязался к Семену Васильевичу! Чуть ли не каждый день вспоминает. Побил я его однажды, так он, знаете, что сказал? Сбегу, говорит, к дяде Семену. Где, спрашиваю, ты искать его будешь? А он отвечает: там, где мосты строят.

— Пишет он вам? — спросила Елена.

— Нет, не пишет. Прислал вот только, — Федор полез в карман, достал какую-то бумажку. Елена узнала корешок денежного перевода. На обороте рукой Семена два слова: «Для Вити».

— Вчера прислал, — пояснил Федор. — Получил я деньги и сразу в магазин, хотел пол-литру купить. Уже и чек выбил, а потом меня словно по голове что стукнуло. Что же, думаю, ты свинья делаешь? Убить тебя мало! Ну, пол-литру я все-таки купил. — Семен взял с подоконника бутылку, потряхнул ее так, что пузырьки пошли. Бутылка была не распечатана. — Пусть стоит. Пригодится. Разопьем ее, когда встречу с Семеном Васильевичем, а встретиться нам еще сведется. Правда ведь?

«Непременно встретитесь»,— хотелось поддержать его Елене, но Федор не ждал от нее никакого ответа. Сам с собой разговаривал он, себя спрашивал.

— Пить брошу, решено. Работать буду, как чёрт. Плотники, знаю, везде нужны. Витька осенью в школу пойдет. Куплю ему школьную форму, вместе с ним уроки будем делать, задачи решать. Вот все и устроится. И Семен Васильевич, наверно, так же думал, когда увольнял меня. Не враг же он мне...

Издали доносился до Елены голос Федора. Она думала о своем. Ей показалось вдруг, что Семен где-то совсем рядом, в нескольких шагах от нее. И стоит только позвать, он отзовется, откроет дверь и войдет в комнату. Но уже не таким, каким она знала его раньше, а близким, родным, таким, словно с ним прожила много-много лет и готова была отдать ему самое хорошее, что есть в ней, а что-то помешало сделать это вовремя.

В такую вот ночь пришел к ней проститься Семен.

Что-то еще было в тот час. Что же, что? Елена силится вспомнить и не может вспомнить птицу, прилетевшую из темноты и исчезнувшую бесследно.

Потолок древнего СОГДА

(Рассказ)

В конце июня, когда в Гиссарской долине начинает желтеть трава, а листья деревьев становятся серыми от пыли, у нас на руднике весна только еще начинается.

Ревень или, как его здесь называют, «чукри», можно рвать совсем рядом с посёлком на невысокой, крутой горе.

— Салих! — забравшись на гору, кричу я вниз. — Иди сюда! Здесь настоящие джунгли...

Салих Раджабов — новый диспетчер нашей посёлковой ГЭС. Он ещё молод, всего года на три старше меня. Цепляясь руками за траву, он медленно поднимается вверх по склону. «Тоже мне — горец, от слова «горе»! — думаю я, с досадой поглядывая на безнадежно отставшего Салиха. — Не может забраться на такую пустяковую горку. А еще таджик».

На Салихе — черный, в светлую полоску, пиджак, клетчатая рубашка и серые брюки, которые сейчас испачканы землей и зеленой раздавленной травой.

Салих задыхается. Лицо у него смуглое, с бледными следами оспы. Срывая пуговицу с рубашки, он широко распахивает ворот и хватается рукою за сердце.

— Ты что, по горам никогда не ходил, что ли? — удивляюсь я.

В глазах его мелькает такая затаённая боль и тревога, что мне становится не по себе.

— Сердце? — тревожно приподнимаюсь я, протягивая отлетевшую пуговицу.

Не отвечая, он падает на траву рядом со мной и долго лежит, хрипло и тяжело дыша.

Скулы его постепенно начинают розоветь.

Мы молча лежим в траве, отвернувшись от солнца и прикрывая глаза руками.

Горизонт, где горы соединяются с небом, похож на сумасшедшую кардиограмму, разделившую мир на две части: на далёкое, недоступное небо и на землю, отрешенную от всего на свете.

Воздух такой прозрачный, что отчетливо видно, как метрах в пятистах, а, может быть, в километре от нас мелькают по склону серые точки. Это куропатки. Мы видим, как сшибаются и расходятся, как вы-

писывают они круги по склону. Где-то далеко внизу, невидимый отсюда, невнятно бормочет сай. Когда с ледника, нависшего над ущельем, слетает ветерок, принося на секунду пресный запах тающего фирна, замечаешь вдруг, как остро ипряно пахнут укропчатые метёлки югана, нежные цветы шалфея и просто зеленая, примятая ногами трава.

Мы набираем целую охапку ревеня и сидим, очищая стебли от кожицы.

Собственно говоря, у ревеня нет никакого стебля. Ревень — это два, иногда три огромных круглых листа лопуха, сидящих на коротких, толстых черенках. Распластанные по земле, черенки эти полны кислотовато-сладкого сока. Их можно грызть, как морковь. Только сначала нужно отломить лист и снять с черенка тонкую кожицу.

Потом, к середине лета, листья ревеня станут шершавыми, будто наждачная бумага, а между черенками выметнется тонкий прямой прут, усеянный по верху красноватыми семенами. Черенки станут несъедобными. Но тем-то и хороши горы, что здесь почти всё лето весна! Стоит только подняться к леднику, и снова увидишь весенние листья ревеня и только что проклюнувшуюся траву.

Над нами, над ущельем, над вершинами гор, повисло неподвижное солнце.

Где-то за этим хребтом лежала страна Согдиана.

Где-то за этой горой лежит Душанбе.

Неужели он действительно существует и можно пройти по улице Ленина, купить хорошие сигареты в табачном киоске, встретить старых друзей, а мимо тебя будет литься поток людей и машин и алым пламенем будут пылать в газонах яркие канны!

Удивительными свойствами обладает горизонт: он делает бесплотным все то, что скрывается за его линией.

Сейчас на всем земном шаре существует только вот это: пустое небо, чукри, хрустящая на зубах Салиха, муравей, ползущий по зелёному листу чукри, — должно быть весь мир представляется ему сейчас бескрайним зелёным полем!

Скалы, расписанные лишайником и кустами, похожи на произведения абстракционистов. Но если дать волю фантазии, в причудливом сплетении разноцветных пятен и линий можно увидеть драконов, коней, воинов. Совсем как на полууцелевших пенджикентских фресках.

Я всегда останавливаюсь перед ними, когда бываю в музее.

Тоскующими очами согдийских дев глядит с них скорбная Согдиана. Сквозь тьму веков горит вечный огонь священных жертвенников.

Когда смотрю я на эти фрески, нетленные цветы Согдианы, чудом уцелевшие под копытами арабских коней, — я всегда вспоминаю Кольку Воронова, моего одноклассника, который в учебнике истории выкалывал глаза Чингиз-хану и хану Батыю.

Учитель ругал Кольку, но мы понимали его: через семь столетий мстил Колька татарским ханам за поруганную Русь.

Судьба полустертых фресок и фигурка танцовщицы, вырезанная из дерева и найденная в тех же развалинах, всегда волновали меня так, как волнует судьба живых.

Прошло уже тысячу лет с той поры, когда рассыпались прахом, стали землею рухнувшие стропила и резные колонны согдийских домов. Там, где время не пощадило ни дерева, ни железа, уцелели только чьи-то нежность и страстность, запечатленные в нежных линиях танцующей согдианки.

Как это ни странно, но тому, что время сохранило её, мы обязаны огню. Не тому трепетному богу-Огню, который горел в кострах огнепоклонников-согдийцев, а тому беспощадному, который запольхал

над крышами древнего города, когда рассыпались по его площадям и улицам свирепые воины арабского халифата.

Полубогленная, двенадцать веков танцует она по земле. Мне по душе её живое упорство.

Не знаю, может быть, судьбой своей, такой похожей на злую судьбу земли моих далеких предков, и близка и дорога мне эта страна — Согдиана!

Согдиана...

Мне нравится это певучее слово, как нравились в детстве волшебные сказки. Да она и есть теперь для меня просто волшебная сказка, красивый, придуманный кем-то миф.

И только ли для меня? А что она для Салиха?

Ему скоро заступать на смену. И я буду посылать ему сто чертей в ребро, если в сети упадет напряжение!

— Смотри,— говорит Салих, указывая на север,— вон за той горой лежит наш кишлак Мархтумайн. Там живет моя мать. Ты придешь ко мне в гости? Она готовит такой джургот!

— Конечно, Салих,— говорю я.— Но откуда такое название? По моему, это совсем не таджикское слово.

— Джургот — не таджикское слово? — удивляется Салих.— Это значит «кислое молоко».

— Не джургот, а Мархтумайн.

— А Бидив — таджикское слово? А Гилянк? Шовита? Роут?

— Не знаю,— неуверенно пожимаю я плечами.— По моему, нет.

— А Москва — русское слово?

Действительно, а что оно значит? Я никогда не думал над этим, не знаю. И нигде не читал.

— Ты слышал когда-нибудь о Согде? Русские называют ее Согдиана. За этим перевалом течет река Ягноб. Вода синяя-синяя. Возле самой воды стоят кишлаки Мархтумайн, Шовита, Гилянк... Ты говоришь Мархтумайн — не таджикское слово? Может быть, оно самое таджикское, но теперь даже наши ягнобские старики не скажут тебе, что оно значит. А они говорят на языке, который много-много лет назад принесли на берег Ягноба из древнего Согда...

Ветер срывается с ледника: оживают согдийские драконы и кони на скалах, черная прядь волос бьется на лбу Салиха.

Или это не трава, не кусты зашелестели на склонах, а ожила сама волшебная сказка?

— Салом алейкум, потомок древнего Согда,— говорю я и шутливо кланяюсь, прикладывая ладонь к сердцу.

Жуя чукри, Салих отвечает мне таким же шутливым поклоном и так же прикладывает руку к сердцу. И вдруг застывает.

Будто темная тень проходит по его лицу.

Он медленно потирает грудь и морщится то ли от боли, то ли от кислого ревения.

— Внизу тоже много чукри,— вздыхая, ворчит он.— Зачем так высоко полезли? Опоздаем на работу...

Ей-богу, не зря говорят, что половина всех сердечных болезней приключается от сидячего образа жизни!

Через полчаса Салих будет сидеть в удобном кресле у пульта и следить за показаниями вольтметра. А предки его насмерть рубились на стенах пылающих крепостей длинными и тяжелыми мечами...

— Да брось ты, пожалуйста,— с досадой говорю я.— Никуда мы не опоздаем. Еще есть время. Давай лучше позагорает немного.

Салих сбрасывает пиджак, медленно снимает рубашку.

Под левой лопаткой, над выступающими полудужьями ребер, я вижу большой синевато-розовый шрам.

— Что это, Салих? — осторожно притрагиваюсь я к рубцу.

— Был такой город у моря,— говорит Салих и бледные губы его трогает усмешка.— В городе был дом, в доме сидел автоматчик. Когда он убил моего друга Сашу Ененко, я взял гранату и пополз к дому... Уже в госпитале мне рассказали, что это была его последняя очередь.— Хорошо стрелял, сволочь: почти все пули в мишень попали. Две вытащили еще в сорок пятом, а третья возле самой десятки сидит...

При слове «десятка» Салих тычет себя пальцем в грудь, туда, где под коричневым соском бьётся сердце.

— Ничего, жить можно. Только иногда дышать трудно... Особенно если поднимаешься в гору...

Всё смешивается: голубые цветы шалфея и белая спина Салиха с багровым рубцом под лопаткой, бессмертная танцовщица и кусочек свинца из немецкого автомата. Он врывается в моё сознание на самом конце невысказанной трассирующей очереди, берущей начало где-то там, за этой изломанной линией горизонта, в бесплотности прошлого.

Где-то далеко в небе рождается и пропадает звук. Салих поднимает голову и прислушивается.

Мне хочется сказать ему сейчас что-то важное и главное, как откровенье.

— Ай-яй! — горестно качает головой Салих, разглядывая испачканные травой брюки.— Теперь стирать надо...

Звук возникает снова. Дальний и приглушенный, он постепенно густеет и нарастает. Кажется, что он существует сам по себе, что это гудит само небо или само время над головой.

И вдруг в синюю пустоту неба, уничтожая тишину и отрешенность, из-за высокой арчи, стоящей на скале, врывается ИЛ.

Это идёт рейсовый на Ленинабад.

Поют моторы. Тонким отголоском звенят скалы, будто мурашки бегут по ним от этого пенья. Проплыл серебристою рыбиной и скрылся за перевалом. И уже отражается, должно быть, в синих затонах Ягноба, на берегах которого приютился кишлак Мархтумайн.

— Пора вниз,— снова говорит Салих,— опоздаем...

Мы медленно начинаем спускаться.

Голубка

(Рассказ)

Мы живем в большом доме, на втором этаже. Из окон нашей квартиры видны горы. Самые близкие — невысокие и желтые, а за ними — высокие и черные. Днем же кажется, будто они придвинулись поближе к городу, верхушки их не то чтобы были сплошь белы от снега, а скорее они похожи на шкуру снежного барса.

Возле окна моей дочки Гульнор растет старая ива. Стоит открыть окно, и в комнату врывается озорной весенний ветерок, а с ним — шест молодой листвы.

Хорошо, когда под твоим окном растет такое дерево!

Но этой весной случилась беда. С утра небо было затянуто тучами. Потом загудел, будто с цепи сорвался, ураганный ветер. Дерево раскачивалось из стороны в сторону. Ветви его тревожно стучали в окно. Сверкнула молния, грянул гром, все живое затаилось на мгновение, потом за окном что-то затрещало и рухнуло на землю. Выглянув в окно, я увидел нашу иву сломанной и опрокинутой навзничь. Теперь из земли, почти до самого окна, торчал голый ствол.

Весенние гроззовые дожди бывают недолгими. Небо будто старается сразу вылить на землю всю воду, затем быстро светлеет, становится чистым, высоким и необъятно большим.

Так было и на этот раз. Вскоре над городом засветилось большое и теплое солнце. После того, как обломалась наша ива, в комнате дочки стало непривычно светло, а мир за окном — до неузнаваемости большим.

Прошло недели три. Как-то раз я посадил Гульнор на подоконник, и мы стали осматривать сломанную иву.

Вот тут раньше был большой сук. Теперь на этом месте виднелась рваная рана. Но по бокам ее пробилась тоненькие зеленые ростки. Они как бы хотели защитить собой эту рану.

— Эти ростки, — объяснил я дочери, — скоро станут веточками, на них появятся маленькие листья. А на тот год веточки эти вырастут и на них уже будет много листьев.

Откуда-то появилась пара горлинок. Они покружились, сели на обломанное дерево, и в том месте, где сели голуби, мы увидели дупло. Голуби улетели.

— Папа, а они еще раз прилетят?

Я не был в этом уверен. Но мне не хотелось огорчать Гульнор, уже успевшую объявить этих голубей своей собственностью.

— Я увидела первая. Это мои голуби, — воскликнула она.

Её, вероятно, огорчило, что я с этим легко согласился и не оспаривал у нее право на ее голубей. Поэтому она мне не поверила, что горлинки опять прилетят. Но они прилетели. И очень скоро. Потом они прилетали часто, неся в своих клювах то соломинку, то сухую травинку. Они вили себе гнездо. Мы наблюдали за тем, как голуби строят себе жилье. Вначале они относились к нам подозрительно. Но потом привыкли. Вечером мы насыпали на подоконник зерна. Утром они его склевывали и улетали.

Гульнор спрашивала:

— Папа, они строят себе дом?

— Птицы вьют себе гнездо.

— Гнездо, — повторила Гульнор. — И они тут будут жить?

— Да. Горлинка снесет пару яиц. Потом сядет на них, обогреет и из яиц выйдут два маленьких голубя.

Как и все дети, Гульнор очень любознательна. Для нее это было открытием. Ей не верилось, что из обыкновенных яиц, которые она кушает, получаются маленькие цыплята, а из голубиных — голубята.

По вечерам голубь разговаривал с голубкой. Гульнор казалось, что голубка о чем-то тоскует, а голубь ее успокаивает.

Утрами вдруг стало холодно, окна в комнате дочки были закрыты. Но это не мешало ей подолгу смотреть, как голубка-мама сидит на яйцах, а голубь-папа часто улетает куда-то и возвращается.

Голубка-мама сидела неподвижно и только изредка открывала глаза, будто хотела убедиться, что Гульнор тоже здесь и никуда не ушла.

Мы еще не забыли то бурное весеннее утро, когда ветер сломал нашу иву. И вот небо снова стало хмуриться. К вечеру поднялся сильный ветер, и тучи побежали одна темнее другой. У самых вершин дальних гор они остановились: горы их дальше не пускали. Сразу стало холодно. Пошел дождь.

Утром Гульнор проснулась и побежала к окну посмотреть на свою голубку. Все было белым-бело от снега. Снег намерз на окнах, за окном дул по-зимнему холодный ветер. Но голубка не покинула своего гнезда. Она хотела высидеть птенцов, вырастить их, научить летать.

— Папа, голубка замерзла, — сказала Гульнор.

Голубка сидела неподвижно. На этот раз она не открыла глаз. А голубь был чем-то сильно обеспокоен. Он метался вокруг гнезда, присаживался, клювом тормозил голубку-мату. Потом откуда-то прилетели еще три горлинки. Они тоже сели на край гнезда и начали толкать голубку-мату.

— Как крепко она заснула! — сказала Гульнор.

Теперь мне стало все ясно. Я открыл окно, высунул до пояса и достал голубку. Она была мертва. Она замерзла.

Гульнор, узнав об этом, заплакала.

— Что же теперь будет? — в отчаянии спросила она.

Я не знал, что ответить. Но я был убежден, что голубь, потеряв голубку, до конца жизни не спаривается с другой. Он остается один....

Снова выглянув в окно, мы увидели, что там, где только что сидела голубка, теперь был голубь. Он заменил голубку-мату. Он не покинул гнезда. Он сам решил высидеть птенцов. Вскоре к нему стали прилетать другие горлинки и приносить еду.

Через день-два опять стало тепло.

Вначале веточки ивы отрастали медленно, еле заметно. А потом стали расти быстрее. Тоненькие, зеленые, они потянулись в разные стороны и образовали чащу. Голубю-папе было здесь очень удобно... Но по вечерам он печально ворковал, наверно, тосковал о своей подруге.

Утром Гульнор открывала окно, и на нее через нежную редкую листву смотрел голубь-папа. А вскоре Гульнор увидела двух маленьких птенцов. Рядом с большим блюдцем она поставила на подоконник еще два маленьких блюдца. В них она насыпала зерна, а в чашечку наливала воды.

Птенцы быстро подросли. Пришло время учить их летать. Несколько горлинок по нескольку раз в день прилетали к гнезду. Когда они прилетали, папа-голубь начинал учить своих детей. Он тихонечко толкал клювом птенцов, заставляя их выбраться из гнезда на ветку, а с ветки — опять в гнездо.

Один раз Гульнор прибежала ко мне и с радостным изумлением закричала:

— Папа, идем скорее!

Я подошел к окну. Вокруг гнезда было много голубей. Одни из них брали под свои крылья птенцов, выносили их из гнезда, потом расправляли крылья, а птенцы, торопливо взмахивая крылышками и охраняемые большими голубями, летели до первой ветки. Голуби обучали птенцов искусно и, казалось, весело. И пока малыши не научились летать, отец-голубь не покидал гнезда.

Но вот однажды мы увидели, как он взлетел вместе со своими детьми, и все трое взмыли высоко в небо. Мы долго смотрели им вслед. Было что-то радостное в этом свободном полете.

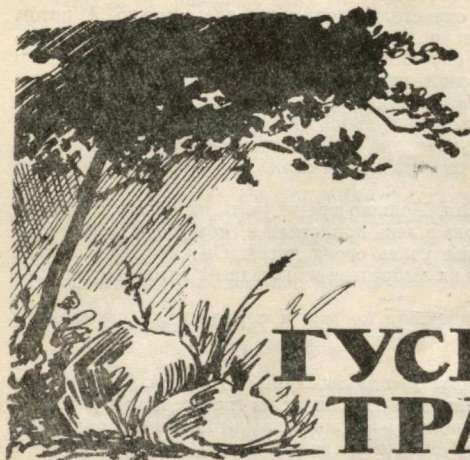
Гульнор неожиданно сказала:

— Жалко, что умерла голубка-мама. Маленькие голубята вырастут и куда-нибудь улетят, а голубь-папа останется один. Ему будет плохо одному. Правда, папа?

Я не хотел ее обманывать. Я ей сказал то, что думал:

— Да, одному всегда плохо.

Вольный перевод С. Шмеркина.

ГУСИНАЯ ТРАВКА

Булыжники

Бывали тротуары из цельных булыжников. Булыжники были противные — гладкие и очень выпуклые. Ноги соскальзывали, и было больно.

Затем весной вокруг каждого глыбы проступали тонкие ниточки. Они делались шире и поднимались — не из щелей между булыжниками, а по-моему, сквозь поры в самих камнях — пролезала гусиная травка. Потом она покрывала весь тротуар, булыжники прятались, ходить становилось мягко.

У нее были тонкие стебельки и крохотные, розовые и белые цветы с желтыми серединками. Взрослые не пробовали нюхать эти цветы, вероятно, даже не видели их. Иногда они брали тяпки и сбивали травку. Железо скрежетало по камням. И опять серели булыжники среди искромсанных стебельков.

И опять было больно ступать.

А проходила неделя, и травка снова поднималась — еще лучше и зеленей. И где ее больше топтали, там она зеленела гуще и розовой цвела.

Кто ее знает, может, она и не росла бы, если б дать ей отдельные грядки, а вот стихи за удобным столом не всегда выходят, часто — тоже сквозь булыжники.

Жаворонок

Я и сама не понимаю, как я узнала, что это жаворонок. Вероятно, потому что было так, как описывают: серебряная песенка сыпалась прямо с пустого неба — никакой птицы там не было.

Голоши увязали в грязи, вдавливая распластавшиеся по земле листья. Травы еще не успели зазеленеть и подняться, а так и лежали, как придавил их за зиму снег. Мельчайший дождь висел в воздухе, холодная сырость проходила сквозь шубу до самых костей.

Но с неба сыпалась серебряная песенка, и это была весна.

Клумбы

Есть путевые участки, где вдоль рельсов как-то особенно выметено, а вокруг каждого столбика — каменная клумба. Белое и красное ложится узором — звездой или круглыми лепестками.

Кто-то старательно разбивал кирпичи, чтоб наружу вышла яркая середина. А серые булыжники белил — осторожно, чтоб не обрызгать красное. А отходил — посмотреть издалека, как получается. Подправлял и еще смотрел.

Мы проносимся мимо, и кажется, что узоры колышутся. Иногда на них битые стекла, и они светятся, как роса. И чудится, что клумбы живые, что эти камни цветут.

Творчество

Есть рыбы, которые не могут метать икру где попало. Они мчатся против течения, борются, дают одна другую, рвут тела о встречные камни, оставляют на скалах серебряные полосы чешуи.

И все-таки рвутся вверх — сквозь волны и водопады, чтоб отложить там икру, — розовые зародыши бессмертия.

Иван-да-Марья

Мякие неуклюжие: стебли какие-то негибкие, и листья торчком, и никогда их не рвут для букетов. Даже москвичи: истоскуются на асфальте по травке — сурепку, и ту чуть ли не выдирают с корнями, лишь бы было разноцветное и пахло, а мимо этих проходят, точно они совсем не цветы.

А ведь они яркие, и расцветка вроде должна бы считаться красивой: синее с желтым. И называют их «Иван-да-Марья», и кто-то придумал легенду о верности.

Может, смешно: пестрые уродики — и вдруг любовь и вечная верность? Как будто нет красивых цветов тоже в две краски.

А, значит, так и было нужно.

Значит, хоть некрасивые, а всё-таки — верность и любовь.

Приключения в дороге

(Очерк.)

Дангара

Выжженные солнцем холмы. Предгорья. Между вершинами Чол-Тау на западе и Джилан-Тау на востоке лежат земли совхоза «Дангара». Сто двадцать четыре тысячи гектаров. Колоссальная площадь. Но только одна двадцать пятая часть используется под пашню. Почему? Земля плоха? Нет. Земля прекрасная. Много солнца. Здесь среднегодовая температура двадцать семь градусов тепла. Летом жарко, зимой мягкая устойчивая погода. Нет только воды. Когда поднимется на триста метров Нурекское море, вода по самотечному каналу придет на высокогорное Дангаринское плато. И там, где сейчас только пастбища и так называемые «прочие уголья» — то есть неудобные, неиспользуемые земли, будет хлопок, сады и виноградники.

...Нас четверо сидят на суфе под раскидистой яблоней. Директор совхоза «Дангара» Бустанов, авторы этого очерка и наш попутчик — ленинградский писатель — кино-сценарист. Он нас предупредил, что терпеть не может быть «героем» и просил не вставлять его в книгу. Мы решили называть его Иваном Ивановичем. Итак, мы сидим под яблоней и разговариваем о деревьях. Бустанов обстоятельно рассказывает, как он сажал эти деревья, как ухаживал за ними, как носил ведрами воду, пока не провели водопровод...

Бустанов произносит слово «водопровод» и хмурится.

— Да, водопровод. Пока только на центральной усадьбе. А во все отделения возим воду на машинах.

Иван Иванович рассказывает, что в Голодной степи, которую он недавно объехал, в новых совхозах тоже есть водопроводы.

Бустанов сердится.

— Воды нет, понимаете! Водопровод

только на центральной усадьбе. Не хватает воды. У нас из-за этого недоразумения...

Он сердится, и мы переводим разговор на другую тему. Бустанов рассказывает. Он говорит, что в совхозе шестьдесят тысяч каракульских овец. Кроме этого, в совхозе занимаются разведением свиней, птицы, есть фермы крупного рогатого скота и что для механизации трудоемких работ в полеводстве и на фермах имеется тридцать грузовых машин, пятнадцать комбайнов, тридцать пять тракторов, пятнадцать самоходных сенокосилок и много других сельскохозяйственных машин. А еще есть электростанция, механическая мельница, ремонтно-механические мастерские. Он приводит цифры. Цифры интересные, и мы о них много говорим. Совхоз прибыльный — пятьдесят пять тысяч рублей чистого дохода. Но могло быть на восемьдесят тысяч больше. Ибо свиноводство и фермы крупного рогатого скота пока еще нерентабельны. Их убытки приходится покрывать за счет прибыли по каракулеводству.

Потом он говорит еще об очень интересных вещах. Мы узнаем, что первые смушковые овцы в Среднюю Азию завезены еще в седьмом веке и что о древнем происхождении каракульской овцы говорит ее удивительная сила наследственности. С какой бы породой ни скрещивали каракульскую овцу, приплод всегда по цвету и даже по качеству смушки больше похож на матку.

Мы спорили о генетике, и Бустанов нас во многом убедил. Он умел удивительно хорошо слушать, и всегда возвращал нас к той теме, которая была нужна ему. Он говорил об успешном применении «сывортки жеребых кобыл», так называемой сывортке СЖК, открытой академиком Завадовским. Сывортка помогает повышать плодовитость маток. Овцематки, «образо-

танчье» сыворткой, дают по два, а иногда и по три—четыре—пять ягнят.

Бустанов недавно закончил зоотехнический факультет Душанбинского сельскохозяйственного института. Окончил без отрыва от производства.

Слушая Бустанова, подумаешь о тех многих председателях колхозов, у которых нет специального образования. Есть опыт и навыки, но нет знаний. Несомненно, в райкомах, в Министерстве сельского хозяйства республики очень хотят, чтобы все председатели колхозов имели высшее образование. Многих председателей колхозов заменяют людьми, имеющими высшее образование. Но в одних ли знаниях дело?

Идет общий разговор. Бустанов продолжает рассказывать об удивительных свойствах СЖК.

А думается совсем о другом: о косности, о бюрократизме, о шаблоне. Откуда они берутся? Мы знаем, как косные люди мешали академику Завадовскому применить эту сывортку. Говорили, что сывортка дает мелкий приплод, плохо влияет на развитие овцематки, ухудшает качество шкурки. Мы спрашиваем у Бустанова — так ли это?

— Нет, не так. Это формальные генетики,— бросает мимоходом директор совхоза.— Это они...

Мы знали, как это было, как зоотехники, как простые чабаны начинали опыты с СЖК, и тайком добились успеха. Значит, только в творческом соединении знаний и опыта люди достигают в работе главного— смелости. Нужно очень хорошо знать и уметь, чтобы иметь право рисковать.

Уже все знают о трудностях, которые пришлось испытать академику Гуляму Алиеву, сумевшему вывести улучшенную породу гиссарских овец. Это одна из самых крупных курдючных пород овец в мире. Гиссарские овцы отлично приспособлены к высокогорным пастбищам, они дают прекрасное мясо и сало. Но шерсть этой овцы была грубая. И вчуже сомневающиеся люди стали говорить, что нельзя надеяться на гиссарскую овцу тонковолокнистую шубу. Однако академик Алиев решил пойти на это. «Невыгодно» — говорили Алиеву. «Выгодно» — отвечал Алиев.— Если овца весит, скажем, сто килограммов, а каждый килограмм живого веса стоит 70 копеек, стало быть, от каждой овцы можно получить дохода семьдесят рублей. Но если на овцу надеть «шубу» весом до четырех килограммов, то к стоимости овцы прибавится еще пятьдесят рублей. И надо создать гиссарскую овцу, которая будет давать полугрубую шерсть, пригодную для ковровой промышленности».

И Алиев создал такую породу. Ему помогли многие люди, многие энтузиасты. Среди них были и ученые, и чабаны. Но сколько было людей завистливых, сколько было людей не понимающих, не верящих в прекрасный опыт ученого.

...У нас нередко заменяют председателей колхозов, ставят людей с образованием, но иногда среди них появляются такие стран-

ные люди... И опыт есть, и знания, а чего-то не хватает. Такому руководителю лишь бы не ошибиться.

И не от озорства, из доброго желания растормошить Бустанова — один из авторов спрашивает директора нужно ли было ему высшее образование?

Директор совхоза не удивляется вопросу и не обижается (это тоже хорошо):

— Скажу почему. От чабанов можно отстать. У них опыт, большой опыт. Да и специалисты у нас молодые, надо и от них не отстать.

— А теперь перестали учиться? — продолжаете не очень тактичный вопрос Бустанова. Двое литераторов с укоризной глядят на третьего. Уж очень в прямой форме идет разговор.

— Теперь?... Бустанов сжимает свои тонкие губы, кончики их чуть подрагивают, не от обиды, а в усмешке. Он приносит из дому рукопись книги.

— Недавно закончил. Об опыте нашего совхоза.

Книга! Директор совхоза написал книгу. Пришвин как-то говорил, что чудо — это возможность для человека примкнуть участие в творчестве чего-нибудь нового, еще у нас небывалого.

Да, это, наверно, действительно чудо, чудо очень повседневное, обычное, но чудо. Вероятно, в том, что пишет человек, есть уже для него самого что-то новое, небывалое. Хорошо, когда пишут сами, коряво или хорошо, но сами. А бывает, что не пишут, а переписывают. Есть даже мастера переписывать с такими изменениями, что не узнаешь откуда «содрано» все это, известное, переизвестное. Мы это почему-то называем не малоумием, не воровством, а копипилацией...

Я листаю книгу Бустанова. Не художественная литература, а научная, очень интересная книга. Что узнал, что передумал Бустанов, что накопил за годы работы, о том и рассказал.

В книге много интересных наблюдений, огромная статистическая работа. Она написана не для широкого читателя, а для овцеводов, для каракулеводов.

Мы бы, наверно, написали целую историю, как Бустанов отобрал для опыта двенадцать ягнят, родившихся от маток, которым была введена сывортка и четырех ягнят, родившихся от маток, «не обработанных» сыворткой. Это было серьезное научное наблюдение. Нужно было разработать рацион этим ягням, нужно было поставить контрольных ягнят в соответствующие условия. А наверно, самое интересное — как в эту работу были втянуты чабаны, зоотехники, как каждого ягненка взвешивали, промеряли по высоте холки, высоте крестца, косой длине туловища, ширине моклака, груди, обхвата пясти, как проводились наблюдения за ростом, развитием и выносливостью. Это была огромная работа, начатая с двенадцатью и четырьмя ягнятами. Уже потом началась «массовая обработка» овец, сначала в одной, потом в другой, третьей отарах. Мы слушали Буста-

нова. Но один из авторов думал: да я увидел, что все это было сделано не ради диплома. И мне, неудобно глядеть в открытые глаза Бустанова, мне неудобно перед своими товарищами.

Силь

На рассвете мы все ехали на машине, оставившей за собой пылевую завесу. Зеленые лики пшеницы вдоль обочины дороги были серые от пыли. Бустанов быстро вел машину и пыль клубилась штормовым морем. Вдали маячили серые горы.

Стояла середина мая. В лощинах еще зеленела сочная трава. Недавно прошел дождь и поля были свежие. Пройдет еще два-три дождя и до сентября на небе не появится ни одной тучи. Пожелтеет пшеница, выгорит трава.

Мы остановились у родничка, залили воду в радиатор, впереди было почти сто километров пути. Неподалеку, на камнях, у высохшего русла горного потока сидели три грифа — громадные птицы с облзой головой и шеей, с пуховым ожерельем. Птицы медленно повернули в нашу сторону свои хищные клювы, закачивающиеся крючком и спокойно отвернулись. Над нами парили орлы. С вышины раздалось курлыканье. Мы подняли головы. На фоне большого белого облака пролетала журавлиная стая. Мы стояли на дне пологого ущелья, образованного двумя холмами и следили за птичьим строем. Журавли скрылись за уступами гор. Мы стояли у подножья холма, за ним были еще холмы, выше, уступистой. За уступами, как забор, начинались отвесные горные хребты. Ущелье то расширялось, то сужалось. Внизу оно состояло из дороги, прижимающейся к одной, то к другой стороне холмов, из зеленых островков разнотравья, из вымытого водой распада, заполненного округлыми камнями. Где вода, где эти бурные стремнины, каскады, водопады, что закруглили камни? Вода ушла с гор дождевыми потоками, она размывала и это ущелье, и эти увалы, разрезала их трещинами, завтрашними ущельями. Где эти воды? Поломали дорогу, забросали ее камнями, и ушли. Только пыль вьется за машиной.

Отделение совхоза. На всхолмленной равнине — серые домики, серые школы. У серой от пыли конторы стоит несколько чабанов. Выходим из машины под музыку. У нас есть маленький приемник на полупроводниках. Очень удобный, не пужно ни антенны, ни заземления. Стоят внутри этого приемника две батарейки от карманного фонаря и питают приемник два, а то и три месяца. Чабаны оглядываются: откуда музыка? Приемник переходит из рук в руки, как пиала с чаем. Чабаны не удивляются, вернее сначала удивляются, а потом начинают сердиться и обращаются к Бустанову:

— Купите нам таких приемников, ну, хотя бы пятьдесят...

Они не спрашивают сколько стоит такой приемник. Они оценивают вещь по до-

стоинству, а деньги — за ними дело не встанет.

Пятьдесят? Мы бы сами купили таких приемников по паре в каждый дом. А в совхозе купили бы тысячу или две.

И сейчас же чабаны про Гагарина, про Титова. Подумайте, летают у нас люди в космосе, вон чего достигли, а с приемниками форменное безобразие. У каждого в доме есть приемник. А батарей не хватает. И вопрос к нам:

— Как в Душанбе, есть сухие батарейки к приемникам «Родина»?

Мы пожимаем плечами. Тогда чабаны к Бустанову:

— Есть в Душанбе батарейки? Сухие батарейки?

Бустанов отвечает то, что обычно отвечают в таких случаях, что дескать была заявка, что если ему придется быть в Душанбе, то он обязательно зайдет в Министерство сельского хозяйства и что в министерстве тоже, конечно, знают о таком горестном положении.

Середина мая. Время перегона скота на летние пастбища. Многие чабаны ушли. Поселок фермы почти безлюден. Вот почему так остро стоит вопрос о приемниках. Летовка далеко в горах, на альпийских лугах. Там будут жить эти чабаны со своими семьями до сентября, они забирают с собой все — подушки, одеяла, кошмы, все это, чрезвычайно удобно и компактно завернутое вместе с юртой, перевозится сначала на машинах, а потом небольшими караванами на осликах по горным тропам. Все лето будут жить чабанские семьи на летовках. Там будет медицинско-ветеринарный пункт. Там будут лекторы, может, даже кое-где кино. Все это, конечно, очень хорошо, но если не будет радио, что делать?

— Хотя бы один такой приемник на отапу, — говорит один из чабанов, поигрывая кожаными украшениями своих ножен.

После короткого разговора о делах, мы отправляемся дальше. Дорога начинает петлять, то в обход холмов, то вверх, то вниз.

Через некоторое время мы на другой ферме. Здесь оживление. Вокруг автоцистерны — большая толпа женщин. С ведрами, бидонами, резиновыми камерами с вырезом посредине. Это чрезвычайно удобное и весьма распространенное в этих местах «ведро». Такую камеру наполняют водой, одевают ее на шею ослику и он тихоноcko ковыляет по пыли, перевоза этот отнюдь не самый легкий груз. В отделение совхоза привезли воду. Обыкновенную пресную воду. Поблизости нет ни колодца, ни родника. Есть река с красной водой. Называется она Таир-су. Красная вода в этой небольшой речушке потому, что, видно, где-то она проходит по ожелезненным землям. Вода соленая и горькая. Овцы пьют из речки. Вообще каракульская овца весьма неприхотливое животное.

Спрашиваем Бустанова: какая потребность в воде на ферме? Он отвечает, что обычно шофера делают два-три рейса в день и воды хватает, но вчера машина сломалась и воду не привозили ни разу.

Звонко льется вода из шланга, журчит в бидонах, ведрах, приглушенно — в резиновых камерах. Толпа медленно тает. Потом снова собираются женщины. Когда мы уже уезжали, подошла еще одна машина с водой.

И снова мы едем, и снова нет никаких приключений в дороге. Хоть мечая название книги.

Проходит час в пути и мы на самой далекой ферме в урочище Алимтай. Ферма в ста километрах от центральной усадьбы совхоза. Здесь заканчивается стрижка овец.

Беседуем с Хайрулло Насыровым — заведующим фермой. Рассказывает самое обыкновенное: скоро все четырнадцать отар, двенадцать тысяч овец, двинутся на летовку. До летовки — двести тридцать шесть километров. Двигаться надо побыстрее, потому что если не будет дождей, то воды в ручьях может не хватить, ведь некоторые ручьи совсем пересохли. Он поднимает голову, куда-то смотрит. Мы следим за его взглядом. Далеко, там, откуда мы только что приехали, темное облако.

— Но дожди будут, — говорит Насыров.

Он предполагает, что за двенадцать, за тринадцать дней отары дойдут до летовки.

Ничего необычного, все очень обыкновенно. И мы начинаем расспрашивать Хайрулло Насыровича, не было ли каких-нибудь случаев... Необычайных случаев.

— Случаи? Конечно, были. Совсем недавно был случай. Три дня назад. И Насыров рассказывает удивительную историю.

— Мы были на стрижке, — начинает он. — Пришла туча. А за ней дождь. Мы остановили стрижку. — И поясняет: — мокрую овцу нельзя стричь. Я гляжу: там в горах — дождь, значит будет силь. Я говорю шоферу, есть у нас шофер Эдик. Я говорю: — «Эдик, километров шесть проедем на машине. Давай скорей заводи». И другому рабочему говорю: «Бегите, где пасутся кони. Берите коней. Поезжайте вслед за нами. Выехали мы на машине, а дождь все сильнее. Остановились возле кошар, дальше ехать нельзя, дорогу размыло. А лошадей нет. Побежали пешком. Дождь идет, но не сильно. А в горах, там, где овцы, дождь сильнее. Бежим, а силь нас окружает. Через мелкие ручьи прошли. Глядим, нас догоняют двое верхов, и ведут еще трех лошадей. Я распределил людей, сам поехал к отаре шестьдесят пятой, Джуры Одинаева, а Очила Курбанова и Обида Бердиева послал к другой отаре. Только они поехали, начался ливень. Мы в объезд по холмам. Я гляжу — бараны идут вниз, вся отара, а там, впереди, совсем уже недалеко перед ней — страшный поток, настоящий силь идет. Я прищипнул коня, конь не идет, боится. Тот же понимает — силь. Я его и так, и сляк, прошу — дерзокни пожалуйста. Он собрался с силами и скакнул, а дорога мягкая, скользкая, как только удержался на

ногах? Навстречу отаре помчались. Если бы не завернули отару, унесло бы ее всю сляем. Дождь до вечера шел. Замучились сами, чабаны замучились».

Вот это приключение! Вот бы нам попасть в силь, вот бы увидеть все своими глазами!

— Товарищ Насыров очень просто рассказывает об этом случае, скромно. Это характерно, — говорит вслух Иван Иванович. Он очень подробно записывал рассказ заведующего фермой в свой блокнот.

— Да, если писать об этом, то надо так и писать, как он рассказывает. Просто. — Это говорит Икрами.

— Надо сначала увидеть силь, — замечает Одинцов.

— Э, лучше его не видеть, — говорит Бустанов.

А Насыров слушает наш разговор молча, улыбается. Вот если бы на три дня раньше мы приехали, все бы могли увидеть и даже могли бы помочь, свободные лошади были.

Потом заведующий фермой рассказывает, как привыкают дети к мастерству чабанов.

— Очень хорошо понимают. Лет ему тринадцать, а он уже знает, окотилась овца или нет. Знает, чей ягненок, от какой матки. Все знает. Особенно Курбанали Бобояров, Пятнадцать лет мальчонке, а все очень хорошо знает. Отец его старший чабан в шестьдесят первой отаре. А сам Курбанали окончил пятый класс. В интернате Джитерген.

Джитерген в переводе: потерявшийся колодец. Здесь все такие названия, безводные. Да, воды нет. И строить колодцы, бурить артезианы здесь не будут, потому что через несколько лет прибудет вахшская вода. Воды будет много.

В комнату входит шофер Эдик. Он слышал последние слова о воде:

— Да, тогда будет другое дело, а то за сто километров попробуй навози воду. Одно горючее сколько изведешь, особенно после этого слил. Ехали, небось, видели как искорежил всю дорогу.

Бустанов говорит:

— У этого Бобояра Тагирова, отца Курбанали, хорошие результаты. Сто двадцать два ягненка на сто маток. — И, обращаясь к Насырову, спрашивает: — Не вышел еще?

— Собирается.

Мы идем к старшему чабану Тагирову. В юрте у Тагирова тесно. У него гости. Издалека приехала к зятю Одинагуль Кадирову. Ей семьдесят два года, но она еще очень энергичная женщина. Она разговаривает с нами, расспрашивает, а мы узнаем, что она одна из тех женщин в Дангаре, кто первой «встала за свободу». Одинагуль была председателем колхоза, председателем сельсовета, избиралась депутатом Верховного Совета республики. Кажется, что хоть она и гостя, но она глава этого дома, сидит на почетном месте, держится скромно, но с достоинством.

Может быть, бросить все путешествие, подсесть к ней, и посидеть день, другой, может быть, месяц, два. Жизнь Одинагуль, конечно, очень интересна. Остаться? А то ведь через час эта юрта будет уже сложена и погружена в машину. С машиной уедет домой Одинагуль. Как быть? Какие должны быть случаи знает: ее протест против паранджи, первые колхозы, басмачество... Сколь глубокое это должно быть путешествие по человеческой жизни; куда, наверно, интереснее, чем наше путешествие... Наше путешествие! Это не мое, а наше путешествие. И одному из авторов становится стыдно своих друзей и он вслух говорит о своих сомнениях. Друзья молчат. Молчат и слушают Одинагуль. Видно, и они думают о том же...

Сидим в гостях у Тагирова.

У нас спрашивают о здоровье: нашем здоровье, здоровье наших родителей, здоровье наших детей, и пиала с зеленым чаем обходит круг, приносят плов. После плова надо разбирать юрту. Отара уже вышла.

Во время плова мы расспрашиваем о здоровье Бобояра Тагирова, о здоровье его родных, его детей, его внуков. У него семеро детей и пятеро внуков.

Кошма в нижней части юрты приподнята, веет ветерок. Очень приятно сидеть в юрте, но пора собираться. Мы выходим и удивляемся: с ясного, почти прозрачного неба начинает накрапывать дождь, крупные капли дождя падают на наши рубашки и приятно освежают:

Раз дождь, то надо торопиться: там, вдалеке, перед нами сияя линия дождя. Солнце еще высоко, оно красиво просвечивает косые дождевые потоки. Мы едем навстречу дождю и радуемся, что не станет пыли, пройдем эту дождевую преграду и дальше на всем пути будет приятно и легко дышать. Мы приближаемся к водяной преграде. На ветровых стеклах заработал «дворник». Раздался треск, по брезенту ударил град, мы въехали в полосу града. Град залепаляет ветровое стекло. Град залетает в щели. Вся трава, весь склон горы покрыт ледяной крупой.

— Нас было четверо,— смеясь, произносит Джалол Икрами.

Он раскупоривает бутылку боржома.

— Не выбрасывайте бутылку,— с комической грустью замечает Иван Иванович.— Если нас начнет заливать, мы запечатаем наши записи в бутылку и выброшим в поток.

— Но куда же...— сказал Одинцов.

Все оборачиваются к нему, но он уже спит. Он допил боржом и мгновенно уснул, продолжая держать в руке бутылку. Он умеет засыпать быстро, не договорив фразу до конца и просыпаться тоже быстро, открывая глаза и продолжая недосказанную фразу.

Бустанов быстро ведет машину, разбрызгивая потоки воды и ледяной крупы. Он молчит. Шум града усиливается.

— Реки никуда не впадают,— внезапно сказал Одинцов, проснувшись.— Наша бутылка окажется на хлопковом поле.

Иван Иванович разговаривает с Бустановым. Оба — автомобилисты, обом разговор неприятен, оба продолжают его.

Начинает Иван Иванович. Он спрашивает: почему Бустанов не включает «передние ведущие». Бустанов вежливо отвечает:

— Успею.— Он нервничает. Он топится поскорее пересечь линию дождя.

Иван Иванович рассказывает автомобильную историю о том, что вот так же... Он не делает ударение на словах «вот так же», но они, видимо, покоробили Бустанова. Однажды вот такой же «газик» забросило в кювет и только потому, что не были включены «передние ведущие».

Бустанов отвечает Ивану Ивановичу, что он чувствует машину. Иван Иванович рассказывает еще одну историю. Она на ту же тему о «передних ведущих».

Пожалуй, если бы не было дождя, если бы не было того, что мы все уже предчувствовали, то неприятного разговора могло бы не быть. Но у всех у нас напряглись нервы и мы все больше поддерживали и прислушивались к мнению Ивана Ивановича, потому что не мы вели машину, а вел ее Бустанов, и от него, от его искусства зависели все дальнейшие чаши приключения.

Вдруг все, почти одновременно, увидели, что дождь и град, широко разлившись, ворвался в расщелину и вода забурлила и бурным ручьем понеслась рядом с дорогой. А мы мчались навстречу фиолетовым тучам. И вот уже где-то невдалеке заблестали молнии, загрохнул гром, а слева еще сильнее забурлил темно-серый поток. Вода заливала дорогу, низкая, суховатая трава была уже под водой, вода стекала с гор, с холмов, все сливалось уже не в поток, а в реку шириной метров в двести, а может быть и шире, и при этом поляна и дорога становились уже, а река, вдоль которой мы ехали, шире и глубже.

Бустанов затормозил машину, открыл дверцу и выпрыгнул в воду. Путь преградил водопад, стекавший с горы. Он размыл дорогу, перерезал ее, слился с руслом реки, которая была ниже дороги. Бустанов был в сапогах, вода доходила почти до колен. Он прошел вперед, вернулся, сел в кабину. Все молчали.

— Придется выйти,— сказал Бустанов.— Попробую в объезд.

Мы покорно вышли из машины: сидеть сухим в машине, когда наш товарищ был уже насквозь промокшим, неудобно. Мы вышли и тоже сразу стали мокрыми. Иван Иванович первый оценил обстановку. Он подошел к машине и сел рядом с Бустановым.

— Поедем вместе,— сказал он.

Мы поняли, что Бустанов хочет подняться на холм и поверну объезд водопада. Но холм был мокрый, по нему сбежали ручьи. Машина могла не подняться на склон, соскользнуть вниз, может быть, перевернуться. И вот мы снова все вчетвером сидим в машине, все одинаково про-

мокие и спорим с Бустановым. Но он непреклонен:

— Один поеду,— говорит он.

— Вместе поедем,— говорим мы.

Спорим, но Бустанов в конце концов убеждает нас:

— Выходите, поеду один. Ничего опасного нет.

Мы поднимаемся на холм, готовые в любую минуту подскочить на помощь. Надо торопиться, потому что водопад, размывший дорогу, все больше и больше расширяется, и если раньше, несколько минут назад, до пропасти было метров десять, то сейчас уже, наверно, пять и, когда выехали из машины, мы сразу оказались в воде, которая уже выше колен. Поднимаемся на холм и впереди нас Иван Иванович. Он первый бросается к машине, пытается удержать ее. Мы видели, как поднялись над землей боковые колеса и как машина одним бортом, чуть-чуть не перевертываясь, соскользнула вниз, опять на дорогу. И снова спор с Бустановым, и снова он убеждает, и снова мы цепочкой на холме, на новой трассе дороги. Бустанов, открыв дверцу, машет нам рукой и сигналит, мол, отойдите в сторону. Ревет мотор, бешено работают и задние и передние ведущие, выбрасывая комья грязи, машина с разгона взбирается на холм. Мы бросаемся к Бустанову. Садимся в машину и едем в гору, огибая водопад. Несколько раз вылезаем, разбредаемся в поисках лучшей дороги. Над нами черное небо, молнии, громы взрывают воздух, дождь, град. Откуда-то налетает холодный ветер, но всем нам жарко, потому что мы то и дело подталкиваем машину и, наконец, снова оказываемся на дороге. Водопад сзади.

А дождь усиливается, и мы понимаем, что времени остается очень мало и если мы сейчас не проедем линию дождя, то мы застряли до конца сидя. Но пока все же едем... Нет, остановилась машина. Снова водопад. Из многих ущелий вниз, с громадной скоростью, шириной метров сто, влетает, словно выпущенная из жерла пушки, буро-красная река. Переехать ее на машине нельзя, ее даже нельзя переехать на танке, она несет по руслу с огромной скоростью, а берега реки — высокие и обрывистые.

Несколько часов назад мы проезжали мимо этого сухого, выжженного солнцем ущелья. Мы подходим поближе и слышим, как грохочут камни, и видим, как взбесившаяся вода подмывает каменистые берега и как громадные валуны скатываются вниз и гремят, гремят. Мы садимся в машину и едем назад. Надо найти пологий холм, на него подняться и там ждать. Бустанов находит пологое ущелье, машина легко поднимается, разворачивается и останавливается.

Вечереет. Справа и слева холмы, внизу, там, где была дорога, во всю ширину бурлит вода. Мы разбредаемся по холмам. Один из нас, отойдя, видит скрюченную как саксаул палку. Ему не сразу прихо-

дит в голову, что саксаул быть не может в этих горах. Ему кажется, что это палка. Но вот палка начинает двигаться, и темнубурая, со светлым брюшком, кобра поднимает голову. Она увидела человека. Растягиваются в сторону шейные складки и из узкой пасти вылетает злобное шипение и человеку кажется, что зашелестела ее костяная чешуя. Так несколько секунд, стоят эти два существа молча, глядя друг на друга, и человек не выдерживает, он бросается в бегство, и тут же падает поскользнувшись, поднимается и снова бежит: прибежав, взволнованно рассказывает нам о событии. И среди нас не находится ни одного любопытного, никто не хочет взглянуть на кобру. Мы боязливо оглядываем холмы.

Постепенно нервное напряжение спадает. Бустанов между тем распаковывает инструменты и мы видим, что в наших руках могут оказаться и маленький ломик, и домкрат, и несколько ключей и понимаем, что мы не безоружны. Мимо нас проплывает в потоке большая черепаха, за ней другая. Мы поднимаемся на холм и видим, что весь он усеян черепахами. Тут, может быть, сто, а может быть, тысяча черепах. Большие и поменьше. Они подрывают себе ямку под корнями растений, заползают туда, спасаясь от дождя.

С вершины холма хорошо видно, как собирается вода в ущелье, она собирается из двух или трех ущелий. Видно, как соединяются потоки, слышно, как они режут и как грохочут камни.

Мы возвращаемся, и Бустанов говорит, что нет лопаты. Быстро темнеет и в темноте исчезает Бустанов. Он возвращается с двумя кольями и лопатой. Видно, в жизни каждого Робинзона обязательно должны быть какие-то находки. Он нашел лопату и колья в старой кошаре. Мы идем к кошаре, но находок больше нет.

Дождь начинает медленно стихать. Мы усаживаемся в машину и слушаем радио. Становится холодно. Просто очень холодно. Выбегаяем, пытаемся согреться. Дождь почти прошел. Дороги не видно и нам кажется, что можно проехать. Может быть, минув водопад, можно проехать? Двое из нас за то, что можно проехать, Бустанов молчит. И только один Икрами усиленно убеждает не трогаться с места.

Бустанов включает стартер. Машина трогается и в ту же секунду проваливается. Заднее колесо по ось завязает в жидкой грязи.

Сразу появляется необходимость бороться за существование, выручать машину. Есть домкрат, есть запасной скат, на который можно поставить домкрат. Но скат закреплен болтами, а ключа подходящего размера, чтобы отвинтить гайку, нет. Тогда мы решаем идти на поиски камней. У нас двое командиров — Бустанов и Иван Иванович. И разногласий среди них уже нет. Они дружно отдают распоряжения и мы вчетвером, гуськом, идем искать камни. Идем туда, где была кобра. Идем в темноте, осторожно, шаг в шаг, и находим груды камней. Это боль-

шие и тяжелые камни. Сначала нагружаем одного, потом второго, третьего, четвертому нужно самому взять два камня. Можно, конечно, взять камни полегче, но чувство товарищества запрещает это сделать. Последний из нас медленно опускается на корточки, придерживая одной рукой на плече камень, а второй, свободной рукой, ухитряется поднять камень. Восемь камней на плечах. Возвращаемся медленно, осторожно. Иван Иванович что-то говорит Бустанову про машину. А мы думаем о кобрах.

Мы два раза совершаем путешествие за камнями, пока, наконец, не заваливаем ими яму. С трудом поднимаем машину домкратом. Иван Иванович подлезает под машину, Бустанов вытаскивает его в тот момент, когда домкрат опрокидывается. Мы снова идем за камнями, снова поднимаем машину и — ставим ее на твердое каменное основание.

Выпивается последняя бутылка боржома, и никто уже не шутит, никто не предлагает запечатать в нее наши промокшие блокноты. По-прежнему шумит вода и вдруг где-то неподалеку, в вышине, раздается высокий, заливающий не то лай, не то плач. Это волки, выгнанные водой из своих берлог. Мы сигналим им фармами, включаем на полную мощность радио, но волчьи вопли не утихают.

На рассвете мы выезжаем в каменное русло реки, проезжаем несколько десятков метров и машина снова проваливается. Но уже есть опыт, да и камней тут много, уже светло. Мы набиваем камнями яму, трогаемся, снова проваливаемся, и снова трогаемся.

Нам удается подняться на холмы, обехать еще некоторые бурлящие потоки. В ясном небе вьются ласточки, сверху мы видим неширокую долину и на ней дорожку, а еще спустя несколько часов, испытываем немало страха, потому что по холмам машина не раз имела склонность перевернуться, словом через несколько часов мы на ферме совхоза. Там сушимся, немножко отдыхаем и к вечеру возвращаемся на центральную усадьбу. Около клуба Бустанов останавливает машину, кто-то к нему подбегает. Выясняется, что идет рабочее собрание, на котором районный прокурор выступает с докладом.

...Он еще на трибуне. Небольшого роста, загорелый, молодой человек. Очень темпераментный, весьма напористый. Мы приходим в переполненный зал в тот момент, когда докладчик говорит о технике безопасности, потом переходит к народным дружинам, которые в совхозе, по его словам, «забыли свои функции». А затем, в заключение, отмечает факты злоупотреблений спиртными напитками. Оказывается, недавно уволен за хищение ячменя заведующий фермой. Прокурор говорит: если бы он не пьянствовал, то, может быть, хищения и не было бы. Затем он называет еще несколько фамилий, причем фамилию одной женщины, которая по его словам, выпила и пошла ругаться с зоотехником и прорабом по строитель-

ству. Заканчивает свою речь докладчик призывом чутко реагировать на жалобы трудящихся, и с укоризной замечает, что это пока невозможно, поскольку в совхозе не заведена книга регистрации жалоб.

Немного неловко слышать сбивчивую речь докладчика. И язык у него бумажный — тяжелый, канцелярский, и, видно, факты у него собраны с налету, потому что, когда, например, он говорит о пьянстве, его начинают перебивать: «Так не было», «Причина была другая». И докладчик теряется, замечает: не перебивайте, вот, мол, я закончу, потом сами выступайте. Чувствует себя прокурор неуверенно, видимо, ему самому неудобно, что не подготовился, как следует, к докладу.

Повторяю, что мы пришли не к началу собрания. Только по выступлениям мы понимаем, что речь шла, главным образом, не о технике безопасности, народных дружинах, борьбе с пьянством, а о воде. Оказывается, несколько человек самовольно провели на свои участки водопровод и на партийном собрании решили его отключить, так как воды не хватает. Отключение водопровода сделано весьма примитивным способом: несколько человек пришли во дворы и сняли трубы. Естественно, что не обошлось без конфликтов с хозяевами. Выступлений было много. Многие говорили о том, как надо правильно поделить воду. Речи были прямые, резкие; все боевые. Многие критиковали докладчика: «Вот тут выступал наш прокурор, выступал.. А что сам сделал? Пусть скажет, какие принял меры».

...Слушая эти слова, думается, что о воде, не о совхозе, а о том прекрасном времени, что наступило у нас, об оттепели, о том, что эта оттепель уже многих согрела.. Это пока непонятно, сумбурно складывалось и укладывалось в мыслях. Вспомнилось, что в силу того-ли обстоятельств времени, мы чуть-чуть побаивались таких слов, как «суд», «прокурор», «милиция». Кому было приятно, когда милиционер, подходя, произносил: «Гражданин, вы нарушаете...» И пускай нарушение было пустяковое и мы, скажем, возвращались на тротуар, чтобы перейти улицу на перекрестке, но всегда немного холодила эта бесстрастная фраза «Гражданин, вы нарушаете...» Мы понимали, что функции суда и прокуратуры всегда были, во-первых, воспитательные, а уж, во-вторых, карательные. Но не всегда так было. А теперь мы слушали, что прокурор говорил о технике безопасности, народных дружинах, книге жалоб, борьбе с пьянством, как славно, что об этом говорилось в докладе, как славно, что чувствуется полная раскованность ораторов. Они говорят: наш прокурор, И это чувствует докладчик, что он и в самом деле их прокурор, человек исполняющий волю этих людей, сидящих в зале, он подчинен им, ответственен перед ними.

Приятно было слышать и видеть, как немного съезживается прокурор под крепким рабочим словом, как прислушивается к нему.

Было уже темно, когда перешли ко

второму вопросу: о борьбе с пьянством. К столу президиума, за которым сидели прокурор и секретарь партийной организации, подошла женщина и произнесла речь, она сказала, что в числе пьяниц прокурор назвал и ее фамилию. Да, это она позавчера выпила сто пятьдесят граммов и, не закусывая, пошла ругаться. А разве раньше она ругалась? А разве зоотехник не знает, сколько она написала заявлений, чтобы навести порядок на гусиной ферме. Несколько гусей заболело. Подозревали, что это чума. Гусиная чума. А сколько раз она обращалась к прокурору по строительству, чтобы быстрее достроили гусятник для большой птицы. Этого не сделали. Вот почему она для храбрости выпила сто пятьдесят граммов и, не закусывая, пошла ругаться. И пусть все на этом собрании узнают, кто она такая и почему она пошла ругаться. По работе у нее нет никаких замечаний, она работает на своей ферме с пяти утра до девяти вечера и что гуси у нее в порядке, за исключением тех, которые заболели и что только за последние три месяца она получила премии — от райисполкома — три метра крепдешину и от совхоза — шесть метров ситца и флакон одеколона.

— Я все отдам обратно, — кричала она. — Все отдам: и три метра крепдешина, и шесть метров ситца, и флакон одеколона. У меня все в целости и сохранности. У меня дочь — невеста, я для нее коплю добро. А почему мне дают непросеянное зерно, разве я могу так работать? Я жить хочу. Я еще не жила. А ведь никто не проверял, какие результаты дала прививка, которую я сделала гусям. Я не допущу, чтобы упал был. Гуси у меня выживут. У меня золотые руки, я все малые работы знаю, а мне сказали, будто я пьяница. — И женщина начинает рассказывать свою историю:

— Я воспитанница детского дома. Я здесь в совхозе впервые работаю. Я — воровка. С прошлым завязала. Меня начальничек расколол. Я, между прочим, имею несколько судимостей, и все по совокупности. Когда меня на станции последний раз повязали, я сама сказала, дайте срок, можете довести еще два года, но с прошлым я завязала. Амба.

Она гордилась собой, гордилась, что рассталась с прошлым, гордилась своей живостью, своим умением за все взяться, чтобы все горело в руках. Она говорила сбивчиво, ей хотелось рассказывать случаи из своего прошлого, как ей выпадали удачи и как она в один день одевалась «как мадам» и шиковала в ресторане и бросала сотню оффицианту. И от всего этого она отказалась, чтобы здесь, в совхозе «Дангара», ходить за гусями и получать премии. Она первый раз в своей жизни получила настоящий паспорт и пусть не думают, — с прошлым она завязала. А прокурор сказал про нее, что она — пьяница. Она пришла с работы, выпила сто пятьдесят граммов для храбрости, потому что долго терпела, ей очень

хотелось есть, но она нарочно не закусывала и пошла ругаться с зоотехником и с прокурором по строительству.

Когда она закончила, раздались аплодисменты. Они удивили женщину, она не знала, как сойти с места! От неловкости растерялась, протянула руки вперед, к собранию. Руки у нее были рабочие, в мазнях. Потом неловко поклонилась и пошла на свое место и еще с места упрекала прокурора и повторяла, что нарочно не закусывала, хотя была смень голодна.

Прокурор сказал, что можно было действовать другим методом. Но сказал это вяло, понимая, что это он говорит только для того, чтобы что-то сказать.

И вот, когда мы слушали эту женщину, подумалось нам о том, что у нас называется воспитательной работой. Есть в совхозе директор, парторг, специалисты, они руководят людьми, они делают все, чтобы вырос хороший урожай и повысилась продуктивность животноводства и чтобы шкурки были самого высокого качества. Они думают о жизни людей, строят бани, магазины, распределяют воду... Все это хорошо, но они мало разговаривают с людьми, плохо умеют выслушивать людей. А нужно не только уметь, но и хотеть поговорить с рабочими.

Вспоминается как любил и умел поговорить с простыми людьми Ильич, как жадны были до таких встреч Киров, Калинин, как просто разговаривает с колхозниками, с рабочими, со всем народом Никита Сергеевич, как умеет оценить мудрость народа, как чуток к людям, даже таким, как только выступавшая здесь женщина, заплутавшая в жизни, но пожелавшая найти верный путь.

Очень и нам хотелось выступить на собрании и сказать обо всем этом, сказать, что надо быть добрее к людям, внимательнее к каждому человеку, именно каждому. Но мы не выступили, мы побоялись, что встанет прокурор и, поддерживая нас, скажет, что в вопросе индивидуальной работы с кадрами имеется отставание. Может быть, мы неправильно сделали, что не выступили? Наверно, тогда бы обязательно поддержал нас Бустанов и, возможно, прокурор нашел бы тогда другие незатасканные слова. Но мы смолчали.

...До сих пор мы не можем себе этого простить!

Ховалинг

Ховалинг показался мне* раем. Никто не видел небесного рая и никогда не увидит, а я — тем более, но рай существует. На земле. Есть место, где дух и тело человека отдыхают, где торжествует весна, где глаза не устают удивляться красоте гор, рек и ущелий. Это Ховалинг.

Рай недалеко от Душанбе. Можно

* Читатель, прочитав еще несколько страниц, легко поймет, почему вторая часть очерка рассказывается устами одного лишь автора.

пролететь самолетом, можно проехать автомобилем.

Миновали перевал, и вот уже чуть виднеется рай и его окрестности. Чувствуешь, что все переменилось: погода, природа. Вы дышите свободней и с восторгом вбираете в легкие прохладный воздух, переполненный ароматами цветов. На холмах Ховалинга и трава кажется зеленее, сочнее, и солнышко как-то ласковее пригревает, а с небес доносятся птичьи трели. Задираю голову в голубой бесконечный купол. Это жаворонки не устают петь дифирамбы своим возлюбленным.

Дорога пустынна. На ней только наша машина.

Кишлаки на вершинах холмов безлюдны. Но стоит присмотреться, увидишь на склонах то овцу, то теленка. Дорога круто заворачивает и машина, обогнув петлю, оказывается с другой стороны. Виден кишлак, около домов сушится бельё. Маленькие кишлачки, крыши которых скрываются в зелени, не безлюдны. А среди трав, покрывающих склоны холмов, глаза различают квадраты полей. На одном зацветает пшеница, на другом — колосится ячмень. На третьем — на самой вершине холма — ячмень только зазеленел.

Вот тот кишлак, видите, называется Боймуш, что означает — богатый крысами. Кто знает, почему он так назван? Может быть, когда-то крысы хотели победить людей? Так ведь могло быть и в прямом, и в переносном смысле. Но всегда побеждает добро. Видите, кишлак цел, там живут люди.

Дорога проходит над обрывом. Внизу прекраснейший кишлак. Красиво расположены дома, дворы, сады. Вокруг на пашнях работают тракторы. Над кишлаком летают стаи голубей, они как будто хотят, но не могут насытиться панорамой, которая открывается с птичьего полета. Голуби кружатся, кружатся, машина уже в кишлаке, а голуби все кружатся.

...А этот кишлак называется Сангтуда, что означает куча камней. С древних времен сохраняются здесь холм, состоящий из мелких и крупных камней. Рассказывают, что некогда сюда с горы пришли завоеватели. Их встретил смелый и мужественный народ. После боя иноземный владыка выстроил свои поредевшие войска и повелел в память каждого воина, сложившего голову в бою, принести по камню.

И стоит холм, сложенный из камней, в недобрую память пришельцев. Много и сейчас у нас подобных памятников в укор незванным гостям.

Сейчас в кишлаке Сангтуда находится ферма совхоза «Ховалинг».

Ховалинг когда-то был центром района, центром многих малоземельных колхозов, а теперь ликвидировались и район, и малоземельные колхозы. Горные жители переехали в долины, когда-то пустынные. Но в безводные пустыни пришли реки и моря и хлеборобы Ховалинга стали хлопководами.

Ховалинг расположен между двумя саями, он весь в зелени, среди которой бьют родники с холодной прозрачной водой. Центр кишлака называют Чиль-Чинор — сорок чинаров. Это только название такое, на самом деле здесь чинаров меньше, они растут вокруг бояших прудов. Там же расположена чайхана и гостиница. В народе говорят, что никто не может сосчитать, сколько здесь чинаров. Может быть, когда-то это было трудно. Но теперь первый попавшийся паренек лет десяти мне быстро ответил:

— Сколько чинаров?

— Двадцать!

Я пересчитал: верно, двадцать чинаров. Вот под этими чинарами вы действительно чувствуете себя, как в раю. Вот аромат! Воздух опьяняет. Запах акации перемешивается с мятой, к нему присоединяются безелика и тончайшие запахи горных цветов. Вы чувствуете себя, как в парфюмерном магазине, только там вас обвевает приторный тяжелый запах, а здесь легкий, нежный, чуть-чуть опьяняющий.

За саем, по дну которого протекал быстрый ручей, на плсцади, около почты, слышен могучий голос из радиорепродуктора. Это напоминает человеку, что в Ховалинге есть люди, есть культура, техника. Если принять во внимание, что улицы пусты, а машины проходят редко, а дети разбрелись по дворам, то кажется, что Ховалинг — рай без ангелов. Ангелы уехали в долины.

А электричества здесь много; даже днем на всех столбах горит электричество. И на террасе гостиницы, под чинарами, тоже горел свет. Я не мог стерпеть, встал и выключил.

Сижу в маленькой комнате совхозной гостиницы за столом, который втиснут между двумя кроватями, смотрю в окно. Вечернее солнце скоро скроется, тени стали длинными. Перед нашим окном лужайка, за ней виден сай. За саем далекие дома, за домами — холмы. На лужайке старательно работают, ищут себе пищу утята. Их родительница — квочка — весьма рьяно их охраняет, не велит разбегаться.

На улице показалась тень человека. Это наш шофер Абдулло идет в сторону кинотеатра. Прошел, и опять улица стала пустынной.

Наша компания расстроилась. Я вместе с Бустановым поехал сюда, а остальные участники нашего путешествия уехали болеть в Душанбе. Ночь во время сияла дала себя почувствовать.

В комнате, на кровати около меня, лежит директор совхоза «Дангара» Бустанов. Он натянул на себя одеяло, тоже чихает и кашляет. Явные симптомы гриппа. Если он серьезно заболит и ляжет, будет очень нехорошо; и его дела, и мои дела останутся.

Но Бустанов — здоровый человек, которого не берет ни мороз, ни жара. Как он сам сказал, болезнь никогда не сваливала его.

После приезда Бустанов пошел искать начальство местного совхоза, чтобы договориться по всем неотложным вопросам. Но начальства не было. Тогда Бустанов отправил старшего зоотехника Широченко на пастбище, а сам прилег, чтобы несколько часов пообедать.

На ферме крупного рогатого скота в совхозе «Дангара» выращиваются коровы бурлатвийской породы. С ними хлопот не оберешься. Животные привыкли к прохладному климату, поэтому их летом на машинах перебрасывают в прохладный Ховалинг.

Но в этом году руководители совхоза «Ховалинг» недружелюбно встретили стадо бурлатвинок, их не пустили на прошлогодние пастбища в устье Дараз-аспон. Вот поэтому Бустанову пришлось взять с собой Широченко и, махнув рукой на работу в своем хозяйстве, ехать договариваться с соседями.

Я сижу за столом. Смотрю в окно, думаю о пройденном нами долгом пути. В окно видны восточные холмы, зеленые, травянистые.

В комнату, не стучась, вошла «хозяйка гостиницы», женщина средних лет, высокая, стройная, в белом марлевым платке. Она держала в одной руке чайник с пиалами, в другой — завернутые в дастархан сдобные горячие лепешки.

— Ака директор спит? — шопотом спросила она. — Я чай и лепешки принесла. Если бы я знала, барашка резала бы к вашему приезду. Но что делать, руки не дотянулись. — Так говорят таджики, желая сказать, что барашка нет.

— Не беспокойтесь, ничего не нужно, — сказал я. Мы уже кушали. Вы напрасно беспокоитесь.

— Что за разговор, — сказала она, — вы такие дорогие гости.

— Спасибо, — сказал я. И чтобы перевести разговор на другую тему спросил:

— Вы заведующая этой гостиницы?

— Я работаю в конторе уборщицей, — сказала она улыбаясь, а здесь я вроде директора.

— Дети у вас есть?

— Да, у меня двое сыновей и дочка. Старший сын в клубе аппарат крутит, кино показывает.

— А муж?

— Муж на фронте остался, — сказала она с горечью. — Детей я сама вырастила.

— Ну, а как живете? Ничего живется?

— Слава богу. Я работаю. Директор помогает. Молоко, мясо, пшеницу получаем.

— Вы давно живете в Ховалинге?

— Да, я здешняя.

— Тогда мы земляки, — сказал я «хозяйке гостиницы». — Мой дед с Ходжалы ушел пешком в Бухару учиться.

Узнав, что мы земляки, она обрадовалась.

Когда мы после двухдневного пребывания в Ховалинге уезжали, она ни за что не хотела получить с нас деньги — как же с земляка брать деньги? Но мы все-таки всучили деньги.

Вечером я отправился в кино. Над горами веял ароматный ветер, птицы еще не угоманились; громко разговаривая друг с другом, они направлялись к себе домой. Из сая возвращалось стадо.

Я подошел к клубу. Да, смотрят за ним плохо: окна не вымыты, кое-где выбиты стекла. Я заглянул во внутрь, в зале давно не подметали. Половина восьмого, но возле клуба кроме нашего шофера Абдулло никого нет, на дверях висит замок, будет кино или нет, неизвестно.

Я сказал Абдулло:

— Пойдем посмотрим город.

Шофер с удовольствием согласился, он шел рядом и все повторял:

— Город! Скажете тоже. Какой же это город. Разве это город?

Центр кишлака на две части разделял большой сай. С одной стороны все административные здания совхоза, сельсовет, клуб, чайхана, гостиницы. На другой — почта, школа, интернат, магазины, хозяйственные здания и жилые кварталы.

В чайхане сидели мужчины. Дети носились по кишлаку, помогая женщинам загонять во дворы скот. На тутовых деревьях несколько ребятшек собирали листья. Должен сказать, что ребята эти молодцы. Они не срубали ветвей, как это делают зачастую в Душанбе, а обирают только листья. Кормить шелковичного червя нужно, но надо думать и о дереве.

На полянке, у школы, прямо на траве сидело несколько учителей. Увидав меня, они поднялись, поздоровались. Меня они узнали и сразу завели разговор на литературные темы. Оказывается, эти ребята знают многих писателей Таджикистана, читают их книги, помнят на память стихи, спорят о прочитанном. Начали допрашивать меня: над чем работаю, о чем описывается, они прочитали в «Шарки сурх» мой новый роман раньше, чем это сделали некоторые мои собратья по перу. Я был очень тронут.

Потом все вместе мы направились к «городскому саду». Да, когда-то за этим дувалом был настоящий сад. Сейчас осталось несколько тутовых и урюковых деревьев, десяток яблонь. В саду ребята играли в волейбол.

Когда мы проходили мимо, я заметил, что часть из них узбеки, часть таджики. Вообще в Ховалинге живут и узбеки, и таджики, они породнились между собой, много семей смешанных: отец — узбек, мать — таджичка, или наоборот — отец — таджик, мать — узбечка.

Когда я вернулся в гостиницу, в комнате я застал зоотехника Широченко и заведующего фермой крупного рогатого скота. Директор сидел на постели и, держась рукой за голову, слушал, что говорит ему Али Марданов. Это был узбек средних лет, с густыми вислыми усами и редкой бородкой, высокий, очень загорелый, глаза у него умные, глубокие, много не разговаривает и улыбается редко. По его разговору и манере держаться можно было сделать вывод, что человек он бывалый: работает немало лет, знает

все пастбища, все ущелья. На плохое отношение местного совхоза он не обижается.

— Уступят,— говорит он.— Не гнать же скот в Дангару. Совхозные или колхозные земли — все равно.

— А в колхозе Ленина знают, что мы коров пригнали? — живо спросил Бустанов.

— Я им не говорил,— отозвался Марданов.— Но они знают. Все равно кто-нибудь уступит пастбище. Совхоз или колхоз, а уступят.

Широченков хотя и молодой, но видно, что тоже с опытом и знаниями. Он прислушивается к советам Али Марданова, утвердительно кивает головой, подтверждает:

— Уступят.

Когда Марданов и Широченков ушли, Бустанов лег на кровать и закрыл глаза.

Но лежать ему не пришлось. Раздался стук, и в комнату вошел молодой человек, один из тех краснощеких, жизнерадостных великанов, в которых прежде всего бросается в глаза сердечность и радушие, а потом уже необычных просторов и галифе, и гимнастерка, и сапоги, и даже — тюбетейка, и полевая сумка. Он поздоровался, сел, взял в руки пилу и сказал:

— Был в Мазар-султане, на пастбище,— и покосился в сторону Бустанова. Тот откинул простыню и сел.

...Мазар-султан. Я знаю эту местность, она находится в двадцати километрах на север от Ховалинга. Говорят, что там похоронен один из военачальников Магомета. Но это, конечно, не так. Слишком много должно быть соратников у Магомета, ибо каждый десятый кишлак носит «святое» название. Видимо, у мулл, слуг аллаха, небогатая фантазия. Придумали бы легенду поинтереснее.

Я бывал в Мазар-султане. Население кишлака сейчас переселилось на равнину в район восейский, в знаменитый колхоз имени Ленина. Здесь участок Гулстан, одно маленькое звено, которое имеет небольшое картофельное поле.

Здесь много фруктовых деревьев: урюк, яблони, груши, виноградники. И поле, и сады стиснуты холмами. У мазара бьет пять источников с очень вкусной холодной водой. Никакой могилы, конечно, нет. Лежат на земле камни, над камнями возвышается доска, на доске — кусочек белой материи. Это эмблема мазара. Тут же на полках два высохших козлиных черепа. Неподалеку — два домика и терраса, где раньше жили «святые» шейхи и собирали подати. Сейчас один из домиков занят под склад, где хранится картофель, в другом живут молодые ребята, приехавшие копать картофель.

Я бродил по кишлаку и мне все время казалось, что за холмами появятся белые с колоннами корпуса санатория с душевыми, солариями, спортивными площадками. Но за холмами не было санатория. Потихоньку журчат ручьи, стоят несколько домиков, во дворах лают собаки. Местные жители ухаживают за садами, пасут скот и не предполагают, что живут на

курорте. Я готов пить родниковую воду и кислое молоко, есть лепешки, но летом жить здесь.

Раздумывая так, я поймал себя на мысли, что расхваливаю уже второй кишлак — Ховалинг и Мазар-султан. А сколько у нас в горах прелестных уголков? Чуть в горы — и уже место для санатория. Таков наш край удивительных красот, край алмазных родников, синего неба, ароматного воздуха. У нас много санаториев, домов отдыха, здравниц... Мне хочется, чтобы их было больше, чтобы в каждом районе был свой курорт.

Но я отвлекся. В нашей комнате гость, а я оставил его и пошел бродить по горам...

Наш гость — заместитель председателя колхоза имени Ленина — Остонаев.

— Я хотел вас повидать,— сказал гость, обращаясь к Бустанову.— До нас дошли вести, что мазарсултанские пастбища занял ваш скот. Услышав эту тревожную весть, я выехал сюда. Вчера и сегодня объезжал холмы, но не нашел ваших коров. Хочу узнать, где вы думаете их пасти?

Бустанов сказал:

— Мы ваши пастбища не тронем. Но если дадите согласие, то одно-два стада перебросим на холмы Мазар-султана.

— А наш скот куда?

— И вам хватит, и нам. Летом вы угодите наших коров зеленой травкой, а зимой — мы ваших. Мы хоть сейчас вам выделим зимние пастбища.

— Это, конечно,— сказал Остонаев, почесывая затылок.— Но где ваши прошлогодние пастбища?

— В этом году совхоз «Ховалинг» нас не пускает туда.

— Но ущелье Аспои — самые лучшие пастбища, там и вода, и трава, и дорога хорошая, машины до самой фермы доходят.

— Но что же делать, раз совхоз не пускает?

— В левой стороне тоже есть хорошие пастбища.

Видно было, что и Остонаев никак не хочет пускать скот к себе.

— Завтра поедем и посмотрим,— сказал Бустанов.— Если найдем где-нибудь удобные пастбища, не поедем в Мазар-султан, а если не найдем, то очень попрошу выделить... Зимой сквитаемся.

— Хорошо, хорошо, акаджон,— сказал Остонаев.— Но об этом надо один раз поговорить с председателем колхоза. Если он согласится, я не имею ничего против.

— Ранс согласится,— уверенно сказал Бустанов и, обернувшись ко мне, добавил полушутя: — власть портит людей, был учителем, директором школы, был добрым человеком, а как избран заместителем председателя колхоза, да колхоза знаменитого, стал чиновником: то — подумаем, то у ранса надо спросить... Тянете время, бюрократизмом занимаетесь...

— Ну, уж это вы очень... За что так напустились на меня, академик, — заметил, улыбаясь, Остонаев.

— А еще внук Восе, — продолжал Бустанов. — Внук Восе должен быть передовым человеком... —

— Внук Восе?! — перебил я Бустанова. — Вы внук Восе?

Огонь Восе

— Нет, — сказал Остонаев, — я не внук Восе. Я правнук Восе. Моя мать, Джихагуль Расулова, дочь Гулизор, а Гулизор — дочь Восе.

— Мать ваша жива?

— Да, конечно. Ей семьдесят два года, но она еще, слава богу, здорова. Из Академии наук Таджикистана часто приезжают к ней научные работники с магнитофоном, записывают ее рассказы о деде.

— Она помнит своего деда?

— Нет, — сказал Остонаев, — своего деда она не видела, но о нем очень много знает от родных и от матери. Она помнит много людей, которые боролись вместе с Восе.

Вот неожиданная встреча! Я гляжу на Остонаева совсем другими глазами, гляжу и пытаюсь представить, каким был Восе. Наверно, таким же сильным, мужественным и добрым.

Восе, Восе! — это было народное востание, охватившее весь этот край, докатившееся до Гиссара.

Несколько лет подряд была засуха, вслед за засухой пришла саранча, она уничтожила весь урожай. Первый урожайный год был 1885-й. Но страшнее засухи и саранчи были чиновники эмира. Они потребовали, чтобы в один год были уплачены все недоимки за годы бедствий. Люди, жившие несколько лет впроголодь, не могли отдать весь урожай. Возмущение народа против непомерных податей и послужило началом восстания.

Мне было очень интересно узнать подробности этого события и я спросил Остонаева:

— А что вам рассказывала мать?

— О, это интересная история, — начал Остонаев. — Все началось из-за податей. Восе был здоровый, сильный, знающий крестьянин и человек уважаемый. Всегда к нему приходили советоваться. Из детей у него в живых осталась одна дочь, моя бабушка Гулизор. В тот год после жатвы Восе обмолотил урожай, сложил зерно на хирмане. Тогда делали так — складывали зерно в ровную кучу, очень ровную. Если возмешь хоть немного зерна, вся куча осыпется. Сделал Восе чаш, так называлась куча, и стал ждать прихода амлякдара — собирателя налога. Тогда закон был такой: крестьянин укладывает зерно, делает чаш, приходит амлякдар с аксакалом и другими чиновниками кишлака, смотрят на кучу, определяют, сколько здесь зерна и бе-

рут налог. А тогда налогов было много — часть урожая — мулле, часть — аксакалу, часть — за воду, часть — ишану, часть — за печать, которой скреплял подписи податной чиновник... Что оставалось, шло хозяину.

Восе ждал прихода амлякдара и чиновников. Когда они явились, начали определять количество зерна. Ходили, ходили, меряли, меряли и определили на пять батманов* больше, чем было на самом деле. Восе сказал, что так дело не пойдет. Амлякдар настаивал на своем. Восе тоже не уступал. Дело дошло до бекства. А бекство было в Больджуане. Вызвали туда Восе. Бек сказал: «Ладно, идите, взвесьте зерно на весах, но если хоть на одно зернышко будет больше, чем сказал Восе, заберите все, ничего ему не оставляйте». Когда зерно взвесили, оказалось немного больше, ну совсем немного, может быть, на килограмм или на два, чем сказал Восе. Я уже говорил, что Восе был опытный крестьянин, хоть на глаз, а определил почти точно. Немного ошибся. Но зерно забрали, оставили Восе без куска хлеба. Что было делать? Так велел больджуанский бек. Большие жаловаться было некому.

Моя мать рассказывала, что однажды Восе оставил свой кишлак и ушел. Забрался на самую высокую гору, откуда было видно и Больджуан, и Ховалинг, и Кангурт, постоял на этой горе и пошел домой, а потом на эту гору он целую неделю таскал из дома жмых. Когда натаскал целую гору жмыха, ночью поджег его. Был большой костер. Это в те времена была такая традиция. О ней знал народ. Увидев огонь в горах, народ поднялся в гору. Подошел к Восе один старик с белой-белой бородой и спросил: «Восе, ты зачем собрал весь народ?» Восе ответил: амлякдар взял весь мой урожай. Это вы знаете. У всех уже забрали зерно, мы все отдали. Я хоть ходил в Больджуан, и все равно у меня хлеб отняли. А у вас просто взял амлякдар. На что мы будем жить?

Старик сказал: да мы зимой все умрем и дети умрут... Но что нам делать?

Восе сказал: Мы должны наказать амлякдаров, беков, обратиться к эмиру, чтобы он дал нам хорошего бека. А не такого, как есть в Больджуане. Он только грабит народ.

Большинство крестьян согласилось с предложением Восе. Но были и такие люди, которые не хотели вооруженного восстания, они хотели просто отправиться в Бухару, передать заявление эмиру.

Восе сказал: во-первых, наше заявление не дойдет до самого эмира, беки задержат наше заявление, во-вторых, что эмир может сделать? Лучшее всего дать такой сигнал, чтобы эмир узнал, что такое народ и что такое борьба.

Так началось восстание.

Как рассказывали старики, восставшие кишлаки во главе с Восе заняли Больджу-

* Батман — примерно двенадцать пудов.

анское бекство. Бек и чиновники убежали, а с теми, что попали в руки восставших, народ расправился. В Больджуане много людей присоединилось к Восе.

Узнав, что Восе идет в Душанбе и Гиссар, чтобы дать бой эмирским войскам, гиссарский бек выслал свое войско навстречу.

Восе остановился в Нуреке, где сейчас строится гидростанция. С одной стороны были эмирские регулярные войска, а с другой стороны восставшие дехкане Восе. В Нуреке был бой. Но силы были неравные, больше бойцов у гиссарцев. Восе отступил. А когда отступают, всегда хуже делается. Многие крестьяне потихоньку убежали от Восе. Испугались, не было у них боевой закалки. А Восе не испугался, отошел в горы, приготовился и стал ждать, когда подойдет противник.

Особенно большие бои были на Алимтайском перевале (это за Дангарой). Земля от крови людской стала совсем красной.

...Я отвлекусь. Слушая Остонаева, я вспомнил холмы Алимтая. Недавно наша машина проезжала эти места. По обе стороны от дороги на вершинах холмов росли горные цветы. Они были похожи на маленьких человечков, в белых чалмах. Тонкий стебель поднимался между двумя листьями, а на конце была пуховая головка. Их было очень много, этих цветов. Я сейчас вспоминал эти цветы и представлял кровавые бои на этих холмах. Подумалось: вот удивительно, земля красная, а цветы белые. А белый цвет — символ чистоты, святости. Может быть, написать сказку для детей о восстании Восе и сказать, что там на холмах, где погибли святые воины Восе в борьбе за правду, там выросли горделивые цветы с белой шапкой, похожей на чалму.

Все это я вспомнил, слушая рассказ Остонаева, который между тем продолжал:

— Восе спрятался в ущелье Мухтариховал. Его бы не нашли, но он сам мужественно сдался в руки эмирских воинов. Он вышел из пещеры и сам пришел в лагерь врагов. Он сказал им: пусть из-за меня не страдает бедный и невинный народ.

Восе повезли в Бухару и там казнили.

Гулзитор, моя бабушка, и наши родственники едут в Бухару, дают много денег эмирским чиновникам и им удается получить тело Восе. Они привезли его сюда и похоронили. Могила Восе находится в Больджуане.

Восстание было подавлено. Но огонь, который зажег на вершине горы Восе, остался гореть в сердцах людей. Люди сочинили хорошие дастаны, поэмы, песни об этом знаменитом восстании и затаили ненависть в своих сердцах к поработителям.

Остонаев умолк. Он устало сел на кровать рядом с Бустановым и вытер платком лоб. Мы долго сидели молча. Я думал о Восе и его правнуке. Думал, что мы,

пожиная плоды настоящего, забываем о прошлом, ибо человек склонен привыкать к прекрасному, стремясь найти в борьбе новое и новое. Я подумал, что на примере жизни Восе надо воспитывать в детях и юношах и патриотизм, и национальную гордость. Уже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня в руках школьный учебник истории таджикского народа. Я тщетно ищу упоминание о Восе, описание его жизни, его борьбы. А где книги о Восе? Все поэмы, дастаны разбросаны по журналам и забыты. Нет, нам каждая песчинка родной земли должна быть святой и дорога.

Потом заговорили о нерадивых руководителей нашей республики. Они опозорили нас.

— Наша республика действительно была передовой, — говорил Бустанов.

— Мы в хлопководстве действительно давали мировые рекорды, — говорил Остонаев. — И сейчас немало колхозов, которые дают высокие урожаи. Возьмите наш колхоз — один из передовых, мы никогда не давали меньше обещанного. Но все-таки позор достался и на нашу долю.

Да, Ульджабаев, Додхудоев и их приспешники только ради своей карьеры обманывали партию и народ, — сказал Бустанов. — Хорошо, что их изгнали из партии.

— Ничего, — сказал Остонаев, — мы докажем свою правоту. Слава Таджикистана была и будет. Ее создадут не лгуны, а трудовые руки.

— Это правильно, — сказал я. — Партия укажет народу дорогу, и народ, идя по этой дороге, достигнет успеха.

— Потом я вам скажу, — заметил Остонаев, что наши колхозники, наши мужчины имеют понятие о чести. Если мужчина не смеет с себя плохой репутации, он не мужчина, он не сможет спокойно спать и пить воду.

— А женщины? — спросил я шутя.

— Раз я сказал колхозники, то значит и женщины входят в их число, — пояснил Остонаев. — Наши женщины тоже работают не меньше, чем мужчины.

— Да, — сказал я. — Но мы хвалим женщин, говорим им — молодцы, оставляем на хлопковых полях одних, они работают с утра до вечера, а сами собираемся в чайхане и пьем зеленый чай.

— Это тоже правильно, — сказал Бустанов. — У нас пока на женщин по-старому смотрят. Есть некоторые руководители колхозов, совхозов, которые об освобождении женщин, о равноправии женщин много говорят, но практически ничего не делают.

Остонаев, который внимательно слушал наш разговор, улыбнулся:

— В нашем колхозе и в этом отношении дело идет хорошо. Недавно мы выбрали одну женщину заместителем председателя колхоза. Она очень хорошо работает.

— Кто она? — спрашивает Бустанов.

— Одна девушка. Очень умная, энергичная и... очень красивая.

О красивой девушке

— Красивая, это хорошо,— сказал Бустанов.

— Это замечательно,— сказал я.

— Да, красивая,— подтвердил Остонаев с каким-то ожесточением,— именно красивая. И зовут ее Гульчехра—розоликая. И это вполне точно. Красива как нежная роза. Но... В этом «но» все дело.

Когда выбирали ее—все хорошо. Но только начала работать, по кишлаку поползли слухи. Она ведь не замужем. Подошла к бригадиру. Зачем подошла? Наверно, между ними что-то есть. О чем она так долго говорила с ним? Люди думают только о плохом. Почему так думают? Не привыкли, чтобы женщина находилась у руководства. А Гульчехра... У нее другое имя, это я ее так назвал, условно. Словом, Гульчехра все это знает, а вида не показывает. А ей, наверно, трудно самой. Дома, наверно, плачет. А придет в контору или на собрание, или в поле—как ни в чем не бывало. Понимает, что люди по привычке болтают,—Остонаев замолчал.

...Сколько раз я встречался с подобными случаями. Сколько лет мы не можем преодолеть этих пережитков! Мы только что говорили о Воле, о воспитании национальной гордости. Но национальные традиции не только в прошлом. Сейчас создаются тоже традиции, новые, которые складываются в ходе нашего шествия к коммунизму. Пережитки прошлого иной раз протаскиваются в нашу жизнь под видом национальных традиций, которые насаждали веками беки и эмиры, желая держать народ в темноте и невежестве. Борьба за действительное равноправие женщин часто наталкивается на противодействие мужчин: «они так привыкли», «они сами не хотят», «женщина есть женщина»... Шуткой ли сказанное слово или серьезно, что это как враждебное реакционное отношение в борьбе за коммунизм. Пусть не обвиняют меня в слишком крепких формулировках. Они справедливы! А посмотрите некоторые наши браки, когда старики решают по своей воле судьбу молодых. Всю жизнь я пишу об этом, всегда воюют мои героини за свободу и равноправие, как и воюют они в жизни, но... Да, многое надо нам отсечь, откинуть, оставить, вступая в коммунизм.

— Был такой случай,— продолжал Остонаев.— Собрался я однажды на зимние пастбища в Алимтай. Возле правления колхоза встретилась со мной Гульчехра. Узнав, что я еду в Алимтай, попросила взять и ее. Пожалуйста. Девушка еще молодая, опыта мало, да и председатель не раз просил меня, чтобы и я, и другие товарищи, члены правления, помогли ей. Надо и работу показать, и получше познакомить с хозяйством колхоза. Со мной был заведующий фермой. Мы отправились втроем. Пока ехали, Гульчехра расспрашивала очень подробно о делах и, представьте, задавала очень толковые вопросы.

Приехали в Алимтай. Дело было осенью. Вечерело, шел мелкий, нудный дождь. Наша машина застряла в одном месте, из-за грязи мы вынуждены были идти дальше пешком. Хорошо, что домики чабанов были недалеко. Мы быстро дошли до фермы. Наш колхоз в Алимтае построил очень хорошие, по типовым проектам, коровники и кошары. Для чабанов хорошие дома построили. Осмотрели строительство, поговорили с людьми, отдохнули, попили чаю, потом дали нам лошадей и верхом добрались до шоссеиной дороги.

На второй или третий день разошлись по кишлаку слухи: два заместителя—он и она—поехали в Алимтай, Остонаев ухаживал за Гульчехрой... Еще через день дошел слух до председателя. Я от стыда не знал что делать. Но я то что? Я беспокоился о чести девушки, о чести нашего заместителя председателя колхоза. Ведь она недавно приступила к работе, мы должны всячески ей помогать, поднимать ее авторитет, а получается наоборот.

Сначала я совсем голову потерял, не знал, что делать. Спросил у одного, другого, кто распространяет эти слухи, все говорили такой-то чабан. Я не мог терпеть, сел на коня, поехал к этому чабану, в Алимтай. Сначала он отказывался, говорил, что ничего не знает, потом сознался и, смеясь, сказал, что пошутил, что, мол, не так говорил, а люди раздули... Это был неплохой парень, молодой. Чабан говорил правду, наверно он кому-то сболтнул, тот добавил, пересказал другому.

Хорошо, что Гульчехра оказалась не из тех, которые быстро сдаются. Боевая и умная девушка. Она не испугалась, наоборот, перешла в наступление. На заседании правления так сказала, что даже председатель стал пот утирать. Потом люди стали говорить: не знали, что она такая решительная, всем от нее попало... Я сказал, что она красивая,—заключил Остонаев,—да, красивая, душой, мысли, дела у нее красивые. Вот что я хотел сказать.

— Конечно,— сказал Бустанов,— если женщина испугается таких разговоров, сдастся, она сама себе принесет вред. И привел пословицу—собака лает, караван идет.

— В Таджикистане таких случаев сколько угодно можно найти,—сказал Остонаев.— Сначала надо освободить женщинам путь, не боясь выдвигать на руководящую работу. Они в тысячу раз выше мужчин, особенно своей честностью. Особенно наши женщины отличаются преданностью.

— Я,—говорил Бустанов,— много слышал о любви, о преданности, постоянстве. Этой весной приехал в Куляб, остановился в гостинице. Со мной в комнате был директор средней школы. Мы с ним беседовали. Он рассказал мне о своей любви. Услышав эту вещь, я удивился, оказывается любовь—сильная вещь...—Он вздохнул.

Я попросил Бустанова рассказать эту историю. Он ее передал так, как поведал ему рассказчик.

Зебо

Я тогда учился в восьмом классе. Рядом со мной сидела девушка — Зебо, наша соседка, единственная дочь у родителей. В классе, кроме Зебо, было еще четыре или пять девочек, я даже забыл их лица, а имена тем более. Все мое внимание, все мои заботы, мысли были прикованы к Зебо. Как только открывал глаза, я уже думал о ней. Она тоже любила меня. Эта чистая, юношеская любовь стала заметна нашим товарищам. Они видели и понимали нашу любовь и не смеялись над нами, ведь это была чистая любовь.

Вы спросите, что это такое — чистая любовь? Я не могу объяснить, потому что сам не знаю, но наша любовь с Зебо была именно такой. Сидели на одной парте, я помогал Зебо, во время перемен играл с ней, на прогулках были вместе. Если она не появлялась в школе, то я в течение всего дня получал двойки. Мы не знали, что это любовь, но какая-то сила взаимного тяготения нас приближала друг к другу.

У нее были отец и мать. Они очень любили Зебо. Но любили ее такой любовью, как курица любит своего птенца. Есть некоторые клушки, сидят на яйцах, наконец, появляется птенец. Она гордо вхохчет: у меня тоже, мол, есть дети. На самом деле не знает, как живет детеныш. По праву материнства она кудахчет и все. Если в маленького птенца вцепится кошка, насмерть бьется. Потом опять вхохчет, болеет птенец или не болеет, она не знает, только защищает свое дитя.

Отец и мать Зебо были простые, неграмотные люди. Они честно работали в колхозе и собирали приданое дочери. Конечно, они хотели выдать дочь за состоятельного человека и этим осчастливить ее. Они не знали о нашей любви, никогда не могли подумать, что между нами могла быть любовь. Видели: дружат дети, играют вместе. А если и появлялись у них какие-нибудь мысли, все равно они знали, что наша семья более состоятельная, мой старший брат известный человек в районном центре, и разве Тоборзода, мой старший брат, женил брата на дочери бедной кишлачной женщины. Поэтому родители Зебо на нашу дружбу смотрели беззаботно, они знали: все равно ничего не выйдет.

На самом деле им ничего было бояться, ведь за это время я даже ни разу не поцеловал Зебо.

Нашей счастливой жизни, и не только нашей, а всего народа, помешала война. Мы только закончили девятый класс и начали помогать колхозникам жать хлеб. Мы были вместе. Этим мы довольствовались.

Однажды, когда мы стояли на скирде, прибежали из кишлака и сказали, что началась война. Все бросили работу и побежали в кишлак. На скирде остались я и Зебо. Мы молча сидели, смотрели на горизонт, на холмы, за холмами были синие горы.

Вдруг Зебо поцеловала меня в щеку, прыгнула со скирды и, не оглядываясь, побежала.

Мысли о войне и этот первый поцелуй. Я не сразу пришел в себя: Почему она меня поцеловала? Тут была какая-то связь с войной. Я еще тогда не сумел осунуть этого слова: война. Зебо была тоньше, умнее меня; чувственнее. Бедствие, великое бедствие, — война. И Зебо подумала о нашей любви. И она нашла выход своим чувствам в этом поцелуе.

...С этого дня между нами появились какие-то новые отношения. Я хотел ее поимать, поцеловать. Зебо избегала меня. Мы теперь никогда не оставались наедине. Да и не было времени думать о любви. Каждый день радио приносило одну весть хуже другой! Работать стало труднее, мужчины ушли, вся работа легла на плечи женщины и нас — подростков. С рассвета до заката мы работали на хлопковых полях. А тогда техники было мало. Работали руками, кетменем. Да и как работали! Я приходил с поля, валялся на постель и моментально засыпал, не успев взять в рот куска лепешки. Осенью, когда был убран урожай хлопка, мы пошли в школу. Мы продолжали сидеть за одной партой. Иногда я брал Зебо за руку и мы оба вздрагивали, как будто от электрического тока.

Десятый класс мы закончили хорошо. Я думал, что останусь в колхозе, но меня послали на учительские курсы. В школах ведь осталось мало педагогов.

Летом мы впервые разлучились с Зебо, разлучились на три месяца. Я читал в книгах, что разлука усиливает любовь. Это верно. Три месяца, которые я прожил в горячке любви, никогда не забудутся. Тогда мне было почти восемнадцать лет. Люди смотрели на меня как на взрослого, некоторые обращались ко мне даже на «вы».

На курсах вместе со мной обучались девушки, среди них были и красивые, живые, веселые. Некоторые из них обращали на меня внимание. Я им, наверно, нравился. Но все мои мысли были заняты Зебо.

Каждые три дня я получал письма от Зебо и каждые три дня отправлял ответ. Зебо писала прекрасно. В каждом письме было стихотворение, потом коротко кишлачные новости, а дальше мечты, мечты. Они уводили нас далеко. Наша свадьба со всеми подробностями, потом Зебо уезжает со мной в школу, где я буду сначала учителем, а потом директором школы, а она сначала женой учителя, а потом и сама учительница. Зебо представляла наш дом, цветник, она разводила сад вокруг нашего дома, собирала плоды.

Я писал ей о своей грусти, о боли в сердце. Я уже знал, что о нашей любви знают отец и мать Зебо и что как-будто они дали согласие на наш брак. Но как моя семья? Я успокаивал Зебо, писал, что сейчас не такое время, чтобы любимый не мог жениться на любимой, что никто не посмеет препятствовать нашему браку. Я знал, что мать меня поддержит, но брат...

Он мне был вместо отца, но и он должен понять. Ведь он — крупный районный работник, уважаемый всеми; он воевал против басмачей, проливал кровь за нашу новую жизнь, разве он будет препятствовать нашей любви? Наоборот, и мать, и старший брат сами помогут, чтобы мы жили счастливо.

Три длинных месяца без любимой прошли. Я успешно закончил курсы, получил удостоверение и отправился домой. Тогда не было на дорогах так много машин, как сейчас. Я ехал поездом, шел пешком, иногда на попутной машине, снова пешком. Я поднялся в кишлак уже вечером и сразу побежал к Зебо. И когда я бежал, то в саду услышал пение. Поднялся на холм и остановился. Сердце билось так громко, что заглушало песню. Зебо сидела за копной сена, глядела на золотой закат и пела:

Эй, нагорная прохлада, приходи, приходи,
На запястья водопада погляди, погляди.
Завилась вода в колючки, холодна, холодна.
Почему у горной речки я одна, я одна?

Я подошел поближе, осторожно кашлянул и прочитал четверостишие:

Сотню раз открою душу — сотню раз тебе вручу.
Сердцем в каждое мгновение слышать голос твой
хочу.
Кто с тобою сядет рядом, я гадаю в сотый раз,
Навсегда прикован взглядом к черным лунам
честных глаз.

Зебо. Какая она была красивая: большие черные глаза, длинные ресницы, густые брови и щеки, пунцовые от загара. Да разве в красоте было дело? Она сидела на траве и смотрела на дорогу. Когда услышала мой голос, увидела меня, несколько секунд сидела не шелохнувшись, потом вскочила, подбежала ко мне, обвила руками шею крепко-крепко.

Я держал ее в своих объятиях и первый раз поцеловал в губы. Этот поцелуй был и последним.

В тот осенний вечер на нас с далекого неба приветливо смотрели звезды, а горная речка пела песни. В те счастливые часы я прожил всю свою жизнь.

Расставаясь, мы договорились, что я сразу же поговорю с братом о свадьбе. Зебо сказала, что ее родители готовы принять сватов.

— Я скажу. Думаю, что согласятся, — сказал я.

Мать и старший брат, увидев меня, обрадовались. Они усадили меня, стали расспрашивать. Я вынул удостоверение. Мать взяла в руки эту бумагу и заплакала от счастья. Ее сын стал учителем. Старший брат тоже хвалил меня, сказал: ты стал завидным женихом. Я говорю: правильно, надо женить меня, но на той, кого я захочу взять в жены.

На следующий день я в районе получил назначение учителем в горный кишлак, расположенный в десяти километрах от нашего. После недельного отдыха я, распрощавшись с Зебо, отправился к месту работы. Там еле прожил неделю. Вечером в субботу прибежал домой. Встретился с Зебо,

Во встречах с Зебо нам помогла ее соседка, очень хорошая женщина. Каждый раз я приходил к соседке, она вызывала Зебо, мы встречались у нее.

Оказывается и Зебо еле пережила эту неделю. Я утешал ее, сказал, что из первой же полочки куплю барана и мы устроим свадьбу.

Когда получил полочку, на базаре купил барана, привез домой, маме рассказал о своем плане

— Твой брат не согласится, — сказала мама. — Он имеет в виду дочку твоего дяди. Они об этом уже говорили.

— А я хочу жениться на Зебо, — сказал я. — И Зебо будет моей женой. Все! Готовьтесь к свадьбе.

— Без твоего старшего брата я ничего не могу поделать.

— Придет брат, я скажу ему об этом.

Через неделю, когда я вернулся в кишлак, узнал, что старший брат не согласился на свадьбу. Моего барана зарезали и съели. Старший брат говорил, что если бы семья Зебо была счастлива, бог не лишил бы их плода. А раз родители Зебо имеют только всего единственную дочку, значит их семья наказана богом. Раз так, не надо жениться на такой девушке, от такого брака ничего хорошего не будет.

Расказывая мне об этом, мать сказала: — Твой брат мудрый человек, он правильно говорит. И он упрямый человек, как твой отец.

— Все это старые взгляды, вредные взгляды, — сказал я маме. — Я, как учитель и как комсомолец, обязан бороться с пережитками. Нас так учили. Я ничему этому не верю. Хотите не хотите, женюсь я только на Зебо.

— Замолчи, — сказала мать. — Брат хочет твоего благополучия. — Дочь твоего дяди — красивая, она такая полная, белая, если женишься, она тебе будет хорошая жена и мать твоих детей, ведь недаром говорят в народе: плод с дерева падает под дерево. Она из нашего рода.

— И вы отсталый человек, — сказал я.

— Что это такое — отсталый? — спросила мать, — не знаю я такого слова.

— Отсталый, значит старый человек, верующий. Хотите-не хотите, я женюсь на Зебо.

— Не смей так говорить, — рассердилась мать.

— Посмотрим, — сказал я, вставая с места. — Я не из таких, которые мирятся с предрассудками. Я больше не вернусь сюда. Живите здесь как хотите.

После этого разговора я две недели не был в кишлаке. Но раскаивался в этом. Беспokoился, переживал, что с матерью обошелся грубо. Ночами я не спал, ходил по комнате, как пьяный.

Наконец, после двухнедельной разлуки я вернулся домой. Еще по пути, на улице знакомые и друзья поздравляли меня, спрашивали: скоро свадьба? Я удивился и ускорил шаг. Мать радостно встретила меня, сказала:

— Твой старший брат уже устроил помолвку с дочерью твоего дяди, ее привози-

ли к нам, ждали только твоего приезда, завтра или послезавтра объявим день свадьбы.

Я ни слова не ответил матери и вышел. Зебо дома не было. Соседка сказала, что она ушла в поле. Но в поле я не пошел. Было время заката. Я пошел на то место, где мы встречались с Зебо после трехмесячной разлуки. Зебо была там, она сидела и задумчиво напевала грустную песенку.

Увидев меня, Зебо отвернулась. На мои уговоры она не обращала внимания. Она была уверена, что помолвка была объявлена с моего согласия. Потом она заплакала, когда немного успокоилась, сказала, что не верит мне, что я все время обманывал ее. Я сказал ей: не хочешь верить, не верь. Раз так, то я вообще не женюсь,— и ушел.

Я был возмущен. Как Зебо, моя Зебо могла подумать такое обо мне. Несколько дней я был в отчаянии. Однажды я узнал, что Зебо заболела. Вернулся в кишлак, пошел к соседке, соседка сказала, что Зебо больна, горит в жару. Я побежал к Зебо. Она лежала в кибитке, на полу, возле единственного окна, ее черные волосы размялись по подушке. От жара лицо было красное, глаза закрыты, шея была обвернута тряпкой. Около больной сидела мать. Лицо Зебо освещала электрическая лампа, висевшая над ее головой.

Мать не обернулась в мою сторону. Зебо открыла глаза, положила руку на мою руку. Рука ее горела. Я держал ее руку в своей, осторожно пожал. Зебо улыбнулась. Значит, она, наконец, поверила, что я не обманщик. Я хотел погорить с Зебо, но мне мешала мать, а она, как нарочно, не уходила, сидела угрюмо, ничего не говорила. Я не мог вытерпеть этого молчания и спросил:

— Зебоджон показывали врачу?

— А что может сделать врач? Болезнь дает бог и сам исцеляет.

— Но Зебо обязательно надо показать врачу. Врач даст лекарство, бог даст выздоровление. Если хотите, я завтра отвезу ее в районную больницу?

— Мы с ума не сошли,— ответила мать и поднялась с пола, услышав скрип двери и шаги.— Пришел отец. Отец все боли снимет.

Я знал, что отец Зебо очень верующий человек, что он не позволит обратиться к врачу. И все-таки я решил погорить с ним. Я шепнул об этом Зебо. Она осторожно пошевелила головой, посмотрела на меня и как бы сказала: «Ничего не говори».

Отец зашел в комнату, вытер руки о пояс. Я встал, поздоровался, он мне не ответил. Сел рядом с дочерью, положил руку на ее лоб.

— Жар у тебя,— сказал он дочери.— Сегодня ночью будешь потеть, потом поправиться. Если жар не спадет, завтра с матерью пойдешь в Мазар-ходжи, там поможешься в священном источнике, все недуги исчезнут.

Зебо закрыла свои прекрасные глаза.

— Если разрешите,— сказал я,— завтра увезу Зебо в районную больницу.

— Кто ты такой, что увезешь мою дочь в больницу?— сказал мне отец.— Ну-ка вставай и больше не приходи.

Услышав это, Зебо открыла глаза и посмотрела на меня. Слезы потекли по ее лицу.

Я пришел к соседке и у нее лег спать. Домой не пошел.

На другой день вернулся в свою школу. Спустя несколько дней я пришел к соседке, чтобы узнать о здоровье Зебо. Она утешила меня: Зебо еще болеет, но, видно, ей уже лучше.

«Все время о тебе думает. Говорит, что как только поправится, сразу поедет к тебе, чтобы никогда уже не разлучаться».

— Я был в районной больнице,— сказал я,— врач обещал приехать.

— Да, врач был. Пешком пришел, еле-еле добрался, но к Зебо его не пустили, спрятали девушку в чуланчике.

Я попросил соседку, если найдет удобный момент, увезти Зебо в районную больницу. Дал ей денег. Соседка все равно зная, что этому не быть, взяла деньги, чтобы обнадежить меня.

В школе меня ждала повестка из военкомата. Меня взяли переводчиком для сопровождения мобилизованных в армию. До Горького и обратно я добирался полтора месяца. Время было военное.

Когда я вернулся, узнал, что Зебо умерла. У меня потемнело в глазах. Я поднялся, посмотрел прямо в лицо брату:

— Достигли своего.

Больше не оставался в этом доме, ушел. Ушел навсегда. Ушли от меня навсегда любовь и счастье.

Долго я клял себя. «Это ты сам виноват во всем,— говорил я себе.— В наше советское время, учитель, не мог жениться на своей возлюбленной. Ты терпеливо дождался пока остальные люди сделали свое дело».

— Вот такую историю поведал мне учитель,— сказал Бустанов. Я спросил у него:— А где ваш брат теперь?

— Мой брат. Он по-прежнему работает в районном центре. По-прежнему пользуется уважением.

— Ака-мулло, сказал я учителю,— продолжал Бустанов,— таких людей, как ваш старший брат, еще немало. Это люди с двойным лицом, обманщики. Такие-то и обманывали партию, занимались приписками...

Долго еще бужевал Бустанов.

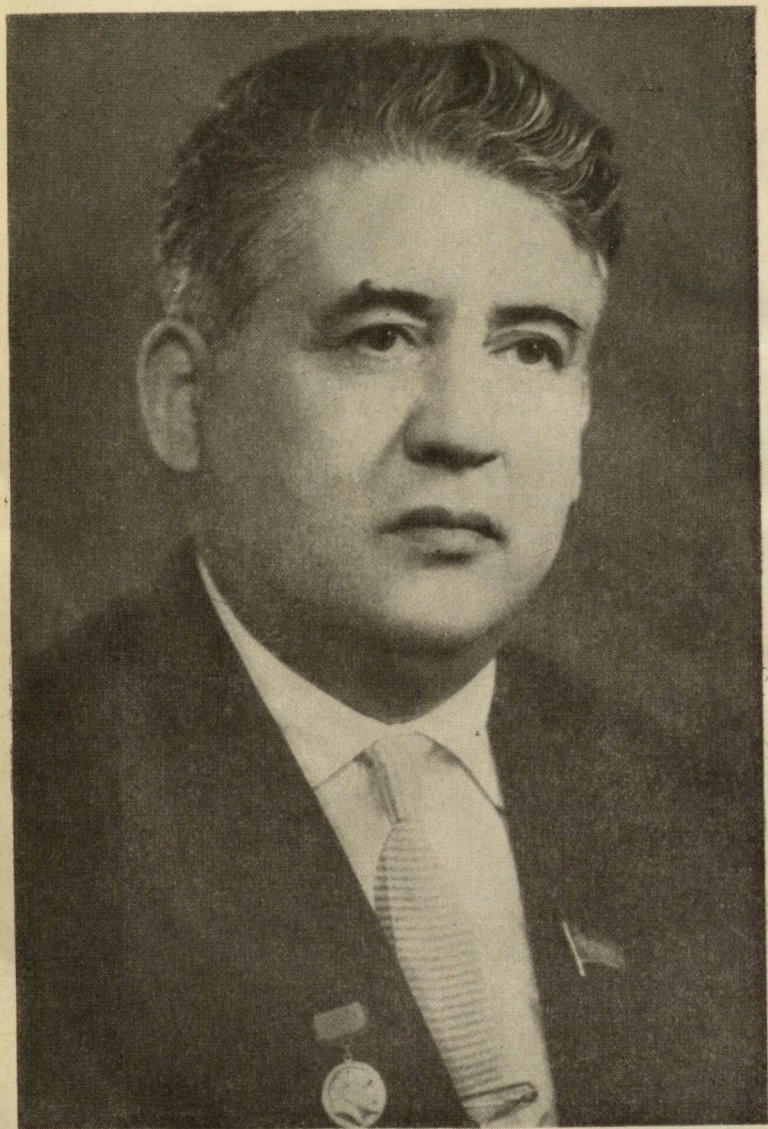
Было уже далеко за полночь. Остонаев простился с нами и ушел. Мы тоже легли.

..Я не знаю, может быть, Бустанову снилось устье Аспов, буролатвийские коровы и прозрачные родники, а я лежал с открытыми глазами и видел перед собой боевую, смелую Гульчехру и нежную, прекрасную Зебо.

Многому меня научили эти женщины.

Я бы хотел, чтобы они научили многому не только меня...

Мирзо Турсун-заде

*Дорогой
Мирзо Турсунов!*

Сегодня, в день Вашего 50-летия, мы рады передать Вам, нашему дорогому юбиляру, сердечные поздравления редакции, литературного актива и читателей журнала «Гулистон».

Поэт большого и выразительного таланта, драматург и публицист, один из признанных лидеров многонациональной советской литературы, около тридцати лет полностью страсти творчества посвятили Вы народу советской Родины, поднимая в своих произведениях важные проблемы жизни нашего общества, строящего коммунизм.

Ваше искусство, вдохновленное великим пафосом передовых идей современности, сегодня любят и знают народы мира. Ваши книги изданы на многих языках народов Востока и Европы.

Как председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Вы отдаете все силы богатой души неустанной борьбе за содружество стран и народов, помогая могучей силой слова, своей вдохновенной поэзией сближению людей.

Ваши пламенные речи в защиту народов Азии, борющихся за свою национальную независимость, Ваши стихи сегодня на вооружении миллионов простых людей на Востоке — борцов против колониализма.

Ваша удивительная биография повествует об удивительную судьбу вашего народа,

поднятого огнем революционных битв Октября из средневекового мрака к ясному свету сегодняшней социалистической действительности.

Какую полную горечи страшную судьбу могла уготовить эпоха нищеты и бесправия рано осиротевшему ребенку из бедного горного селения Каратаг? Отец мальчика, плотник, убитый нуждой, раздавленный тяжестью эмирских налогов, оставил ему в наследство красоту души и тот огонь протеста, который помог впоследствии юноше выбрать свой путь,— стать комсомольцем в годы напряженной борьбы с панисламистским басмачеством, стать коммунистом, человеком высокой образованности, стать в первом ряду современной советской литературы.

Замечательные произведения Мирзо Турсун-заде, всегда поражающие новизной, устремленные в будущее, прочно вошли в золотой фонд нашей современной литературы.

Первой книгой поэта, принесшей ему всенародное признание на родине и огромную популярность в стране и на зарубежном Востоке, была знаменитая «Индийская баллада», получившая высшую литературную премию в нашей стране. Идея боевой интернациональной дружбы провозглашает стихи этого сборника, направленного против ужасов колониализма в Индии.

Остро и взволнованно передана здесь и трагедия народа, порабощенного хищным колониализмом Востока, и жажда борьбы, охватывающая широкие народные массы.

Поэтичность образов, глубокая лирика, экзотичность пейзажей сказочной земли Индии перемежаются горькими картинами повседневной действительности.

«Бомбей, объятый смутой и тоской»,— это вчерашний день Индии. Рикши в рваных лохмотьях, склоняющиеся у ног «чванных сагибов», толпы несчастных «живых скелетов» — это вчерашний день Индии. Ныне Индия перестала быть «товаром», Индия не продается с торгов. В синеве морских гаваней, в «зеркальных заливах» Бомбея хозяева ныне — сами индийцы, одержавшие победу в борьбе с колониализмом.

И студенты Калькутты, и простые люди Дели, Багдада, Кабула говорят с глубоким волнением, слушая советского поэта на многолюдных встречах: «Да. Так у нас было. И это никогда не повторится!».

Есть в цикле стихов об Индии стихотворение, которое как бы перебрасывает золотой мост ко всему дальнейшему творчеству М. Турсун-заде. Это стихотворение называется «Две дороги». Поэт рассказывает о двух дорогах, увиденных им: дороге старого мира, в котором порабощенные люди только еще поднимаются на борьбу за человеческие права, за свободу страны,— и дорогу «нового мира» которая незримо проходит через все человеческие сердца.

То дорога борцов и носителей славы нетленной,
То дорога творцов, созидателей новой вселенной.

То дорога чудесного, гордого, вечно живого
Большевистского разума и большевистского слова.

От Нью-Йорка до Токио и от Бомбея до Рима
Сквозь людские сердца та дорога проходит незримо.

Та дорога доверья народов, великой идеи,
Что и атомных планов, и атомной бомбы сильнее.

Прекрасные строки посвящает М. Турсун-заде своему народу. История таджикского паренька из глухого местечка, вырвавшегося на обочинах главных, кипучих магистралей жизни страны, вышедшего на эту главную магистраль, чтобы стронуть и созидать в полную силу, наравне с современниками,— взволнованно рассказанная поэтом в его поэме «Ха-

сан-арбакеш» — вобрала в себя глубокие размышления о человеческих судьбах, о пути поколений.

Поэт описывает первые годы Советской власти в своей горной республике, где появление грузовика так же грандиозно и сказочно, как скажем, появление джина из жутких рассказов стариков.

Пройдут десятилетия, и сын своего народа однажды удивится огромности перемен вокруг, сотворенных силой рук и сердец его земляков, перемен, в которые он сам вложил всю свою жизнь.

Темный кишлак, наивно удивлявшийся некогда грузовику, — стал большим современным городом:

Ты стал, мой город, светочем наук,
Стал сердцем и душой больших работ!
И здесь творит, не покладая рук,
Мой древний, к жизни поднятый народ.

В самые глухие уголки страны движение эпохи принесло людям свет новой жизни, изменились человеческие судьбы. Изменил свою судьбу и аробщик Хасан.

Миновало то время, когда с распахнутым знаменем по ущельям, прострелянным басмаческими бандами, он, Хасан, вел за собой караван с грузами в революционные кишлаки. Заглядывая в глаза коню, своему другу, Хасан, расстающийся со «специальностью» аробщика, говорит ему:

Ну, а богатство нынешних людей
Вовек с тобою не перевезти!
А я ведь... Я хочу стране своей
Как можно больше пользы принести!

Так уходит Хасан в новую жизнь, в новый труд, в новый преображенный быт.

Нам, жителям Душанбе, столицы Таджикистана, хорошо знакомы такие вот Хасаны с ледниковых гор, приходящие ныне в шумные и светлые аудитории вузов, постигающие высоты культуры. Нас по хорошему волнует судьба этих юношей, ибо это судьба пробужденных к светлой жизни миллионов, это судьба народов.

Поэма эта, открывшая новый этап в развитии таджикской поэзии, имеет и большое международное звучание.

В первую очередь она важна для литератур зарубежного Востока, для литератур тех стран, которым предстоит еще преодолеть немало трудностей на историческом пути развития, для тех прогрессивных литераторов, которым важны интересы своего народа.

Теме борьбы народов Азии и Африки за свою национальную независимость и свободу, борьбе против мирового колониализма, пробуждению патриотизма в угнетенных странах посвящено одно из последних произведений Мирзо Турсун-заде — поэма «Голос Азии».

Поэме «Голос Азии» еще четыре года назад писатель Сафронов очень метко присвоил звание поэтического манифеста солидарности азиатских народов, дав тем самым четкое определение емкости и значимости этого блестящего образца гражданской лирики Мирзо Турсун-заде.

Обращаясь к сердцам миллионов людей, поднимающих знамена борьбы за истерзанный колониализмом, необозримо огромных просторах Азии, строки этой поэмы поистине звучат призывными ударами в набатный колокол.

Так — широко охватывая современность — поднимает поэт свой голос борца и гражданина, активного строителя нового общества, ни на секунду не выключаясь из стремительного, трепещущего ритма жизни.

Каждая наша стройка — это схватка, борьба со старым. Каждый

наш день знаменателен удивительными, яркими приметами нового. Величайшие научные открытия, новый стиль труда, новые кварталы удобных и красивых домов для миллионов наших советских тружеников, — все это наша эпоха, в которой люди хотят жить по-коммунистически. Всем этим будущее входит в нашу жизнь сегодня. Мы боремся за коммунизм — в этом вся наша жизнь.

В сборнике Мирзо Турсун-заде «Голос Азии» есть чудесная поэма, которая называется «Вечный свет». Это гимн жизни, это полный глубокой любви и признательности гимн русскому человеку.

Чувства любви таджикского народа к русскому народу, рука об руку с которым люди Таджикистана осуществляют на своей земле самые смелые, самые заветные мечты человечества, звучат и во многих других стихах Мирзо Турсун-заде:

О, русский народ! О, великий народ!
Тебя моя вольная песня поет,
Таджикам ты крылья огромные дал,
Ты замыслы нам неумные дал.

Одно из последних произведений поэта — лирически взволнованная и публицистическая страстная поэма «Дорогая моя». В ней и глубоко личные переживания поэта, и его широкая связь с общественной и политической жизнью страны.

Именно за эту беспредельную слитность с народом, за высокую окрыленность мастерства, отданного народу, и удостоен Мирзо Турсун-заде высокой награды — звания лауреата Ленинской премии.

Ныне наш дорогой Мирзо Турсун-заде встречает свое пятидесятилетие. Кипучий талант поэта неиссякаем. Неиссякаема его энергия.

Благородная деятельность Мирзо Турсун-заде в защиту мира сникала ему любовь и уважение в сердцах миллионов людей нашей страны и стран зарубежного Востока, Азии и Африки.

Председатель Комитета солидарности стран Азии и Африки, член Всемирного Совета Мира, он неутомимо трудится на благо человечества, с вдохновением поэта и мужеством борца.

И мы с глубокой любовью желаем новых успехов дорогому другу, замечательному поэту-гражданину-коммунисту — во всех его замечательных поисках и свершениях.

////////////////////

*Глубокоуважаемый и дорогой
Мирзо Турсун-заде*

В знаменательный день Вашего пятидесятилетия писатели Узбекистана шлют Вам свое горячее приветствие и сердечные поздравления.

Вы вступили в советскую литературу в годы преобразования Таджикистана из отсталой, в прошлом полуколониальной страны в современную, передовую солнечную республику Страны советов.

Более трех десятилетий находитесь Вы среди бойцов «словесного рода оружия». Ваш талант и его поэтическая сила росла вместе с ростом и подъемом советского Таджикистана.

Много пройдено Вами дорог, преодолено много трудностей, но стих Ваш по-прежнему полон молодой энергии и силы.

Ваша публицистическая деятельность пронизана высокой принципиальностью, а Ваша благородная деятельность на посту председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки и председателя Республиканского комитета мира снискали Вам признательность и уважение не только советского народа, но и народа зарубежных стран.

Многие молодые поэты Узбекистана учились у Вас умению подходить к теме, направлять свою творческую энергию на главные, актуальные вопросы нашей современности. Они считают Вас своим близким, дорогим другом и учителем.

Верный сын Родины, преданный солдат партии, Вы были и остаетесь для нас примером высокой творческой активности, беззаветного служения советскому народу и делу борьбы за коммунизм.

Желаем Вам еще на многие годы сохранить неувядаемую молодость Вашей души, неугасимую страстность, неисчерпаемую энергию и боевой дух,— желаем здоровья, творческих радостей и успехов на благо многонациональной советской литературы.

Шараф Рашидов

*Дорогой, любимый друг,
замечательный наш Мирзо!*

Хочу сердечно приветствовать тебя в день, когда общественность Таджикской Республики торжественно отмечает день твоего славного пятидесятилетия.

Я уже дважды поздравлял тебя с замечательным днем рождения и в печати и лично, и стихами и прозой, но сейчас снова шлю свои наилучшие поздравления и приветы и радуюсь новой радостью, потому что в то время, когда я приветствовал тебя, я видел своего друга на одре болезни, стойко переносившем свое недомогание, а сегодня наш Мирзо опять крепок и полон новыми вдохновениями, готов служить отечеству и человечеству своими трудами и звучным, солнечным стихом.

Твои заслуги в борьбе за мир, дорогой Мирзо, записаны в сердце народов, чья любовь к тебе искренна и крепка. Твои личные качества записаны в наших сердцах, сердцах твоих старых друзей. Мы с тобой измерили много дорог, прошли много испытаний и готовы с таким товарищем и братом, как ты, снова идти в борьбу за лучшее будущее. Желаю тебе здоровья богатырского, вдохновения неиссякаемого, энергии самой динамической, счастья самого большого. Тебе и семье твоей, и дому твоему!

Очень сожалею, что собственные немощи не дают мне возможность лично снова обнять тебя в твоём родном городе, но ты знаешь, как сильно я тебя люблю и уважаю, какую радость доставляет мне всегда встреча с тобой, дорогой брат Мирзо!

Надеюсь на скорую встречу в Москве и не могу не кончить моего юбилейного приветствия, не повторив ещё раз стихотворения, посвящённого тебе к твоему юбилею:

Ты вступил в тот волнующий возраст,
Когда жизнь будет бурно цвести,
Когда ближе нам кажутся звезды,
Ниже — горы, короче — пути!

Когда ум шевелить начинает
Давних мыслей и слов вороха,
И, как добрая весть, восхищает
Восходящая сила стиха!

Глубже самых сердечных приветствий
Нашей песенной дружбы итог:
Сколько прожито, видно вместе,
Сколько пройдено вместе дорог!

Я хочу, чтоб в грядущие годы,
Откликаясь на времени зов,
Новым грозам, горам и народам
Ты читал свои строки, Мирзо!

Чтобы снова дорога кружила,
К тишине и покою глуха,
До конца чтобы с нами дружила
Восходящая сила стиха!

Обнимаю тебя сердечно! И все мои близкие тоже!

Николай Тихонов

Боки РАХИМ-ЗАДЕ

ПОЭТ И БОРЕЦ

Выдающийся русский поэт Николай Тихонов назвал Мирзо Турсунзаде «величайшим поэтом современного Востока».

Это очень верная оценка многогранного творчества и кипучей общественной деятельности нашего дорогого юбиляра.

Мирзо Турсунзаде прекрасно знает богатые традиции таджикской классической литературы и устного народного творчества. Он постиг, как способен постичь только мастер художественного слова, глубину и прелесть русского стиха, и эти чистые вечные источники постоянно питают его поэзию животворными соками. Поэт подобен пчеле — он собирает нектар с прекрасных и пестрых цветов жизни.

В творчестве Мирзо Турсунзаде особенно притягательна лирика. Стихи и поэмы его всегда волнуют своей искренностью, простотой и задушевностью. Чувства в них трепещут в унисон биению сердца. Произведения Мирзо Турсунзаде очаровывают яркостью и свежестью образов. Всем своим творчеством учит Турсунзаде молодых писателей понимать сущность, основные пути и закономерности развития современной советской поэзии. Его стихи и поэмы рождены самой жизнью, они пропагандируют ее светлую большую правду. Как антиквар или ювелир, из тысячи жемчужин может выбрать самую ценную и прекрасную, так и поэт из тысячи тысяч фактов может выбрать самый главный и значительный. Сила и мощь его пера еще и в умении обобщать, в умении ставить и решать актуальные проблемы эпохи. Мирзо Турсунзаде не только поэт, он видный общественный деятель. Свою яркую, взволнованную, как горный поток, поэзию посвятил он делу охраны и упрочения мира во всем мире.

В сборнике стихов и поэм «Голос Азии» мы видим чарующие пейзажи Таджикистана, его горы и долины, самоотверженный труд народа, улыбку и шалость ребенка, а, перейдя вместе с поэтом речку Каратаг, мы словно окунаемся в большое море жизни — и происходят с нами необыкновенные события, и открывается перед нашим взором иной мир: борьба за свободу и счастье, пробуждение Азии, новые и новые победы народов Востока, чей могучий голос звучит все громче и громче...

К вам доносится Азии голос,—
Это мы говорим, азиаты,
Это рокот волны океанской,
Это вольности нашей раскаты,

Это Азия наша прослулась,
Чтоб за дружбу, за истину биться,
Это сердце ее встрепенулось,
Как свободу познавшая птица.*

Голос Азии непобедим, он вселяет уверенность в конечное торжество правого дела, он — как удар грома, что пробудил даже древние индийские гробницы, он — как блеск молнии, что озарил людям кромешную тьму, он подобен волне, которая оторвала человека от тихого пристанища и бросила в пучину битв за лучшую долю.

С циклом стихов «Голос Азии» органически связана поэма «Вечный свет». Обращаясь к народам Востока, поэт говорит о тех радостных плодах, которые принесет им в скором будущем их самоотверженная борьба. Он поет о счастье своей родной земли и шепчет новорожденному сыну:

Ты в Азии издал свой первый крик,
И дом твой — азиатский материк,
Но в Азии счастливой ты рожден,
Где утвердился вольности закон.

Он стоит на вокзале, поэтически названном «Вратами города», и думает о том, что его родной Таджикистан озарен вечным светом ленинских идей, что залпы «Авроры» возвестили ему новую жизнь, величие бескорыстной братской помощи русского народа.

Я помню, прибыл первый паровоз,—
Столице новой счастье он привез.
К нам прибыл лес,— веселый русский
Гость,
Железа первый лист и первый гвоздь,
И первое оконное стекло,
И братской дружбы жаркое тепло.

Мысль поэта устремлена в будущее, но для того чтобы мир понял те великие перемены, которые свершились на его древней и вечно юной земле, поэт совершает экскурсию в прошлое. «Врата города» вызывают у него в памяти иные врата — врата старинной Гиссарской крепости, «Обители рабства».

Из Бухары, где властвовал эмир,
Нам через те ворота внешний мир
Оковы присылал, бичи, обман,
Угрюмого невежества туман.
А мы взамен, с проклятьем и тоской,
Эмиру отправляли груз другой:
Мы отправляли подати в казну
Эмира, обиравшего страну...

Эта поэма Мирзо Турсун-заде поражает удивительной конкретностью деталей, из которых вырастает целый мир ассоциаций и больших обобщений. Картины прошлого таджикской земли, как две капли воды, схожи с картинами жизни современного Востока, только пробудившегося к борьбе.

* Стихи в переводе С. Липкина.

Когда поэт рисует картину апрельской ночи, мы ярко ощущаем дыхание чудотворной весенней поры. Апрель, пишет он, вывесил яркие звезды, «чтоб в эту ночь,

И небу и земле цвести помочь.
Листы, весенней полные красы,
Облил он влажным жемчугом росы.
Цветов черешни трепетной рукой
Қасался воздух с ласкою мужской.
В томительном предчувствии родов
Раскрыла слива пестики цветов.
Фиалки у арыка расцвели,
Вдыхали розы чистый пар земли,
И падал, падал с виноградных лоз
Прозрачный сок весенних, сладких слез».

Я ловлю себя на мысли, что слишком часто цитирую моего любимого поэта. Но большая поэзия всегда говорит сама за себя лучше, чем комментарии к ней. Она попросту не нуждается в разъяснениях.

Вот и сейчас, едва вспомнив поэму «Хасан-арбакеш», я опять зашептал строки из нее. И снова передо мною ожили картины жизни моего народа, воспетые с подлинным поэтическим вдохновением художника-гражданина.

Впрочем, на этот раз я воздержусь от цитат. Я лишь подчеркну, что поэма «Хасан-арбакеш» и другие лучшие творения Мирзо Турсун-заде будут жить века и никогда не потеряют своей свежести.

Каждая новая поэма — это новое открытие.

Поэзия и борьба за торжество бессмертных идей марксизма-ленинизма, борьба за новую жизнь, за мир во всем мире, против колониализма слились для Мирзо Турсун-заде в единое целое и определяют его мастерство художника.

В этих заметках я сказал о Мирзо Турсун-заде, как о художнике. Но для меня он не только большой поэт, но и большой друг.

ДРУГУ

Юбиляру, юбиляру,
Чьею дружбой я согрет,
За стихи, за чудо песен —
Без печалей, без болезней
Жить желаю до ста лет!

Каждый год твой был насыщен
Ярким творческим трудом.
Пусть и впредь твои дерзання
Не узнают увяданья,—
Пусть весна войдет в твой дом!

Гордость Индии и слезы
Нам открыл, как Магеллан.
Под твоим пером волшебным,
Пусть услышим мы напевы
Новой жизни многих стран!

Чтобы все Хасаны мира,
Бросив древнюю арбу,
Новый век опережали

И в грядущее вступали
По примеру твоему.

Чтоб тебе, Солдату Мира,
Как солдату на посту,
Жить до ста, не уставая,
Песнями оберегая
Светлой жизни чистоту.

Сердцем щедрым ты умеешь
До глубин души достать,
Так гори же ярким светом,
Чтоб светить звезде поэта
На планете лет до ста!

Брат мой, друг мой беспокойный,—
В жизнь влюбленный, ты поешь
И стихи, как эстафету,
В руки юному поэту
Навека передаешь.

Сколько нам до ста осталось?
Я с тобой, мой друг, готов
Прошагать, пугая старость,
Прогоняя с ног усталость,—
К солнцу наших ста годов!*

Есть поэты, которые сразу завоевывают сердце читателя. К таким относится мой друг Мирзо Турсун-заде. Уже первые его стихи, появившиеся на русском языке, показали, что у нас появился поэт яркий, талантливый, самобытный.

Я люблю Мирзо Турсун-заде, как поэта и как человека. Я вижу в нем чудесного поэта и преданного слугу народа. Читайте его стихи и ярко представляю себе прекрасные уголки советской земли, где трудится талантливый таджикский народ, вижу его облик, его характерные черты. Высоки произведения Мирзо Турсун-заде по мастерству. Строка его то спокойна и повествовательна, как протяжная песнь народа, то беспокойна и бурлива, как горный ручей.

Самой высшей наградой — Ленинской премией — отмечена поэзия замечательного таджикского поэта. А сегодня поэт, в день своего пятидесятилетия, в самой поре расцвета.

От всей души желаю дорогому Мирзо неослабевающих успехов впродолжение и, безусловно, много — много лет жизни.

Петрусь Бровка

Мирзо Турсун-заде — один из самых выдающихся творцов многонациональной советской литературы. Его имя прославлено по всему Советскому Союзу, стихи его переведены на языки многих народов мира, и перевалив Гималаи и Карпаты, перелетев через Черное и Сре-

* Стихи «Другу» в переводе Е. Петровой.

диземное моря, через Индийский и Тихий океаны, завоевали широкую популярность во многих странах.

Он отражает в своих стихах и поэмах эпоху, пафос борьбы наших народов за коммунизм, смысл великого пробуждения, охватившего мир. Мирзо поистине большой художник. Он не принадлежит к числу тех, которые во имя «новаторства» отвергают классическое наследие. Бессмертные поэтические традиции, созданные народами на протяжении веков, яркое сияние сокровищницы поэзии, — в его крови, в его сердце. В то же время он далек от эпигонства, у него страстно бьющееся сердце, пламенное сердце поэта и свое собственное художественное слово. Все, что он создает, является продолжением великой традиции, и в то же время ново, удивительно ново и свежо.

Сегодня ему исполняется пятьдесят лет. В черных, как смола, волосах его поблескивает седина. Но сердце поэта, горячие чувства его ничуть не остыли. Он вступает в самый блестящий, самый зрелый период своего творчества. Я верю, что наш дорогой друг, славный наш Мирзо обогатит сокровищницу советской литературы новыми яркими произведениями.

Мирза Ибрагимов

О том, что надвигается летний благодатный дождь, сначала предвещает далекий отблеск молнии. Так же с настоящим большим поэтом. Творения его сначала орошают нивы его родного народа, но вскоре имя его уже облетает другие пределы, другие народы.

До моей Башкирии уже много лет назад дошла слава выдающегося поэта Советского Востока Мирзо Турсун-заде. Потом дошли его замечательные произведения. Наш читатель знаком не только с отдельными поэмами и стихами Турсун-заде, но в этом году, в год его пятидесятилетия, он получит книгу стихов поэта на башкирском языке.

Мужество и терпение путника определяется не тем, сколько времени он шел, а тем, какую вершину он одолел. Мне, одному из братьев по перу нашего Мирзо, радостно от мысли, что орлиную вершину одолел певец, и что эта вершина не последняя.

Мустай Карим

Мирзо Турсун-заде,
Советский комитет
солидарности стран
Азии и Африки
Кропоткина, 10,
Москва.

По случаю пятидесятилетия со дня рождения члены Постоянного секретариата шлют Вам, дорогой друг и брат, самые сердечные поздравления и желают здоровья, новых успехов в Вашем творчестве, в плодотворной деятельности для блага и счастья советского народа и в Ваших усилиях по развитию и укреплению дружбы и солидарности между народами двух великих континентов — Африки и Азии. Мы знаем Вас, дорогой Мирзо, как преданного сына Вашей многонациональной страны, как неутомимого борца за освобождение всех колониальных народов, как борца против империализма. Мы знаем о

Ваших усилиях во имя справедливости, равенства и счастья всех народов мира. Мы высоко ценим Вашу благородную деятельность по организации, укреплению и развитию нынешнего мощного движения солидарности афро-азиатских народов, набирающего силу с каждым днём и знаем о Вашей неутомимой деятельности на благо мира.

С братским приветом

**СЕБАИ, АБДУРАШИДОВ, ИССА, ОЗЕНДЕ, ЗАМЕРЛИН, КАЛИМУЛЛА, НСУБУГУ,
МАМАДИ, САЛЛОМ, КИТАЗАВА, ЧУ, МАШПАНГА.**

Каир

Агзам СИДКИ

В КАРАТАГЕ

(Репортаж)

Пейзажи Гиссарской долины поэтичны. Зубчатые цепи горных вершин, одетые в снежные папахи, и синее бездонное небо над зеленью садов и полей, и кипящие стремнины, что «быстроногою прыгают ланью»,—все это вызывает в сердце изумление и восторг, навевает метафоры и сравнения, ассоциации, аллегории и многое другое, из чего складываются в поэзии незабываемые, неповторимые образы. Недаром наш дорогой Мирзо Турсун-заде в своем творчестве снова и снова возвращается к картинам родных мест. Кто хоть раз побывает в Каратаге, тот живо воскресит в памяти стихи поэта и подвигнется их зримой конкретности.

В кишлаке, где пришлось мне родиться,
Пробудился мой голос впервые,
Полетел, как поющая птица,
Чтобы с голосом Азии слиться,
Чтобы в сердце народа родного
Свить гнездо, чтобы снова и снова
Поднималось таджикское слово.

Гиссарские пейзажи очаровали и поэтов и писателей братских республик, приехавших чествовать Мирзо Турсун-заде.

Мы все торопились в Каратаг — на родину поэта, но почти до темна задержались в Регаре. Секретарь горкома партии товарищ Н. Абдурахманов и председатель колхоза имени Кирова Аскарали-ака Мирзоев пригласили дорогого юбиляра и его друзей к себе в гости.

— Наш колхоз в день вашего юбилея выполнил социалистическое обязательство и сдал государству с большой площади по 44 центнера хлопка,— сказал Аскарали-ака. — Неужели вы и ваши гости не порадуетесь вместе с нами?

Отказаться было, разумеется, нельзя,— и вот мы на центральной усадьбе сельхозартели, среди колхозников. Лица их сияют радостью и гордостью, в голосе звучит нескрываемое волнение. Они говорят о том, что в нынешнем году своим самоотверженным трудом стремились смыть то позорное пятно, которым запачкали трудовую славу таджикских хлопкоробов бывшие руководители республики и что в этой почетной борьбе их вдохновляли и пламенные строки любимого поэта.

— Теперь мне понятно, отчего ваш народ столь поэтичен и так любит поэзию,— сказала гостя юбиляра, выдающаяся советская поэтесса Вера Инбер.— Поэзия рассыпана не только в ваших пейзажах, но и живет в сердце, честном, трудолюбивом... Только честному и трудолюбивому народу понятны и доступны сокровища художественного слова-чародея...

В разгар беседы с колхозниками вдруг приехал председатель колхоза имени Жданова Раджабали-ака Давлятов и сказал, что «кировцам» пора и честь знать: каратагцы заждались своего земляка и его гостей.

Но не так-то просто уехать. Колхозники тесным кольцом окружили народного поэта республики и представителей братских литератур страны. Горячую беседу ведут и сам юбиляр, и поэтесса Вера Инбер, и армянский писатель Александр Араксманян, киргизский поэт Кувангбек Маликов, азербайджанец Касум-заде Касум, туркмен Маммедкул Карнев, поэты и писатели республики: Абдусалом Дехоти, Фатех Ниязи, Джалол Икрами, Боки Рахим-заде, Самад Гани...

В темном небе уже зажглись яркие звезды, когда гости наконец смогли поехать в Каратаг.

У здания школы собрались, как говорят таджики, семилетние и пятидесятилетние — те, кто помнил поэта еще мальчуганом, и те, кто знакомится с его творчеством по школьным хрестоматиям. И снова — взволнованные голоса, дружеские объятия, братские поцелуи, веселый смех... Вот Мирзо Турсун-заде погладил по головке черноволосую девчушку, и вспомнились мне его строки из поэмы «Вечный свет», обращенные к ребенку:

Я своему ребенку преподнес
Цветенье хлопка, виноградных лоз,
Вершин таджикских непорочный снег
И звонкий смех таджикских быстрых рек...

Река шумела рядом, отливая серебром в блеске круглой, полной и очень яркой луны...

Разговор о жизни и делах, о трудовых успехах незаметно вылился в литературный вечер.

Один за другим выступают поэты и писатели; говорит и хозяин торжества. Он говорит о той заботе, которой окружают человека Советская власть и родная Коммунистическая партия, делится своими впечатлениями о работе XXII съезда КПСС, вспоминает эпизоды и картины, виденные в зарубежных поездках, делится своими творческими планами.. Люди слушают внимательно. Многие из них с оружием в руках были басмаческие банды, отстаивали завоевания Октября в Великой Отечественной войне, и сегодня у них на глазах слезы радости и гордости... Когда Мирзо Турсун-заде кончил говорить, они обнимали его и целовали, а потом стали выступать и сами.

...Я слушал выступавших, приглядывался к лицам людей и думал о том, какое это великое счастье, когда народ чтит своего поэта и чувствует его так, как чувствуют Мирзо Турсун-заде.

Я думал о том, что беседа народного поэта с тружениками колхоза имени Кирова и со своими земляками еще раз показала, насколько он и его творчество близки родному народу. А когда поэт и народ связаны неразрывными узами, тогда поэзия приобретает могучие крылья.

Холик МИРЗО-ЗОДА

Я никогда не обращался к нему «товарищ Мирзо-зода» или «Холик Мирзоевич». Я всегда называю его «муаллим» — «учитель» и с благодарностью думаю: «мой первый устод».

Это не просто привычка студенческих лет, а прежде всего проявление искреннего уважения к очень доброму и сердечному человеку, к большому ученому-литературоведу и критику, который щедро делится своими знаниями и своим опытом с молодыми литераторами.

Муаллим сыграл большую роль в жизни и творчестве многих моих сверстников, из среды которых вышли такие поэты, как Файзулло Ансори и Гаффар Мирзоев, как Ақобир Шарифи и Бобо Ходжи.

Он был первым из тех, кто раскрыл перед нами сокровенную глубину и красоту чарующей лирики Рудаки и Хафиза Ширази, мудрость произведений Саади и Абдурахмана Джами, героичность поэм великого Фирдоуси, острую и едкую сатиру Убайда Закони и Мушфики... Лекции его всегда были захватывающими, они никого не оставляли равнодушным, зажигали в нас огонек творческого волнения. Просто и естественно, без всяких натяжек, умел он связывать седую старину с окружающей нас действительностью, традиции классиков — с задачами дальнейшего развития современной литературы. Искренне влюбленный в литературу, он вкладывал в каждую лекцию весь жар своего сердца и тем самым формировал наши вкусы и, я не побоюсь сказать, — наше будущее. Если многие из нас и нашли свое призвание

в творчестве, то только благодаря таким преподавателям, как он, как его товарищи и коллеги — Носирджон Масуми, Шарифджон Хусейнзаде, Исмадуллаев, Сохиб Табаров...

Меня всегда поражала необыкновенная эрудиция муаллима. Он в совершенстве знает классическую поэтику; может цитировать наизусть сотни строк из Саади, Хафиза, Фирдоуси, Бедия и, что самое интересное, умеет использовать их для подтверждения своей мысли. Помню, как, работая в редакции журнала «Шарқи Сурх», я готовил к печати рецензию молодого критика на сборник рассказов Кадыра Наими. В это время к нам пришли муаллим и еще ряд товарищей. Я спросил у них, — читали ли они книгу Наими?

— Да, — ответили они, — читали. — Начался разговор о книге. Все сходились на том, что сборник в общем-то неудачный, но никто не мог сказать — почему? А муаллим сказал, что все, конечно, правы, но те недостатки, которые имеются в книге, объясняются тем, что автор не понимает детской психологии, не чувствует и не знает языка детей. Образность чужда риторике, а простота языка ничего общего не имеет с примитивностью. Язык должен будить в читателях эмоции, обогащать их словарь и вместе с тем быть им понятным, — сказал Х. Мирзо-зода и добавил бейт из Джалолиддина Руми:

Когда ребенка держишь на руке —
С ним говори на детском языке

Я взглянул на него с восхищением и в памяти встала картина из недавнего студенческого прошлого, когда мы обращались к муаллиму с просьбой расшифровать тот или иной бейт Бедия и других классиков нашей литературы. У Бедия есть стихи:

Нет корня, нет стебля — и зерна рассыплются разом
И четки раздельны, когда не скрепляет их разом.

Один мой сокурсник попросил Х. Мирзо-зода разъяснить смысл этого двустишия, и муаллим ответил, что здесь нашла свое образное отражение политическая и общественная раздробленность Индустана в начале XVIII века, когда страну раздирали войны и распри между исламскими и буддийскими священнослужителями и она все больше и больше подпадала под власть европейских колонизаторов.

Мы, помнится, удивились такому глубокому анализу. Для нас и сам Бедиль, и эпоха, в которую он творил, были в ту пору темным лесом. Заметив это, муаллим улыбнулся.

— «Язык мудреца — это ключ от хранилищ» — процитировал он Саади и объяснил, что в первой строке Бедиль говорит: колос, оторванный от корня, погиб, он больше не зацветет и не даст зерна. А раз так, то нечего искать единения в четках. Религиозные распри между мусульманами и индусами мешают объединению народов. И Бедиль справедливо утверждает, что внутренние распри и междоусобицы приводят Индустан к разорению и отдают страну во власть иноязычных колонизаторов. Муаллим учил нас внимательному, вдумчивому подходу к литературным произведениям, самостоятельности мышления и смелости суждений.

Известно, что еще совсем недавно ходила версия, будто бессмертный «царь поэтов» Рудаки был слеп от рождения. Вокруг этой версии велись нескончаемые споры, и нам, студентам, было, естественно, интереснее выяснить истину, а заодно и точку зрения муаллима.

— Рудаки был слеп от рождения или ослеп позже, к концу жизни? — задал каверзный, по нашему разумению, вопрос муаллиму один из сокурсников.

Муаллим ничего не ответил. Он неспеша подошел к классной доске и четким, ясным почерком написал на ней стихи Рудаки:

Цветок смеется мне вдали — иль то зовет меня Лейли.
Рыдая, облако пройдет — Маджнун, быть может, слезы льет.

И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы нежных щек в голубизне прозрачных вод.

— Вот теперь представьте сами, — сказал он, — мог ли поэт, слепой от рождения, сравнить смех Лейли со смеющимся цветком, а печаль Маджеуна — с дождевыми тучами?

Мы притихли. Нам вдруг стало яснее ясного, что только тот, кто своими глазами наблюдал цветение весны и грозовые ливни, мог столь поэтично изобразить большие чувства людей. А раз так, то значит Рудаки не был слепым от рождения. Не знаю, как другие, но я почувствовал себя в ту минуту открывателем новых истин, хотя, конечно, ничего не открывал сам.

Здесь важно подчеркнуть, что этот урок научил меня самому важному для литературного критика правилу: вдумчиво относиться к анализируемому произведению, изучать время, в которое оно создавалось, сопоставлять его с мировоззрением автора и фактами его биографии. Ведь недаром говорят, что биография поэта — его стихи... Кроме того, этот урок научил меня критическому отношению к научной и специальной литературе. В тот день я, конечно, не осмыслил всего этого; я понял все это позже, когда новые работы ученых, стоящих на этой точке зрения, а затем и блестящий труд профессора Герасимова, воссоздавшего облик бессмертного поэта, доказали, что Рудаки был ослеплен по повелению шаха... Глядя на бюст «адама поэтов», я ещё раз с благодарностью подумал, что Холик Мирзо-зода был «моим первым устомом».

Я мог бы еще многое рассказать о нем, — и о том, в частности, как заботливо он относился к нам, студентам, как по-отечески вникал в наши нужды, как требователен бывал на экзаменах, однако, мои личные воспоминания и впечатления, кажется, слишком затянулись, а мне еще нужно рассказать и о его творчестве...

* * *

Муаллим Холик Мирзо-зода родился в 1911 году в кишлаке Разонак близ Самарканда, в семье бедного дехканага. Советская власть открыла перед ним, как и перед миллионами других гнивших во мраке невежества людей, двери к просторам научных достижений человечества.

Интерес к литературе у него пробудился очень рано. И он стал пробовать свои силы и в поэзии, и в прозе. Но свое подлинное призвание он нашел в литературной критике.

Он пришел в литературу вместе с прозаиками и поэтами так называемого «комсомольского призыва» — Мирзо Турсун-заде, Мирсаидом Миршакаром, Абдусаломом Дехоти, Сатымом Улуг-зода... Одна из его первых статей — «О повести «Тирмор» Джалола Икрами» — сразу же привлекла внимание литературной общественности своей неподдельной искренностью, авторской взволнованностью, сочетающейся с серьезной аргументацией. И хотя эта статья страдала рядом недостатков, тем не менее в ней было то, без чего литературно-критическая статья теряет свое значение: в ней была оценка таланта писателя, мысли и заботы о его будущем, неразрывно связанные с мыслями о литературном процессе того времени.

Мухамедджан Шукуров, коснувшись в своей монографии о творчестве Сатыма Улуг-зода, деятельности таджикских писателей в начале 30-х годов, очень верно заметил, что «литературно-критические статьи писателей «комсомольского призыва» сыграли большую роль в деле развития таджикской советской литературы. Критическая статья для молодых писателей и критиков была в те годы боевым оружием в развернувшейся идеологической борьбе. Большинство из этих статей написано очень остро. Они горячо обсуждали важнейшие вопросы творчества, боролись за партийную линию в литературе. Молодежь допускала в этом бою и ошибки, но их основные идейно-художественные принципы опирались на учение марксизма-ленинизма. В каждой статье молодых литераторов видна была подлинная забота о советской литературе.»

В этой обстановке острой идеологической борьбы Холик Мирзо-зода вступил в литературу. Его литературно-критические статьи, наряду со статьями Сатыма Улуг-зода, Хабиба Юсуфи, Рахима Хошима и других писателей, объединившихся вокруг устода Айни, были тем «боевым оружием», которым они сражались за расцвет новой литературы и за партийную линию в литературе.

В те годы молодые таджикские писатели и критики во главе с Садриддином Айни вели борьбу против буржуазных националистов, пантюркистов и панисламистов, отрицавших право нашего народа на богатое классическое наследие прошлого. Холик Мирзо-зода был активным участником этой борьбы. Он является одним из авторов антологии, «Образцы таджикской литературы», которая вышла из печати в 1940 году под редакцией устода Айни. Этот коллективный труд нанес сокрушительный удар по националистам всех мастей и блестяще доказал, что таджики имеют такие же права на творческое наследие Саади, Хафиза, Фирдоуси, Руми и других классиков, как и все персоязычные народы, что они являются народом с богатой культурой и богатыми традициями художественного творчества.

Именно в эти годы начал Холик Мирзо-зода серьезно заниматься изучением классической таджикско-персидской литературы. Его статьи на эти темы часто появляются в республиканской периодической печати.

Но одновременно он широко занимается и педагогической деятельностью. Еще в 1935 году, тотчас после окончания Узбекского государственного университета (УзГУ), переезжает из Самарканда в столицу республики и начинает свою преподавательскую деятельность. Много сил и энергии отдает он работе над методикой преподавания, составлению программы и учебников литературы для средних школ.

В 1946 году Холик Мирзо-зода успешно защищает диссертацию о жизни и творчестве выдающегося таджикского поэта-просветителя Шамсиддина Шохина. Вскоре он становится заведующим кафедрой таджикской литературы в педагогическом институте имени Т. Г. Шевченко.

Можно сказать, что именно здесь, в институте, развернулся во всю ширь его талант педагога и ученого-литературоведа. Он читает курс классической и курс современной таджикской литературы, руководит научными работами аспирантов Ю. Бабаева, М. Шукурова, В. Асрори, Я. Исаева, Дж. Бобокалонова, Ш. Ниязи, А. Саттарова, А. Насриддинова и многих других. Многие из его учеников, такие, как М. Шукуров, Ю. Бабаев, В. Асрори, Ш. Ниязи сейчас сами стали кандидатами филологических наук, а остальные работают преподавателями, журналистами, научными сотрудниками... Я уже говорил, но сейчас с удовольствием повторю, что его воспитанниками являются и

поэты Гаффар Мирзоев, Файзулло Ансори, Ақобир Шарифи и Бобо Ходжи.

Уже один простой перечень работ, написанных Холиком Мирзозода за последние 10—15 лет, дает полное представление о широте его творческих интересов, о горячем стремлении быть всегда на передовой линии огня, идти в ногу с жизнью, с развитием литературы. Если собрать его книги, монографии, публикации и статьи, то получится солидная полка. Здесь нет возможности назвать их все, и поэтому я остановлюсь лишь на тех, которые, на мой взгляд, являются наиболее интересными. Это монографии «Шамсиддин Шохин», «Абу Абдулло Рудаки — основоположник классической литературы», «Хабиб Юсуфи» и «Абулькасым Ахмад-зода Лахути»; это учебники «Материалы из истории таджикской литературы (XVI—XIX вв. и начало XX века)», «Таджикская советская литература*», «Хрестоматия» (для пятого класса); это, наконец, статьи «Великий таджикский сатирик Убайд Зақони», «Таджикская советская литература в 1917—1929 гг.», «С. Айни — первый таджикский литературовед», «Некоторые наблюдения над основными проблемами дореволюционной таджикской литературы», «О поэме «Вечный свет» Мирзо Турсун-заде», «Заметки о рассказах молодых прозаиков» и другие.

Хочется несколько подробнее остановиться на монографии муаллима, посвященной жизни, творчеству и общественно-политическим взглядам выдающегося таджикского поэта-просветителя второй половины XIX века Шамсиддина Шохина.

В основу этой книги положен принцип историзма и внимательнейшего, я позволяю себе сказать — скрупулезного, изучения творческого наследия Шохина и его современников. В первой главе своего исследования автор рассмотрел такие вопросы, как экономика, культура и общественные отношения в Средней Азии той эпохи и дал лаконичную, но четкую характеристику просветительскому движению и его виднейшим представителям.

Факты можно сообщать по-разному: можно просто констатировать их, снабдив соответствующими сухими комментариями, а можно и пронизать эти комментарии личным отношением, и тогда факты способны взволновать, вызвать многочисленные ассоциации... словом заставить работать мысль читателя. Когда я читал строки Х. Мирзозода о значении присоединения Средней Азии к России, то я живо представлял и свою судьбу, — судьбу простого таджикского парня, перед которым свершившаяся в России великая Октябрьская социалистическая революция открыла двери к счастливой жизни, а приобщение к русской культуре обогатило духовный мир. Муаллим открыл передо мною сложность общественно-политических отношений на моей Родине во второй половине XIX века и со сдержанностью историка и страстью гражданина-патриота поведал о прогрессивных деятелях литературы той поры, виднейшими представителями которых были великий Ахмад Дониш и его ученик и последователь Шамсиддин Шохин.

Вторая глава так и называется «Жизнь Шохина». В ней раскрывается богатая событиями биография поэта, который познал и бремя мирской ласки, и горечь унижения; Шохин, как известно, очень рано умер от туберкулеза.

Эта глава как бы подготавливает нас к пониманию творчества Шохина, к анализу основных идейно-художественных особенностей его произведений, обусловленных фактами жизни поэта и его мировоззрением.

* Написана в соавторстве с Н. Масуми и Ю. Бабаевым.

Муаллим Холик Мирзо-зода делит творчество Шохина на три основных периода, и, рассматривая каждый период в отдельности, оперирует громадным фактическим материалом. Цитируя первоисточники, он воссоздает облик поэта во всем его неповторимом своеобразии.

Вспомним и другую работу муаллима, — «Садриддин Айни — первый таджикский литературовед». В этой книге широко освещена деятельность основоположника таджикской советской литературы С. Айни как в области изучения классического наследия прошлого и устного народного творчества, так и его вклад в решении проблем прозы и поэзии.

Вспомним и статью муаллима «Таджикская советская литература в 1917—1929 гг.», в которой он проанализировал творчество ряда наших писателей, вычеркнутых было в обстановке культа личности, из истории литературы.

Характерной чертой деятельности Холика Мирзо-зода является пристальное внимание ко всему литературному процессу, к новым именам, появляющимся на литературной арене. Назовем хотя бы его статью «О рассказе П. Толуса «Студенты» или статью «Новые надежды таджикской советской прозы», в которой муаллим вскрывает сильные и слабые стороны рассказов молодых писателей М. Шарки, М. Багирова, Б. Артыкова и других.

Своими работами Холик Мирзо-зода как бы утверждает, что литературовед и литературный критик должен совмещать в себе любознательность историка, ум философа, пытливость текстолога, политическую остроту зрения и, конечно, талант писателя.

Эти черты мы находим и в лучших работах муаллима, и, когда я называю его в душе «моим первым устомом», я подразумеваю и то, что учусь у него широкому взгляду на литературные явления и на литературное творчество.

Без такого взгляда литературным критиком быть нельзя. Сегодня, как никогда, велики задачи, стоящие перед нами, и, если мы, молодые критики, вносим свой скромный вклад в их решение, то благодарить за это приходится литературоведов старшего поколения, таких, как мой устод Холик Мирзо-зода. Своими статьями, устными беседами, и дружескими советами он нацеливает нас на решение важнейших проблем литературы и искусства.

Холику Мирзо-зода исполнилось 50 лет, но он полон юношеского задора и энергии в работе и несомненно порадует нас новыми боевыми трудами, которые сыграют большую роль в дальнейшем процветании таджикской литературы.

Мы обычно приветствуем занятого работой человека традиционной фразой: «Монда нашавед!» — «Не уставайте!» Этой фразой мне и хочется закончить свои заметки о моем первом устоде.

— Монда нашавед, муаллим!

А. ЧЕРЕШНЕВ

МАРШРУТ ПО УР-САУ

(Рассказ)

В ожидании открытия перевала наша геолого-разведочная партия стоит в урочище у подножия Алайского хребта. Урочище находится на высоте двух тысяч восьмисот метров, а высота перевала — четыре тысячи восемьсот. Сейчас июнь месяц, вторая половина. В Ферганской долине люди спасаются от солнца в тени, а мы мечтаем о тепле, как путник в пустыне об озере. Наше урочище — настоящий котел тучь, они толкуются в нем почти непрерывно, в несколько холодных слоев. Утром, выглянув из палатки, окунаешься в серое месиво влаги холода. И только пригнувшись к земле, видишь нижние части соседних палаток. Тучи ползут на высоте полуметра от земли. На перевале — толстая подушка снега.

Старички ворчат, проклинаят промозглую сырость, утром, вылезая из спальных мешков, трещат суставами и ругают свою беспокойную профессию, неудобную, цыганскую, наградившую их ревматизмами и радикулитами. А я доволен.

Я жалею своего дружка Витьку Коршунова, сидящего сейчас в канцелярии и копающегося в кляузных бумажонках. Секретарь суда! Тоже мне профессия!

Прилежно согнутая спина, пыльный луч солнца из решетчатого окна, исцарапанная физиономия пьяницы, сидящего напротив и канючащего жалобные оправдания по поводу вчерашнего происшествия в ресторане...

То ли дело шагать с рюкзаком на спине и геологическим молотком в руках по едва заметной горной тропке, слышать, как замирает сердце, когда стоишь на краю пропасти и чувствуешь себя парящей птицей! А скакать по зеленой долине на полудиком монгольском жеребце?! Копыта четко и бешено выговаривают: тра-та-та, тра-та-та, конь стелется над землей, распластав по ветру косматую гриву. А ты пригнешься пониже — и плывет перед глазами чудесная земля. Праздник!

Правда, бывают и такие моменты, что иной взвоят белугой и возмечтают о тихом, уютном уголке и запятомном кляксами рабочем столе.

Однажды я тоже чуть не запрочитал.

Ожидая открытия перевала, мы не бездельничали. Партия была новая, людей собрали со всей экспедиции. Люди знакомились друг с другом, знакомились со здешними горами. Формировались поисковые отряды, готовилось снаряжение. Работа на больших высотах, в диких, ска-

листных горах, требует дуржбы и веры в товарища. Можно, конечно, просто составить список отрядов, руководствуясь специальностями и фамилиями, но наш начальник считал, что, по мере возможности, лучше учесть взаимные симпатии и антипатии людей.

Все это выявление характеров ведется в тренировочных походах. В походах знакомимся и с геологией района.

Я был переведен в эту партию из прежней вместе с моим «старшим» Максимовым. Мы с ним давно сдружились, съели не один пуд соли и не одно ведро воды выпили из общей фляжки. Два года вместе, шаг в шаг, ходили по горным тропам. Он — геолог, я — коллектор, он впереди, я следом.

Но в маршрут по Ур-Саю пришлось идти с Фокиным: Максимыч уезжал в управление экспедиции.

Фокина мы не знали, даже понаслышке. Он выделялся среди наших обветренных, прокопченных и бородатых физиономий свежим, холемым лицом. Даже спедовка, такая же, как у всех нас, из одного склада, сидела на нем шеголевато, аккуратно, словно только что из-под утюга. Говорил Фокин тихо, ясно и четко. Голос звучал, как спокойный, неторопливый ручеек. И вот эта манера говорить особенно выделяла его среди нас, шумных, громкоголосых, выражающих свои чувства по большей части междометиями. И походка у него была соответствующая облику — ровная, неторопливая, осторожная.

Жил Фокин один в большой, палатке-камералке, где мы обрабатывали находки. Ему предлагали поселиться в двухместной палатке вместе с моим другом Сашей Оводовым, но Фокин отказался под каким-то невнятным предлогом. Мне Фокин не понравился. Я вообще не люблю слишком приглаженных людей.

И вот к этому-то красавцу я и попал в помощники.

До устья Ур-Сая ехали вчетвером. Кроме нас с Фокиным, в маршрут шел старший геолог Андрей Иванович Курцев со своим коллектором Сашей Оводовым.

Мы с Сашей первыми устроились в кузове машины, сложив под ноги свои доспехи: рюкзаки, геологические молотки, полевые сумки. Только хрупкие геофизические аппараты блестящими горбами торчали у нас на спинах. Подошли геологи. Курцев взялся за борт, Фокин оставил его:

— Ваше место в кабине, Андрей Иванович!

— Нет, я на свежем воздухе с хлопцами прокачусь.

В глазах Фокина едва уловимо мелькнуло осуждение, он открыл дверцу и устроился рядом с шофером.

Через несколько минут машина вырвалась из скалистых ворот урочища, в глаза ударил праздничный утренний свет. За тесниной скал остались мутные тучи, знобящий холод, осень. Солнце еще не вышло из-за гор, но его лучи уже наполнили ярким голубым сиянием высокое безоблачное небо.

Машина бежала по зеленой ложине, полого уходящей вниз и раздвигающей в стороны горы. С правой стороны горы постепенно снижались, резкие их очертания сглаживались, делались плавными, спокойными. Далеко впереди они тонули в степной равнине, а еще дальше, за степью, в голубой дымке, проступали новые хребты, похожие на синие облака.

Слева громоздились дикие скалы, островерхие, голые, неприступные, изрезанные черными щелями распадков. Дорога понемногу удалялась от них, и над серым холодным кряжем постепенно поднималась, будто вырастала грандиозная цепь беловерхих пиков.

Хороши утра в горах! Воздух чист, свеж, прозрачен. На траве — седая, тяжелая роса. Тишина глубокая, только речки ворчат добродушно,

приглушенно, словно боясь потревожить спящих великанов. Ласковый ветерок чуть шевелит густые ветви арчи, перебирает мягкие иглы и уносит густой можжевельный запах в степь. Цветут фиалки и незабудки. Вылезают из нор красные сурки, встают столбиками, поворачивая мордочки к солнцу и свистом объявляют начало дня.

Солнце уже поднялось и свежая прохлада сменилась сухим теплом, когда мы подъехали к устью ущелья Ур-Сай. Фокин, как только вылез из кабины, сразу потребовал отдать ему геофизический аппарат. Я было заикнулся, что понесу его до места, ведь у меня комплекция грузчика и тяжесть в несколько килограммов меня не обременит, но Фокин настаивал. Я отдал ему прибор, помог застегнуть ремни и подумал, что он неплохой человек, если стесняется идти без ноши.

Километра два мы прошли по густой траве, огибая плосковерхий мыс, выдвинувшийся от гор в степь, потом вышли на берег речки и двинулись по нему вверх. Ущелье сразу началось отвесными тысячеметровыми стенами. Солнце не попадало в узкую теснину, оно теплым желтоватым светом озаряло только самый верх западного борта. На дне было сумрачно и влажно. Речка, безмятежная и молчаливая в степи, здесь грохотала и кипела, прыгая с уступа на уступ, дробясь о черные глянцевитые глыбы, завалившие ее ложе. Слышалось тупое постукивание увлекимых водой камней. Иногда тропа прижималась к самой воде, и мы шли в каскаде брызг и в висящей около водопадов водяной пыли.

Как только вошли в ущелье, начали отбирать образцы. Геологи такой народ, что не пропустят ни одного изменения в породе, ни одного пятна нового цвета, а уж на жилы, полосами пересекающие обнажения, набрасываются, как коршуны на добычу.

Мой Фокин был особенно азартен. Его молоток звенел без перерыва, отваливая полновесные куски. Он чуть не обнюхивал их и клал в мешочки. Я же, каюсь, старался брать образцы поменьше, ведь все это должно путешествовать на моей спине! Но Фокин, посмотрев на тщедушный камешек, который я, снабдив этикеткой, укладывал в мешочек, сказал ядовито:

— Вы что, забыли, какой величины должен быть образец?

Пришлось молча проглотить упрек и отказаться от хитрости. Когда была взята первая партия образцов, я сложил мешочки с ними в кучу под высоким, похожим на обелиск, камнем.

— Вы что делаете? — спросил Фокин.

— Складываю, чтобы взять на обратном пути. Мы всегда так делали с Максимовым, когда знали, что возвратимся той же дорогой. А здесь другого пути обратно нет.

— Мы не имеем права подвергать наши образцы случайностям. Кто-нибудь похулиганит, и наш труд пропадет.

— Что вы, Игорь Матвеевич! Здесь только киргизы изредка проезжают, а они никогда не позволяют такого!

Фокин встал с камня.

— Я вам еще раз повторяю: сложите образцы в рюкзак и не вступайте в пререкания. Носить образцы — ваша святая обязанность.

Что ж, он очень хорошо знал мои обязанности.

Я сложил образцы в рюкзак. Мне нечего было ответить ему. Впрочем, через несколько минут я был отомщен. Мы проходили мимо Курцева и Саши, колдовавших под полосатым обнажением. Курцев заметил в моем рюкзаке груз и спросил:

— Ты чего это вздумал тащить образцы в гору?

Я кивнул на Фокина:

— Игорь Матвеевич боится, что их украдут.

— Кто? Сурки? Разве они интересуются геологией?

Он рассмеялся, как всегда, открыто и громко. Фокин покраснел пятнами и возмущенно сказал:

— Я знаю, что делаю. И, простите, вам, инженеру, не к лицу подрывать авторитет своего товарища. Вы подаете дурной пример панибратства, а это, как известно, ведет к разложению дисциплины.

Проговорив это, Фокин быстро прошел дальше, я тронулся за ним, чувствуя, как злосчастные образцы острыми углами колют поясницу. Курцев смотрел нам вслед, от удивления забыв рассердиться.

Километрах в восьми от устья ущелье разветвлялось. Курцев с Сашей ушли влево, а мы продолжали идти прямо. Рюкзак мой к этому времени приобрел ощутимый вес, тропа упрямо лезла вверх и я время от времени останавливался около какого-нибудь камня с уступами на высоте моего пояса, ставил на него, не снимая с плеч, рюкзак и, отдыхая, вытирал с лица пот. Мы были на высоте около трех тысяч метров. Дышать с полуторапудовым грузом за спиной становилось трудно. Время близилось к полудню, и солнце жгло немилосердно.

Фокин словно не замечал меня. Пока я отдыхал, он уходил вперед, делал геофизические промеры, документировал, отбирал образцы. Я только успевал сложить его добычу, а он уже шел дальше. Мне некогда было и взглянуть на обнажение. Я был превращен в вьючного осла.

Подходя к месту, где Фокин брал образцы, я молил судьбу, чтобы она задержала его подольше, дала мне возможность отдохнуть, избавила от погони за ним. Но он как будто боялся подолгу оставаться со мной и, едва я подходил, убегал дальше. Я подумал, что ему стыдно за свое приказание нести образцы, может быть, он раскаивается, но стесняется признаться в ошибке.

Фокин брал образцы бестрепетной рукой, рюкзак распухал. Ущелье казалось бесконечным. У меня дрожали ноги, как у загнанной клячи. В рюкзаке не оставалось свободного места, когда ущелье кончилось. Мы вышли на зеленые альпийские луга, полого уходящие вверх, к черным основаниям беловерхих кряжей. На зеленой траве, около берега речки, желтел круг плотно утрамбованной земли с остатками давнего костра.

Я бросил рюкзак и свалился пластом, расслабив мышцы, закрыв глаза, с удовольствием чувствуя щекой и ладонями влажную траву. От ледников дул прохладный ветерок. Фокин сел поодаль. Я открыл глаза и, не поворачивая приникшей к земле головы, смотрел на него. Он платком вытер лоб, снял шляпу и стал обмахиваться ею. Потом расстегнул ремни, снял аппарат, достал из полевой сумки хлеб и колбасу и стал есть, равнодушно поглядывая на чудесную панораму вечных снегов. А мне не хотелось даже шевелиться.

Фокин поел, старательно отряхнул брюки, отстегнул от пояса фляжку, напился, вытер носовым платком губы, лег на спину, накрыв шляпой лицо... И ни одного слова, ни одного взгляда в мою сторону. Словно я не существовал или превратился в невидимку. А впрочем, кто я ему? Друг? Товарищ? Разве он обязан улыбаться мне?

Через двадцать минут Фокин зашевелился, встал, надел на плечи ремни аппарата. Он собирался идти, и я, по долгу службы, обязан был следовать за ним. Я лежал. Я еще не отдохнул даже настолько, чтобы поест. Он посмотрел в мою сторону, посидел немного, потом встал и, видимо, пересиливая себя, проговорил:

— Я пойду. Вы потом догоните меня.

Он даже не взглянул на мой рюкзак, распухший, похожий на обрубок толстого бревна. Я с ужасом подумал о двенадцати километрах обратного пути и только мысль о том, что обратный путь идет под гору, и что Фокин все-таки поможет мне — человек же он — удержали меня от соблазна спихнуть образцы в речку.

Тут же вспомнил я усмешливый взгляд своего Максимыча, геолога и друга. Он очень хотел попасть в Ур-Сай, ожидая от него каких-то откровений. Может быть, подтверждение каких-то его догадок лежит в моем рюкзаке. Я заметил в нескольких образцах кристаллики минерала, за которым шла в горы наша партия.

Без аппетита пожевал сухую колбасу, взвалил на плечи рюкзак и отправился в путь.

Через несколько минут тело размялось, ноги обрели упругость. Я шагал, хотя и согнувшись, но уверенно и быстро, время от времени отдыхая, прислонившись рюкзаком к какому-нибудь высокому камню. Примерно через час я догнал Фокина. Он лежал на маленькой зеленой лужайке, у самого берега речки, почти скрытый камнями. Увидев меня, поднялся и, вероятно, думая, что я не успел его заметить, быстро вышел на тропу и скрылся за поворотом. Поняв его маневр, я плюнул ему вслед, сбросил с плеч ношу и растянулся на той лужайке, где вылеживался Фокин.

Потом еще два раза, как зайца с лежки, я спугнул Фокина.

Идти становилось все труднее. Рюкзак словно наливался тяжестью. Лямки так сдавили плечи, что руки набрякли, вздувшиеся пальцы не могли сжаться в кулак. А время, казалось, замедлило бег, превратив секунды в часы.

К устью ущелья я вышел совершенно измотавшимся и решил здесь отдохнуть основательно. Когда же пришло время продолжать путь, я в отчаянии понял, что не могу поднять груз на спину — так обесилел. Он качал меня из стороны в сторону и падал, вырываясь из ослабших рук. Я одел лямки лежа. Встать удалось чудом. Думал, жилы порвутся от натуги.

А впереди была самая скверная часть пути: ровная, травянистая, без единого камня, на который можно было бы опереть во время передышки рюкзак. Я должен был идти безостановочно. Один раз, почти падая от изнеможения, я вошел в неглубокую, спокойную здесь речку, пробрел к противоположному берегу и отдохнул, стоя в воде, поставив рюкзак на край невысокого обрыва.

Прямо передо мной высился зеленый мыс, а за ним, всего в полутора километрах, стояла ожидавшая нас автомашина. В обход, вокруг мыса, нужно было идти еще три-четыре километра. На такое расстояние моих сил не могло хватить. Пришлось решиться идти напрямик, через мыс. Подъем на него был не крут и туда шла узенькая, но отчетливая тропиночка.

Как я шел, поднимаясь на мыс, — не помню. Знаю только, что больно гудело в голове, глаза разъедало потом, что было трудно дышать, воздух обжигал грудь. Наверху я свалился, уткнувшись лицом в траву, и лежал пластом, придавленный к земле тяжестью образцов. На мое счастье земля была мокрая — где-то рядом били родники, — холодная сырость заставила поднять голову, пошевелить руками, освободиться от груза. Я был невменяем в те минуты, иначе, увидев неподалеку юрту, разве потащил бы к ней проклятый рюкзак? Ведь за ним можно было вернуться, его мог поднести кто-нибудь из обитателей юрты. А я поволок его. Не имея сил поднять, я волоком потянул его по траве, оставляя широкий след. Я падал, вставал, снова падал, и снова вставал и все дергал и дергал брезентовые лямки.

Навстречу мне от юрты с бешеным лаем рванулись два огромных пастушьих пса. На их голос вышел старик-киргиз, прогнал собак.

Его коричневое, с узкой белой бородой, лицо дрогнуло. Я был страшен. В юрте старик подал мне зеркало: я думал, что мои глаза от натуги вылезли из орбит, а они запали глубоко под лоб и покрылись красной сеткой прожилок, щеки ввалились, нос покрылся багровой коркой от солнечного ожога и словно вырос.

Старик хотел взять рюкзак, но, не оторвав его от земли, бросил ляжки, удивленно глядя на меня. Потом взял меня под руку и, как больного, повел в юрту.

Полы юрты были приподняты, и в ней гулял прохладный сквознячок. Когда я немного отлежался, старик подал большую чашку кумыса и сказал по-русски, с небольшим акцентом:

— Пей, товарищ. Кумыс дает много силы. Пей.

Япил острый, кислый напиток и чувствовал, что мое одеревеневшее тело отмягкает, гнетущее бессилие сменяется горячей истомой, а звон в опустошенной голове — легким хмельным шумом. Старик смотрел, как я пью, одобрительно кивал седой, коротко остриженной головой.

— Зачем совсем без силы таскал мешок? Увидел юрты, бросать надо.

Я не мог ответить старику ясно и вразумительно на его вопрос.

От кумыса меня потянуло в сон. Глаза слипались, путались мысли. Старик, заметив это, вынул из стопы сложенных постелей подушку и сказал:

— Ложись, спать надо. Силы вернутся.

Я хотел было уснуть, но вспомнил, что машина ждет меня. Курцев и Оводов, обеспокоившись, пойдут мне навстречу, встревожатся, подумав, что со мной случилось неладное. Не встретив меня, дойдут до конца ущелья, будут искать...

Я сел, мучительным усилием стряхивая одурь. Старик поднял глаза.

— Зачем встал? Спи.

— Нужно идти, отец. Товарищи ждут. Подумают, что беда случилась. Большое спасибо, отец. Катта рахмат. До машины теперь недалеко, я отдохнул, как-нибудь доберусь.

— Подожди немного.

Он вышел из юрты. Я сидел, боясь уснуть. Через несколько минут старик позвал меня. Я вышел и увидел, что он держит в поводу маленького ослика. Вдвоем мы взвалили на седло рюкзак, привязали и тронулись в путь. Старик погонял ослика, а я плелся позади, еле передвигая непослушные ноги. От каждого шага все тело вздрагивало, как будто я оступался. Толчки отдавались в черепе, словно вместо позвоночника у меня была сухая палка.

Мы были в полукилометре от машины, когда я увидел, как от нее отошли Курцев и Саша Оводов и направились к тропе, к ущелью. Вдруг они увидели меня, побежали к нам прямо по густой, цепкой траве. Обрадованный Андрей Иванович утратил всю начальственную степенность и был похож на мальчишку.

— Что с тобой, Алеша? Фокин давным-давно пришел. Спрашиваем, где Алексей? А он говорит: «Не знаю».

Вместо меня ответил старый киргиз:

— Посмотри, может ли идти человек с таким грузом? — Он ткнул сухим пальцем в рюкзак. — Он шел. Только очень плохой человек бросает товарища в беде.

Андрей Иванович покраснел и сказал тихо:

— Фокину это даром не пройдет.

...Фокин вел себя так, будто ничего не произошло. Он не чувствовал за собой никакой вины. Все было правильно: коллектор — младший инженерно-технический работник, на его обязанности — сбор и документация образцов. И никто не обязан таскать их за него. К тому же Фокин нес геофизический прибор.

Фокин молча устроился в кабине. Мы уселись в кузове. Машина поехала. Саша не переставал возмущаться:

— Что это такое?! Что, коллектор ему — ишак? Лошадь? Что у нас мозгов нет? Только спина и ноги? На кой черт мы тогда курсы конча-

ли? Чтоб только мешки таскать? Ишь! Надел на спину аппарат в семь килограммов и пошел, а коллектор хоть сдохни! Откуда такие берутся? Эгоист форменный. Сверху бело, внутри черно. Никто с ним не будет работать...

Курцев хмуро молчал.

Когда приехали домой, Саша помог мне слезть с машины и отвел в палатку. Я едва мог ступать. Болели суставы. Фокин молча вылез из кабины и отправился в свою камералку. Ни Курцев, ни Оводов, ни шофер не смотрели в его сторону.

Высыпавшие навстречу машине работники партии почуяли неладное и провожали Фокина настороженными взглядами. Когда Оводов и Курцев рассказали историю маршрута, настороженность сменилась возмущением.

Фокин оказался в изоляции. С ним никто не хотел работать, разговаривать, жить рядом. После работы в лагере было весело. Народ собрался бывалый. Звенели в урочище песни, слышался смех. Несмотря на сырость и туман, на волейбольной площадке летал через сетку тяжелый, с разбухшей крышкой, мяч.

Только один Фокин отшельником сидел в камералке, боясь высушиться из нее. Он побледнел, утратил свой лоск, словно увял. Мне было жаль его и даже неловко оттого, что я был невольным виновником его тяжелого положения.

Через неделю после злосчастного маршрута он попросил начальника партии устроить ему перевод в другую партию. Начальник не возражал. Фокин уехал от нас.

Вчера из той партии, где уже неделю работает Фокин, к нам приехал за теодолитом геодезист. Саша не утерпел, спросил, как там работает и чувствует себя Фокин. Геодезист сказал, что Фокин, по его мнению, человек неплохой, только какой-то грустноватый и задумчивый, словно у него произошло несчастье. Работает хорошо, добросовестно.

— А как с коллекторами, дружит? — спросил Саша ехидно.

— О, это я определенно скажу! Коллектор им не нахвалится. Душевный человек, говорит, этот Фокин. Заботливый, внимательный.

Саша оторопел. Он ожидал совсем другого ответа. А я обрадовался. Здорово, значит, его перевернул наш народ. Теперь на всю жизнь человеком станет.

Р. НАЗМУТДИНОВ

НА РАЗГОНЕ

Поезд пассажирский на разгоне,
За окном тревожны холода.
Я сегодня в жёстком вагоне
Еду, не знаю куда.

Я ещё за судьбу не в ответе,
Я пока от зеленой травы.
Слышу всюду: — Куда вы едете? —
И в ответ любопытство: — А вы?

Мне вагон этот маленький дорог,
Где случайность взглядов и фраз
Суетливо пылают задором
И всегда беспокоят нас.

Едет парень, со стройкой дружен,
(Я знакомству каждому рад)
Едет милая женщина к мужу
И домой — отслуживший солдат.

Все — от девушки в кофточке белой
До старушки в мудрых очках
Едут куда-то, что-то делать
И не бродят в неясных ночах.

Мне тревожно и больно до боли,
И во мне непонятный прибой.
Я сегодня миром доволен
И совсем недоволен собой.

Но в улыбках, во взглядах купаясь,
На вокзалах куда-то бегу,
Ничего в пути не покупаю,
И с собой ничего не беру.

Мне близки разговоры эти,
Но сижу, беспокойством томим:
Вдруг услышу: — Куда вы едете?
Что тогда я отвечу им?

Мир — в объёме моими глазами.
И, наверно, в общенье с людьми,
В толкотне суетливых вокзалов
Проясняются дороги мои.

С. НИКУЛИН

МОСТЫ

Над быстрой лентою реки
Добротны и просты,
Как две рабочие руки,
Протянуты мосты.

Затем, чтоб долгие года
Там проезжал народ,
Где реку хрупкая звезда
Переходила вброд,

Цепь фонарей на них легла,
Нам рассказав о том,
Что побратались берега
В пожатии немом

А ночь бросала свысока
Отлитую луну,
Которая была легка,
Никак не шла ко дну.

ВЬЮГА

Отгуляла вьюга
И окошко
Белой лапой
Тронула немножко,

Сединой
В последний раз тряхнула —
И сугробом
Под плетнём уснула.

РОМАШКИ

Ромашки, ромашки,
Белые рубашки,
Зелёные ножки,
Стоящие у стежки,

Когда вас встречают,
Рубашки срывают —
В руке остаётся
Лишь пятнышко солнца.

ЛУННАЯ ПОДКОВА

Лил ливень —
И к стене прижалась пара,
А вечер был
Так сказочен

И мил,
Что им на счастье
В лужу тротуара
Подкову золотую уронил.

ЖЕЛЕЗОБЕТОН

В опалубке серая масса,
Чтоб не было трещин и пор,
Вибратор железный затрясся,
Вгоняя меж прутьев раствор.
Железо и камень дробленный,
Цемент воедино скрепит.
Застынет и станет бетоном,
Прочнее, чем горный гранит.
Ему не страшны непогоды,
Великую силу тая,
Он будет крепчать год от году,
Как Родина крепнет моя.

В. ПУЧКОВ

ЗОВЁТ ПОЭЗИЯ!

К реке гидрологи пришли,
В земле бурили скважины,
Разведку тщательно вели,
Где будет стройка важная.

Идут строители. Даёт
Отметки геодезия.
На стройку новую зовёт.
Рабочая поэзия!

Лилия БУКАСОВА

МАЛЯР

Вот маляр, задумавшись о чем-то,
Краскою забрызганный стоит.
На сегодня кончена работа,
Завтра снова кисть заговорит,
Второкурсник
университета,
Он делами Родины живет.
Жарким летом,
стройкам семилетья,
Он свое уменье отдает...

Знаю я:
с хорошою мечтою

Тот маляр живет в большом ладу.
В жизнь идет
                    дорогой боевою
Отданной учению и труду!
И мечта —
                    не праздна. Он уверен,
Что добьётся в будущем всего.
Каждый шаг —
                    испытан и проверен —
Вот судьба счастливая его.

На земле пробужденного Востока

(Из записной книжки писателя)

Итак, мы едем в Бирму и Индонезию. Нас пятеро: русский писатель-драматург Афанасий Салынский, известная узбекская поэтесса Зульфия, народный азербайджанский поэт Расул Рза, писательница и переводчица Марьям Салганк и я.

Мы давно знали друг друга, и нас радовала возможность поехать за границу вместе. Мы много слышали о Бирме и Индонезии — странах, расположенных на Индо-Китайском полуострове и на Малайском архипелаге, но ведь слышать не то, что видеть, и вот теперь представилась возможность побывать в этих древнейших, сказочных странах, познакомиться с обычаями, культурой и борьбой их героических народов.

Бирма и Индонезия расположены в юго-восточной Азии. Десятки лет находились они под игом английских и голландских колонизаторов. Только после второй мировой войны, в результате длительной и кровопролитной борьбы, им удалось добиться независимости.

Немало спето песен, написано романов о тяжелом прошлом и о новой жизни этих народов. Они переведены на многие языки мира. Миллионы людей читают произведения, написанные писателями этих стран, сыновьями своей многострадальной родины, бывшими свидетелями и непосредственными участниками всех этих событий.

В задачу нашей поездки входили встречи с товарищами по перу, чтобы установить дружеские связи с общественными писательскими организациями Бирмы и Индонезии. Тем более, что обе стороны были в этом искренне заинтересованы.

Мы много ездили, много видели, много узнали и приобрели много хороших друзей. И где бы мы ни были, всюду нас дружелюбно и радостно приветствовали, всюду с глубоким уважением и любовью произносилось

имя Советского Союза — истинного знаменосца свободы и мира на всей Земле.

Вот несколько зарисовок, которые я привез из своего путешествия.

Нью-Дели

Дели — столица Индии, первая остановка на нашем пути в Бирму и Индонезию. Великий город древнего Востока встретил нас радушно: тепло приветствовало нас южное солнце, тепло приветствовал нас индийский народ.

О многочисленных памятниках Дели, о его древних и новых дворцах, о тенистых парках и аллеях было написано много. Я не буду повторяться, только расскажу о некоторых, наиболее интересных встречах.

Нас пригласили посетить Академию литературы Индии. Надо сказать, что это одно из самых крупных хранилищ богатейшего наследия индийской литературы. Здесь вы можете найти всё, начиная от редчайших древних рукописей до многочисленных новинок. Академия гордится тем, что здесь хранится большая часть ценнейшего архива великого мыслителя и писателя Индии — Рабиндраната Тагора, столетие со дня рождения которого отмечало в этом году всё прогрессивное человечество.

В Академии нас встречал учёный секретарь, один из ближайших друзей семьи Рабиндраната Тагора, господин Кришна Крипалани. Он коротко рассказал нам, что Академия была организована по инициативе Джавахарлала Неру, сразу после освобождения Индии, что и по сей день Неру является её президентом. Основные задачи, стоящие перед Академией, — собрание, изучение и публикация богатейшего наследия индийской литературы. Кроме того, в её за-

дачу входит отбор лучших произведений литературы и искусства и представление их на соискание государственных наград.

Господин Крипалани показал нам некоторые документы, рукописи и наиболее ценные книги по литературе и истории, заботливо хранящиеся в различных отделах Академии. С особым вниманием рассматривали мы бесценные странички произведений Рабиндраната Тагора, написанные его собственной рукой.

Долго не мог я оторвать взгляда от рукописей, от мелкого, но чёткого почерка. Язык и шрифт мне были неизвестны, тем не менее всем сердцем чувствовал я в этих строках и мудрость, и боль, и радость великого сердца. Вот с этих страниц впервые зазвучал страстный голос человека, имя которого я впервые услышал в двадцатые годы, когда еще был школьником. Именно тогда, по таджикским и узбекским переводам, познакомился я с его творчеством и с тех пор не оставляет меня чувство восхищения величием всего того, что можно сделать за одну только жизнь.

Правда, глубокая правда — вот что прежде всего привлекает нас в творчестве Тагора. В его произведениях нашли своё отражение сокровенные мечты народа, долгие годы жившего под игом чужеземцев, трудный путь народа к свободе — путь борьбы, страданий и побед. Произведения Тагора не могут не волновать сердца читателей.

В Академии нам показали письма Тагора о России, о встречах писателя со знаменитыми людьми нашей страны. В них прославленный писатель Востока поведал индийскому народу о Советском Союзе, о достижениях первого социалистического государства, свидетелем которых он оказался. В них нашла свое яркое отражение горячая симпатия, которую испытывал этот мудрый, много повидавший человек к Советскому Союзу. Как рассказали нам наши индийские друзья, поездка Тагора в Россию оказала большое влияние на дальнейшее формирование его мировоззрения. Рабиндранат Тагор был одним из первых крупных общественных деятелей Индии, глубоко поверивших в светлое будущее Советского Союза.

Великий русский землепроходец Афанасий Никитин пересёк три океана и путь его стал дорогой дружеских торговых связей между нашими народами, а Рабиндранат Тагор явился первооткрывателем великого пути дружбы и культурного сотрудничества двух литератур Индии и Советского Союза. Вот почему память о Тагоре так же заботливо хранится в нашей стране, как заботливо хранятся его рукописи, его богатое творческое наследие в Академии литературы Индии.

В Советском Союзе произведения Тагора переведены на многие языки и изданы миллионными тиражами. Его книги хорошо знают и любят читатели Таджикистана. Два года тому назад наше государственное издательство приступило к переводу и изданию шеститомника его произведений. Два тома уже издано. А на Родине писателя, по словам его соотечественников, произведения Тагора, написанные в основном на языке бен-

гали, до сих пор недоступны многим читателям. Вопрос об их переводе на другие языки Индии встал лишь в последние годы, так как раньше английские колонизаторы препятствовали тому, чтобы народ знал своё собственное культурное наследие.

Когда мы рассказали нашим индийским друзьям о том, как широко переводятся и издаются в нашей стране произведения Рабиндраната Тагора, они, покачивая по обычаю головой, с выражением глубочайшей признательности старили:

— Это является не только признаком уважения и любви советских народов к нашему Тагору, но и ко всей многонациональной Индии. Наш народ благодарен вам за это.

Где бы мы ни находились: на площадях или аллеях, в кино, в театре или на базаре, в гостях или в общественных местах — всюду чувствовали мы искреннюю симпатию и уважение к Советскому Союзу. То и дело подходили к нам старики, люди средних лет и совсем зелёная молодёжь и радостно приветствовали нас на ломаном русском языке:

— Здравст та-варич!

— Москва — Дели, совет — хинди, бхай-бхай!

Да, наши индийские друзья были совершенно правы. Дружба советских и индийских народов незыблема, как горы Памира и Гималаев, крепка, как сталь Бхилайского комбината, и мы со своей стороны делаем всё, чтобы еще больше укрепить и развить эту бескорыстную дружбу.

Мирная политика, помощь угнетённым народам Азии и Африки — всё это усилило любовь широких масс народов Востока, и в том числе народа Индии, к Советскому Союзу. У нас говорят: «Сделай добро и увидишь добро». И это очень верно. Наши индийские братья знают, какую большую, бескорыстную помощь и моральную поддержку оказывает Советский Союз Индии. Советские инженеры, геологи, техники приезжают в Индию, чтобы принять участие в строительстве ее народного хозяйства. Ничем не напоминают они английских захватчиков, которые долгие годы жестоко правили этой богатой и прекрасной страной.

Никогда не забуду я «Красный форт» — выдающийся памятник зодчества древнего Дели. Форт расположен в огромном саду. Весь архитектурный комплекс — дворцы, айваны и беседки — удивительно органично вписан в пейзаж. Все здания выстроены из белого мрамора. Но искусная узорная роспись, глазурованные изразцы и резьба, — кстати сказать, немало пострадавшая от времени и рук завоевателей, — делали каждое здание неповторимым. Это было подлинное произведение искусства.

Когда «Красный форт» был построен (1638 год), какой-то поэт, очарованный красотой дворца, сказал:

Если рай во вселенной есть —
Только здесь, только здесь, только здесь!

А искусные мастера выложили эти строки яхонтами на арке центрального айвана «Красного форта».

Да, поэт был прав. Нас всех потрясло искусство мастеров, создавших это чудо архитектуры. А ведь в течение долгих лет ценнейшие памятники Индии разрушались и уничтожались людьми, равнодушными к судьбе народа, ко всему прекрасному, зато далеко не равнодушными к своему текущему счету в банке. Большинство прекрасных картин, узоров и орнаментов, с невероятным терпением и искусством выполненных старыми мастерами на дверях, арках и потолках замков, были уничтожены, а драгоценные камни украдены. Вот так и стены «Красного форта» лишились своих драгоценных орнаментов и рисунков, которые некогда сверкали рубинами, яхонтами, бирюзой и жемчугом.

Сейчас индийское правительство приступило к восстановлению памятников старины, начаты реставрационные работы и в «Красном форте». Во время осмотра замка мы встретили резчика, бережно шлифующего драгоценные камни: восстанавливался орнамент на стенах дворца. Гид рассказал нам, что этот художник — потомок одного из тех знаменитых мастеров, который в своё время принимал участие в строительстве «Красного форта».

— Пусть ваши хорошие дела порадуют ваших предков! — пожелали мы мастеру.

Сардор Али, так звали мастера, скромно ответил:

— Постараюсь.

Один из наших спутников шутиво добавил:

— Только постарайтесь, чтобы результаты вашего труда не стали снова добычей захватчиков.

— Будьте спокойны, — ответил Сардор Али твердо. — Теперь никто не осмелится на грабёж. Теперь Индия стала другая, да и времена другие.

— До свидания, усто, пусть не устанут никогда ваши руки, — попрощался я с мастером.

— Шукриё,* — благодарно улыбнулся он мне в ответ.

— Как хорошо вы сказали: «Пусть ваши руки никогда не устанут», — повторил наш гид. — А ведь раньше никто с таким уважением не разговаривал с нашими талантливыми трудолюбивыми людьми.

Наш гид был прав. Во времена английского владения на талантливых мастеров, ни люди искусства не встречали в Индии поощрения. Разве можно забыть трагедию ремесленников в провинции Дакка? Во времена колониального владения английские капиталисты, борясь против конкуренции местной текстильной промышленности, разорили тысячи ткачей в провинции Дакка, а чтобы окончательно уничтожить всякую возможность конкуренции, они захватили десятки лучших ткачей и зверски отрубили у них на руках большие пальцы.

Немало жгучих ран осталось в сердцах индийцев от того страшного времени. И только теперь эти раны постепенно заживают, исцеленные светом свободы.

* Шукриё — спасибо.

— Счастливо оставаться вам, индийские братья!

Вот и конец нашим встречам в Индии. Мыжимаем руки нашим гостеприимным друзьям.

Мы садимся в самолет. Среди провожающих — известный индийский литератор Саджод Захир. Будучи делегатом Конференции писателей Азии и Африки в Ташкенте, он побывал у нас в Таджикистане, на праздновании 1100-летия Рудаки. Саджод Захир взял мою записную книжку и написал в ней двустихие.

— Передайте это, пожалуйста, моим таджикским друзьям.

— Я, конечно, с радостью пообещал исполнить его желание.

Теперь я передаю этот стих моим дорогим читателям:

Тс, кто дружбы и верности жаром согрет,
Где бы ни были, — мой передайте привет.

В Бирме свободной и борющейся

Наш путь лежит в Бирму. Мы летим над Бенгальским заливом. Под нами бьются красноватые волны Индийского океана. В океане плывут суда, похожие с высоты полёта на верблюдов. Вдали, над океаном, висит лёгкая дымка.

Я смотрю из окна самолёта на океанские волны и мне почему-то вспоминаются страшные сказки и всякие удивительные истории, которые я слышал давным-давно, в детстве. Их рассказывала бабушка, сидя у сандала. То были рассказы о страшных океанских бурях, о таинственных лесах Мазандерана и сказочной горе Коф, о раздирающем небеса рёве львов и тигров, о неожиданных нападениях кровожадных драконов, о дивах и оборотнях и о храбрых богатырях, героях этих сказок...

— О чём это ты задумался? Выпей-ка лучше чаю, — прервал мои мысли сидевший рядом со мной Расул Рза.

Я оглянулся. Возле меня стояла с чаем и печеньем на подносе хорошенькая бирманка, наша бортпроводница. Поблагодарив девушку, я стал рассказывать Расулу о том, что вспоминал сейчас.

— Ну, что ж, это совершенно естественно, друг мой, — сказал Расул, по азербайджанскому обычаю медленно потягивая чай. — Ведь мы едем в страну, чья природа, географическое расположение, образ жизни, труд, борьба населяющих ее народов испокон веков служили источником для создания подобных сказок.

Мне подумалось, что Расул был прав. Мне стало вспоминаться прошлое Бирмы, тысячелетняя история этой поистине сказочной страны. Какие только разрушительные бедствия, какие кровопролитные восстания и битвы не потрясали эту землю! Мало того, что ураганы, наводнения, засухи, голод, дикие животные и укусы ядовитых змей уносили тысячи человеческих жизней, — люди

страдали от бесчисленных набегов чужеземцев.

— Плиз,— склонилась над нами с блюдом конфет бортпроводница.

— Вот мы сейчас говорили о прошлом нашей страны, о тех бедствиях и трудностях, которые выпали на долю вашего народа,— обратился Расул Рза к бортпроводнице, беря с блюда конфеты.— Мы глубоко верим, что ни вам, ни вашим соотечественникам никогда больше не придётся переживать такие трудности.

Девушка тепло улыбнулась.

— Самым страшным врагом, самым свирепым львом для моего народа являются англичане. Так пожелайте же нам, чтоб они больше никогда не появлялись в нашей стране.

Слова бирманской девушки были голосом миллионов сердец людей этой древней страны Востока, проживших почти два века в рабстве у английских колонизаторов, под знаменем, на котором красовался «свирепый лев».

Пока гостили в Бирме, мы слышали это много раз от самых различных людей. Об этом говорили и крестьяне, и рабочие, и торговцы, и люди интеллигентных профессий: учителя, писатели. Да и сами мы видели немало следов от пребывания господ завоевателей. Как правило, это были памятники губернаторам да мраморные доски над могилами захватчиков...

— Через пять-десять минут будет Рангун,— сообщила бортпроводница.

В Рангун, столицу Бирмы, мы прибыли в полдень, когда жгучее южное солнце было в зените. Внизу, под крыльями нашего самолета, расстилось широкое зеленое полотно, оно начиналось на западе и тянулось до самого Индийского океала. С земли к синему небу поднимались колоссальные купола, похожие на колокола с золотыми шпилями. Лучи солнца ярко горели на блестящей, будто полированной поверхности.

— Это пагоды, буддийские храмы,— пояснил нам переводчик.

В Бирме несколько тысяч таких пагод. Я немало читал и слышал о них. Когда увидел их впервые, они просто потрясли меня. Дело, конечно, не в их религиозном назначении, нет. Они представляют для нас огромный интерес, как памятники трудолюбию, таланту человеческих рук.

Когда я был еще студентом в Самарканде, покойный Василий Лаврентьевич Вяткин, историк, археолог и крупнейший знаток памятников среднеазиатской старины, говорил: «Каждый исторический памятник, который пережил превратности времён, бури веков и дошел до наших дней, безмерно дорог нам, как редкая древняя книга».

Бирманцы гордятся и заботливо охраняют свои прекрасные пагоды, свидетельствующие о тысячелетней культуре.

В центре Рангуна нам показали один из самых древних и больших храмов буддийцев — пагоду Шве-Дагона. Это грандиозное сооружение. Высота здания вместе с

основанием составляет сто семьдесят метров. Пагода выстроена в виде конуса из жжёного кирпича. В ней искусно сочетаются мастерство архитекторов, резчика и художников. Вся она, эг основания до самого шпиля, покрыта золотым лифем. На вершине пагоды укреплен золотой зонтик весом более тонны и золотой шар диаметром пяти сантиметров в окружности, украшенный драгоценными камнями и гилянкой золотых колокольчиков. Вокруг основного купола расположены небольшие пагоды, также искусно отделанные орнаментом и резьбой.

Пагоду Шве-Дагон можно видеть в любое время из любой точки города Рангуна. Особенно красива она ночью, когда сверкающие гирлянды электрических огней отражаются в золоте купола.

По историческим данным пагода Швед-Дагон была впервые выстроена в 588 году до нашей эры на холме южнее деревни Дагон. В те времена пагода была девяти метров высоты, но с течением времени, благодаря искусству и мастерству многочисленных поколений архитекторов и строителей, достигла своего нынешнего величия.

— Этот памятник — целая поэма, воспевающая искусство ваших мастеров и богатую культуру ваших предков,— с глубоким чувством восхищения сказала поэтесса Зульфийа одному из наших бирманских друзей У-Та Ньюнгу.

У-Та Ньюнг, высоко образованный и очень милый человек, с которым я познакомился еще на Конференции в Ташкенте, улыбнулся поэтической восторженности Зульфийи и добавил:

— А ведь в то время, когда наш народ создавал эти замечательные памятники культуры, Англия еще даже не сформировалась как нация. Это, конечно, прекрасно знают и сами англичане, и всё же они утверждают, будто наша «дикая» страна стала культурной только благодаря их неустанной «заботе».

Но, к их глубокому сожалению, зачеркнуть тысячелетнюю историю народов Бирмы и скрыть от всего мира сотни замечательнейших памятников древней культуры невозможно. Да и что может более ярко охарактеризовать отношение колонизаторов к угнетенным народам Востока, чем слова одного из самых популярных писателей Англии Редьярда Киплинга, который назвал их «полудетями и чертями».

Принесли презириали обчачи и культуру народов Бирмы, хотя до завоевания процент грамотных здесь был гораздо выше, чем в самой Англии. Вот яркие цифры, показывающие «заботу» англичан о развитии культуры и образования: во время владычества английских колонизаторов в стране с населением более чем в двадцать миллионов существовало всего 75 средних школ, 50 неполных и полторы тысячи начальных. Ни высших учебных заведений, ни научно-исследовательских институтов в Бирме не было. Англичане оставили после себя тяжелое наследство: ма-

ларию, туберкулез, проказу и венерические болезни.

Мы побывали в одном из древнейших городов Бирмы — Пагане. Город был основан в XI в. и пережил немало нашествий, грабежей и кровопролитных битв. Его храмы и святилища, лежащие сейчас в развалинах, еще раз свидетельствуют о древней и богатой культуре Бирмы. Ежегодно съезжаются сюда со всего мира туристы, привлеченные изумительными памятниками старины. Среди этих путешественников немало английских учёных и исследователей. И всё же город с такой древней культурой до 1950 года не имел ни одной настоящей школы. Впрочем, даже теперь, открытая в 1950 году десятилетка, может охватить лишь 16 процентов ребят, проживающих в этом районе. Из-за нехватки педагогических кадров, из-за отсутствия подходящих зданий далеко не все дети школьного возраста Бирмы ходят в школы.

— Мы совсем недавно взяли власть в свои руки, понятно, что у нас еще мало школ и так трудно с учителями, — говорил нам директор школы У Ба Со, — но мы уверены: если в мире, а значит и у нас в стране будет мир, то мы скоро справимся с этими трудностями.

Потом У Ба Со пригласил нас на урок географии в восьмой класс. Ребята встали и шумно нас приветствовали. Они спрашивали о развитии советской науки и культуры, о школах, о наших ракетах и спутниках, о том, как живёт у нас молодёжь. Оживление в классе росло: кто был явно восхищен, кто удивлялся, но не было ни одного человека, который остался бы равнодушным.

— Мы очень благодарны вам за то, что вы нам здесь рассказали. Нам было очень интересно послушать о Советском Союзе, — сказал Маунг, худенький мальчик в полинявшей рубашке и в обычной национальной одежде — лунги.

— А разве в ваших учебниках всего этого нет? — спросили мы с любопытством.

— К сожалению, мы пользуемся старыми учебниками, в которых действительно мало сказано о Советском Союзе, — сказал учитель географии, — а новые только разрабатываются.

Понятно, что в старых учебниках, написанных под влиянием английских колонизаторов, вряд ли можно найти достоверные сведения о нашем могучем социалистическом государстве.

Мы обратили внимание, что на географической карте Азии и Европы, которая висела в классе, было отмечено всего несколько крупнейших городов царской России, таких, как Москва, Санкт-Петербург, Киев... Во всей Средней Азии был помечен лишь один город — Бухара. Вообще карта имела довольно странный вид: на ней не были указаны ни географические границы Советского Союза, ни границы демократических республик народов Азии и Европы.

Перехватив наш удивлённый взгляд,

преподаватель географии смущенно произнёс:

— Это старая английская карта...

— Разве она не устарела? — спросили мы.

— О, конечно, безнадежно устарела, — ответил нам учитель. — Но что же делать, новых пособий у нас пока нет, а учить ребят надо.

— Всё это не страшно, — говорил нам директор школы у Ба Со, — народ Бирмы завоевал свободу и независимость, а теперь добьётся всего остального, как бы это ни было трудно.

Да, у бирманцев впереди еще много трудностей, им предстоит еще серьезные бои. И бои эти будут не только за повышение экономического и культурного благосостояния народа, их придётся вести и за утверждение мира, за безопасность страны против провокаций реакционных сил.

Де-юре американские и английские империалисты признали независимость Бирмы. Де-факто они до сих пор ведут подрывную деятельность, их приводит в бешенство политика нейтралитета, дружбы с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря. Господа империалисты не теряют надежды вернуть прошлое. Руками своих наемников организуют они провокации и восстания, вооружают чанкайшистских подонков, бежавших на границу Бирмы и Китая, и натравливают их на народ свободной Бирмы.

Никогда не забудут бирманцы страшную трагедию, которая произошла в Рангуне 19 июля 1947 года. В этот день от рук империалистических наемников погибло семь лучших сыновей бирманского народа, отважных борцов за свободу и независимость. Среди них был и премьер-министр Бирмы, тридцатидвухлетний генерал Аунг Сан. Вот как это произошло: 19 июля 1947 года в 11 часов дня в помещении Правительственного Секретариата происходило заседание правительства. (Бирма только еще делала первые шаги по пути прогресса и независимости). На заседании присутствовали первый министр Аунг Сан, министр финансов и председатель социалистической партии Такин Мья, министр информации У Ба Ча, министр просвещения и председатель мусульманской Лиги Бирмы Абдуразок, министр торговли у Ба Вин, министр труда, предводитель каренов Ман Ба Кханнг, советник по делам пограничных районов и еще три человека. Неожиданно в помещении ворвалась группа вооруженных автоматами людей в военной форме и без всякого предупреждения открыла стрельбу. Только три человека смогли бежать, остальные пали жертвой от рук убийц.

Мы со своими бирманскими друзьями, писателями У Ка Май, У Тен Певин, У Та Ньонг и У Тья посетили могилы жертв террора и возложили венки к подножью белых мраморных памятников.

Показав нам на портрет Аунг Сана, У Тен Певин сказал:

— Ради того, чтобы поставить Бирму на колени, империалисты не остановились перед убийством лучших сыновей бирманского народа. Впрочем, их прихлебатели и сейчас не теряют надежды, они то и дело вылезают из джунглей.

И когда Афанасий Салынский спросил Ма Чьину, ученицу одной из школ, что она собирается делать после окончания школы, та, не задумываясь, ответила:

— Я вступлю в ряды бирманской армии, буду защищать свою родину.

А другой ученик сказал:

— А я буду военным летчиком.

Вот о чём мечтают молодые бирманцы, самоотверженные соотечественники генерала Аунг Сана. Таких патриотов много и в рядах бирманской армии.

Вот почему в литературе Бирмы так тесно связаны между собой тема защиты Родины и тема борьбы за мир. Писатели, поэты, народные певцы поют о смелости и отваге, проявленной в боях за независимость Родины... Они властью своего пера воспитывают в читателях непримиримость в борьбе, ненависть к империалистам, к захватчикам, к колонизаторам.

В нашей беседе с членами ассоциации писателей Бирмы профессор, литературовед У Тет То сказал:

— Литература Бирмы — литература глубоко гуманистическая, свободолюбивая, воспевающая самые благородные, самые высокие мечты человечества. С одной стороны, глубокое влияние на эту литературу оказало творчество Льва Толстого и Максима Горького, Чехова и Маяковского. Не меньшее влияние на развитие литературы Бирмы оказала советская литература периода второй мировой войны, литература, рожденная в крови и пожарах боёв. Она рассказала миру о патриотизме и героизме советского народа, отстоявшего в тяжелых боях с фашизмом свободу и независимость своей Родины.

У Тет То был прав. Наряду с общественно-экономическими и культурными преобразованиями в стране, меняются пути и методы литературы. Развивается реалистическое направление. Обостряется чувство современности. Прозаические и поэтические произведения драматурга и публициста, лауреата Международной премии мира, писателя Такин Кодо Хмоина, книги У Хла, У За Вана, У Тен Певина, У Ба Вина, У Та Ньюнга и ряда других прогрессивных писателей, поднимающих острые проблемы современности, первые образцы творчества молодых талантливых писателей, таких, как У Ка Маи, У Тя, У Он Шана свидетельствуют, что литература Бирмы открывает новую яркую страницу своей истории. И эта страница, в которой, как в зеркале, отражается жизнь и борьба народа, его мечты и стремления, его сегодняшний день и светлое будущее, привлекает к себе всё большее и большее внимание самых широких кругов общественности.

По словам наших бирманских товарищей по перу, современная литература

Бирмы переживает много трудностей на путях своего становления и развития.

Реакционные силы, которые еще существуют в стране и чьи корни идут далеко к заокеанским хозяевам, всячески стремятся заглушить голос прогрессивных писателей-реалистов, оклеветать их и опорочить.

...Древнейший город страны. Прежняя столица государства Шана — Мандалай. Мы — в гостях у писателей Верхней Бирмы. Здесь мы встречались со старейшими писателями и с молодежью, только вступающей на поприще литературы. Среди них немало людей, пострадавших за свои передовые идеи и за попытку писать остро современные вещи.

Особенно взволновал меня рассказ У Хла, заместителя президента Ассоциации писателей Верхней Бирмы. Мы познакомилась с У Хла осенью 1953 года, когда он приехал в СССР и был у нас в Таджикистане. Несмотря на то, что с тех пор у него было много неприятностей как в личной жизни, так и в общественной деятельности, он производил впечатление очень спокойного, доброжелательного и выдержанного человека. Открытое лицо, приветливая улыбка и какие-то очень ясные глаза невольно располагали к нему собеседника.

У Хла с большой радостью вспоминает свою поездку в Советский Союз, рассказывает о людях, с которыми он встречался и подружился у нас.

Я передал привет от его таджикских друзей и благодарность за книгу, которую он написал после своего возвращения на Родину.

— Когда меня посадили, — улыбнулся У Хла, — эта книга тоже фигурировала в качестве одного из обвинений, которые выдвигали против меня реакционеры, зашедшие в правительство Бирмы.

— Да, мы слышали об этом, — сказал я и шутливо добавил: — это и помешало нам вовремя поблагодарить вас за присланную книгу.

У Хла признательно склонил голову и — жест в сторону второго заместителя У Чи Мья:

— А господин У Чи Мья сидел два года в тюрьме у англичан. Так что реакционеры и колонизаторы — это; как говорится, «двое лысых братьев слепого». Каждое правдивое слово писателя вызывает у них ярость. Я имею в виду не только мою книгу воспоминаний о Советском Союзе, а вообще все прогрессивные реалистические произведения. У этих книг наряду с доброжелателями есть и ярые враги.

У Хла рассказал о своем четырехлетнем (1953—1957) тюремном заключении. Те мучения, которые он перетерпел, и то, что пришлось испытать его семье, пока он был в тюрьме, помогли ему еще лучше распознать друзей и врагов. Он еще яснее увидел, что же из себя представляют те, кто пытается толкнуть страну на путь рабства.

Находясь в тюрьме, У Хла написал книгу «Человек и тюрьма», разоблачающую этих предателей.

— Господа реакционеры хотели состряпать из моей книги обвинительное заключение против меня, но они просчитались,— закончил свой рассказ У Хла.

Затем он со своими друзьями пригласил нас посмотреть пагоду Мандалай.

Мандалай — знаменитое святилище, находится в горах, на севере от города. Эта пагода имеет три входа. Чтобы добраться от входа до основания, надо подняться на 120 ступенек. Зато когда вы подниметесь вверх, к ее основанию, вы увидите под своими ногами весь город Мандалай, вплоть до окрестных деревень. Как рассказывал нам гид, в годы второй мировой войны, когда японские захватчики вступили в Бирму, святилище было превращено в штаб партизанских борцов против японцев.

— Отсюда руководил борьбой с врагами У Ну, нынешний премьер-министр,— сказал У Хла и добавил, что и он, и многие другие литераторы принимали непосредственное участие в боях с врагами.

Да, им было что вспомнить и, может быть, поэтому так страстно воспевают они в своих произведениях мир, свободу, независимость и демократию.

— А вот мы, молодые писатели, родились поздно, но и нашу колыбель опалил огонь второй мировой войны, и к нам занесла она семена смерти,— сказал наш молодой друг У Тянь.— Вот почему и в нашем творчестве ведущими являются темы мира, свободы и независимости.

У Тянь прочёл стихотворение, посвященное миру и его главному оплоту — Советскому Союзу. Кончалось это стихотворение такими словами:

Спасибо народу,— он мир защитил и покой.

Любовь к нему наша течет полноводной рекой.

Эти слова выражали сокровенные мысли не только У Тяня. Поэт выразил в своих стихах мысли всего бирманского народа. Во всех городах и деревнях, через которые мы проезжали, жители благословляли Советское государство, восхищались советским героическим народом.

Особенно глубоко взволновала нас встреча с обитателями дома престарелых в районе Мингун. В буддийском доме жило несколько одиноких стариков и старух разных национальностей.

— Мы счастливы, что сейчас на большей части земли царит мир и покой и люди живут спокойно. И всё это благодаря тому, что на земле существует ваша страна — Советский Союз. Мы всегда молимся за него,— сказал нам президент этого общества, всеми уважаемый старец У Маунг Ди.

Встретив за тысячи километров от своей Родины, на берегу реки Иравада, в странноприимном буддийском доме такое уважение к своей стране, такую любовь к её народу, мы, советские люди, почувствовали большую гордость.

Мы встретились с крестьянами из деревни Тиньян, которые взяли у правительства

необработанную землю в аренду, объединились несколькими семьями и получают ежегодно два, три урожая риса. Они говорили:—если в мире не будет мира, то земля перестанет родить и не будет ни урожая на земле, ни покоя и радости в домах людей.

Мир и безопасность в стране нужны, чтобы двадцатимиллионное население Бирмы стало грамотным, чтобы выросло число школ и высших учебных заведений, чтобы больше издавалось книг и газет, чтобы можно было скорее удовлетворить потребность народного хозяйства в собственных высококвалифицированных кадрах, чтобы в домах ярче горел свет образования, чтобы отступили страшные болезни, несущие смерть, чтобы воды рек, пройдя миллионы гектаров бесплодной земли, оплодотворили её и наполнили кладовые людей зерном.

Вот о чём мечтает свободная и борющаяся Бирма.

По инициативе У Ну народ воздвиг в Рангуне, на искусственной горе, великолепную пагоду. На её белом остроконечном куполе золотыми буквами начертано: «За мир и свободу во всем мире».

Когда мы посетили У Ну в его резиденции, его помощник, введя нас в небольшую, но очень уютную комнату, сказал:

— Эта комната — историческая. Здесь руководитель вашего правительства Никита Сергеевич Хрущёв два раза встречался с У Ну. Здесь обсуждали они важнейшие проблемы современности, вопросы мира и безопасности, вопросы укрепления дружбы бирманского и советских народов.

— Ваше пребывание у нас в гостях является непосредственным результатом этих дружеских встреч,— добавил сопровождавший нас писатель У За Вана.

Президент У Ну встретил нас в традиционной бирманской одежде. Разговор шёл дружеский и откровенный. У Ну подробно рассказал нам о своей поездке в СССР, о том, как тепло встретили его советские люди, как плодотворны и важны были его встречи и беседы с Н. С. Хрущёвым.

— Вы не только гости Ассоциации писателей Бирмы,— сказал он нам.— Вы гости главы правительства. Ведь наше правительство заинтересовано в укреплении дружеских связей между литераторами наших стран и в расширении личных контактов.

У Ну не только любит и знает литературу, он сам прекрасный писатель, широко известный у себя на Родине.

Может быть, поэтому такое большое внимание уделил президент Бирмы литературе, проблемам перевода лучших советских произведений на бирманский язык и произведений писателей Бирмы на языки народов СССР.

— Теперь мы повезем вас в храм науки,— сказал У Завана, усаживая нас в машины.— Бирманцы называют его выдающимся памятником дружбы Советского Союза.

Нас привезли на окраину Рангуна. Здесь, на площади, преемствующей 50 гектаров.

был расположен целый городок. Этот городок был построен Советским Союзом и преподнесен в дар Бирме. Тут был открыт первый в Бирме технологический институт. Один за другим возвышались красивые многоэтажные дома. Учебные и опытные корпуса, лекционные залы, жилые дома для преподавателей, для аспирантов, студенческие общежития, специальные здания для культурного отдыха и многое, многое другое. Бдоль домов, на площадях и по улицам тянулись к небу молодые деревья. Всё это составляло единый архитектурный ансамбль. Нас, советских писателей, он привёл в восхищение.

— А «наши старинные друзья», английские колонизаторы, «гостившие» в доме бирманцев почти сто лет, не оставили на память о себе ничего хорошего, — насмешливо бросил у Та Ньюнг.

Кстати, Советский Союз, кроме комплекса зданий технологического института, построил больницу и гостиницу.

Во время разговора, который произошёл у нас с нашими бирманскими друзьями после осмотра этих зданий, мы решили, что теперь перед нами стоит задача: воздвигнуть в литературе такое же замечательное здание дружбы.

С этим решением мы пожали руки своим бирманским друзьям в Рангуне и попрощались до новых встреч.

...Утро Рангуна ласково провожало нас. На куполе президентского дворца, на правительственных и общественных зданиях развевались красные шестизвёздные государственные флаги Бирмы, вывешенные в честь праздника независимости. Утренний ветер приносил издалёка, с берегов реки Иравады, из садов, окружающих Рангун, звуки бирманской музыки. Где-то слышался ребячий смех. На востоке поднималось солнце.

Бирма встречала новый день своей четырёхнадцатилетней независимости и свободы.

Страна множества островов

Эту страну, с её лазоревым небом и таким же лазоревым океаном, с её радостно цветущей землёй называют драгоценным камнем в поясе зеленого шара. Стоит вам только ступить на землю Индонезии, как вы сразу в этом убедитесь. ярко-синее, спокойное небо склоняется над вами, как огромный зонтик острова, заросшие джунгли, расстилаются под яркими лучами щедрого южного солнца, переливаясь, как зелёный шелковый ковёр. Особенно своеобразно это зрелище по вечерам.

Солнце висит на горизонте, как большое золотое блюдо. И вдруг словно бы кто-то набрасывает шелковое розовое покрывало на голубое небо. Прохладный ветер с берегов океана играет листвою деревьев, и они тихо покачиваются, как длинные нарядные серьги, которые носят наши невесты. Воздух становится еще более влажным и человека оглушают пьянящие ароматы горячей и щедрой земли. Потом сразу, безо всякого

перехода, наступает темнота. В тёмно-синем небе как-то особенно ярко и близко, оччень близко бриллиантами сверкают бесчисленные огромные звёзды. Индонезийцы шутливо говорят, что это просто отражение в небе их изумительных, наполненных сокровищами и драгоценностями островов, лежащих в объятиях двух океанов — Индийского и Тихого. И число их столь же несметно, как и число звёзд на небе.

В мире нет второй страны, которая бы состояла из такого множества островов, как Индонезия. Индонезия расположена по обоим сторонам экватора. С запада на восток она тянется свыше пяти тысяч километров, а с севера на юг — две тысячи километров. В неё входит свыше десяти тысяч островов.

Официально Индонезию называют страной трёх тысяч островов, потому что из десяти тысяч обитаемы были только три тысячи, а остальные островки заболочены, заросли непроходимыми лесами и необитаемы. Старые предания говорили, что человеческой жизни недостаточно, чтобы обойти все эти острова. Эта гипербола не очень далека от истины. По словам наших индонезийских друзей, во время правления голландских колонизаторов между островами не было ни нормальной связи, ни приличных средств сообщения. Почта от центра Индонезии до ближайших островов шла два-три месяца, что же касается дальних районов, то большинство из них были совершенно отрезаны от внешнего мира.

Не следует представлять себе дело так, что между островами не было вообще никаких средств связи, нет, конечно, между островами такая связь существовала, но она осуществлялась, главным образом, караванами голландских судов, занятых дни и ночи вывозкой на запад неисчислимых богатств этой страны. Триста пятьдесят лет корабли чужеземцев бросали якоря в индонезийских гаванях только за тем, чтобы нагрузиться до отказа и отплыть в Голландию.

Рудники, огромные плантации каучука, какао, чая, табака, богатейшие леса, вкуснейшие субтропические фрукты, щедрая земля, озера и реки, богатые рыбой и сокровищами, — всё это использовали, хищнически эксплуатировали колонизаторы, получая огромные прибыли, а девятистомиллионный народ этой богатейшей страны из поколения в поколение жил в нищете.

В Индонезию мы выехали на рассвете. Стремительный серебристый Ту-104 был уже готов к полёту. Мы радовались, что за полтора-два часа наш советский корабль доставит нас к индонезийским друзьям.

В самолёте нас приветливо встретили две золотоволосые девушки и двое высоких парней в незнакомой нам лётной форме.

— Пожалуйста, дорогие товарищи, заходите, — на русском языке, но с каким-то неуловимым, мягким акцентом приветствовала нас одна из девушек, и, заметив, очевидно, мой удивлённый взгляд, добавила, улыбувшись:

— Вас в пелости и сохранности доставит к месту лётная бригада Чехословацкой республики.

Мне показалось, что это тот самый ТУ-104 аэрофлота СССР, который доставил нас несколько дней тому назад из Москвы в Дели. Приятели решили надо мной подшутить и с самым серьёзным видом уверяли меня, что это действительно наш самолёт.

— Ну, что же, если товарищ своих чешских друзей считает своими, то он не ошибается,— вступился за меня один из лётчиков-чехов, узнав, почему мои друзья смеются надо мной.

В полёте Бечка — так звали этого лётчика — рассказал нам забавную историю, связанную с их самолётом.

Несколько дней тому назад этот самолёт, возвращаясь в Европу из Джакарты, сделал остановку в Рангуне, в ожидании пассажиров. А в это время, у одной из билетных касс аэропорта возникла ссора. Какой-то тучный старик пытался вернуть кассиру взятый заранее билет, он хотел лететь на американском реактивном самолёте, который, по его словам, только что приземлился. Кассир уверял пассажира, что сегодня никаких американских реактивных самолётов не будет, а у пассажира, мол, билет на чехословацкий самолёт, и что это тоже реактивный самолёт, ТУ-104. Но старик не успокаивался:

— Вы что, думаете меня обмануть, как ребёнка? Я только что собственными глазами видел, как приземлился американский реактивный самолёт. Не верите, можете посмотреть из окна и убедиться. Вон он стоит.

Кассир выглянул из окна и увидел серебристый ТУ-104.

— В этом самолёте, господин, ни одного винтика американского нет. Там всё сплошь советское,— сказал он тоном заправского гида.

Старик рассердился:
— Что вы меня всё время путаете! То говорили, самолёт чешской компании, а теперь, что он советский. Я что-то не слышал, чтобы Советы выпускали такие самолёты.

— А это уж вы на себя пеняйте, господин,— усмехнулся кассир,— может, вы и об искусственных спутниках Земли не слышали, так кто же вам виноват?

— Каких только чудес не бывает на свете!— попытался выпутаться из неловкого положения старик.— Вот и попробуй в них разобраться. Чего доброго, еще и в собственных делах запутаешься.

— Потом мы узнали,— продолжал Бечка,— что старик — крупный торговец из соседней с Бирмой страны. Благополучно прилетев к месту своего назначения, он горячо поблагодарил команду.

— Какой замечательный у вас самолёт,— сказал он, пожимая руку командиру самолёта.— Как много чудес на свете, но, увы, если человек попытается в них разобраться, то, чего доброго, собственные дела запустят...

Мы посмеялись, искренне пожалели старика, увлечённого «собственными делами» и так мало знающего об огромном окружающем его мире.

— Этот старик напоминает собой уходящий в прошлое невежественный Восток,— задумчиво сказал один из моих спутников.

Наш воздушный корабль высоко нёсся в бирюзовом небе нового Востока, к столице Индонезии — Джакарте. Впереди, заливая небо и землю яркими лучами, поднималось солнце. Там — конец маршрута, там — страна друзей.

Семнадцать дней гостеприимно встречала нас Индонезия. Повсюду: и в многолюдной Джакарте, и в городе международных исторических встреч — Бандунге, и в чудесном зелёном Багоре, и на сказочном острове Бали — повсюду нас ожидала самая тёплая встреча.

— Вы принесли в наши хижины радость и счастье, дорогие братья. Наш дом, от порога до самого дальнего закоулка, принадлежит вам,— говорили нам при встрече наши индонезийские друзья.

В тот день, когда мы приехали в Джакарту, нас пригласил к себе Саманджая, один из руководителей ЛЭКРА — общества прогрессивных работников искусства. Принял он нас чудесно. Две недели мы гостили у Саманджая в доме и, по выражению его жены Джим, стали не только любимыми гостями, но и близкими родственниками. Его пятилетняя, приветливая дочка Мадонна, залезая к нам на колени, звала нас своими московскими дядями. «У меня в Москве есть еще один дядя, старенький,— говорила она,— Илья Эренбург». Оказывается, когда Мадонна родилась, Илья Эренбург был в Индонезии и гостил как раз в доме Саманджая. Необычное для Индонезии имя Мадонны дал ей он.

Смуглая, с миндалевидными глазами, прелестная хохотушка, Мадонна была для нас символом счастливой и свободной Индонезии, её сегодняшним и завтрашним днём. Девчушка ни минуты не оставалась спокойной. Схватив нас за руки, она, весело пританцовывая, таскала нас по всему дому из комнаты в комнату. Она показывала нам развешанные по стенам картины знаменитых художников — классиков и современников, статуэтки из сандалового дерева, из березы и тростника, искусно вырезанные индонезийскими мастерами. В кабинете отца она показала нам фарфоровые и бронзовые бюсты Маркса и Ленина, фотографии Маяковского и Горького. Сидя за обеденным столом, она, как взрослая, угощала нас чудесными национальными индонезийскими фруктами и кушаньями.

Вот так, в течение всего нашего пребывания в Индонезии, дом Саманджая, известного писателя, был широко открыт для нас. Здесь все, начиная от маленькой Мадонны и кончая матерью Саманджая, отнеслись к нам, как к близким и дорогим людям.

— Двери этого дома открыты для всех, кто борется за передовое искусство,— сказал нам Буюнг Солах, один из передовых литераторов Индонезии, активный борец за свободу и независимость своей страны, близкий друг Саманджая.— И уверяю вас, мы широко пользуемся гостеприимством хозяев дома.

И действительно: почти все наши встречи с представителями прогрессивных молодёжных, крестьянских, женских, рабочих и других обществ происходили в этом доме. Здесь же впервые познакомились мы с руководителями и виднейшими работниками ЛЭКРА: Юбаром Аюбом, Риван Анином, Агамом Виспи, Басуку Афанди, Анантагуном, Ньюто, Буюнгом, Солеком, Бакри Сирегаром.

Много было теплых встреч, интересных разговоров — все в доме Саманджая. Мы беседовали с генеральным секретарем союза демократической молодежи Индонезии Сукатно и вторым секретарем этого Союза Мудиятуном, с редактором журнала «Демократическая молодёжь» Ахмадом Кадром, членами президиума федерации профессиональных Союзов Индонезии Кастори и Яхьё, с руководителем прогрессивного общества женщин — Мудихдио, с руководителем демократической организации крестьян Ахмадом Дасуки и многими другими. Это были не просто и не только искренние беседы, нет, сидя плечо к плечу у накрытого стола, за пловом, приготовленным азербайджанцем Расулом Рза, мы пели «Индонезия, страна моя» и «Песню свободы», а потом русские песни «Москва моя» и «Подмосковные вечера», а ведь вы и сами знаете, как может сдружить песня.

Такие тёплые дружеские встречи стали в этом доме традицией. ЛЭКРА — крупнейшее прогрессивное общество работников культуры, охватывающее больше шестидесяти тысяч человек: писателей, художников и других работников культуры и искусства, до сих пор не имеет своего помещения. У общества не хватает средств для строительства и даже для аренды. Два года тому назад его членом удалось собрать небольшую сумму денег, на которую они выстроили себе маленький дом, но он, к сожалению, вскоре был смыт слётом. Так и осталась ЛЭКРА без своего помещения и пришлось писателю-коммунисту Саманджаю отдать часть своего дома для нужд ЛЭКРЫ.

В последние дни нашего пребывания в Индонезии, недалеко от дома Саманджая, был построен для ЛЭКРЫ небольшой дом размером около 30 квадратных метров. Это было радостным событием для наших индонезийских товарищей по перу. Мы присутствовали при официальном открытии этого дома и искренне радовались за наших друзей.

В день открытия мы познакомились там с представителями общества молодых литераторов, называющихся «Молодость Индонезии».

— Какое поэтическое название — «Молодость Индонезии!» — сказал Расул Рза, познакомившись с моими ребятами. Вынув, по своему обыкновению, записную книжку, он с интересом расспрашивал своих новых друзей, а рука сама, по привычке, наносила на листы блокнота черты молодых индонезийцев.

Одно за другим возникали лица, мало чем отличавшиеся от своих живых прототипов: одно — худощавое, с длинными ра-

стрёпанными волосами, другое — круглое, с весёлыми смеющимися глазами, третье — печальное, на тоненькой шее, четвертое — серьёзное, с большими грустными глазами. И под рисунками надписи: «Молодость Индонезии».

А разговор шёл о советской литературе, о дружеских связях с литераторами и народами всего мира, о положении пишущей молодёжи в Советском Союзе, о тех условиях, которые создаст Советское Правительство и Коммунистическая партия советским литераторам...

Сегодня в Индонезии, которая лишь вчера сбросила с себя тяжелое иго колонизаторов, приходится трудно не только молодым начинающим литераторам, но даже их старшим братьям — известным крупным писателям. В таком же положении были и те пятнадцать-двадцать человек представителей молодой литературы из общества «Молодость Индонезии», с которыми мы познакомились в доме ЛЭКРЫ. Им всем очень трудно живется. Мало того, что писатели обычно не получают в Индонезии гонорар за своё произведение, но и вообще опубличование произведения сопряжено там с очень большими трудностями и даже материальными затратами. В стране пока нет ни одной хорошей полиграфической базы. И издательства и типографии находятся, как правило, еще в частных руках и работают в интересах своего владельца.

И всё же голос «Молодости Индонезии» слышен повсюду. Молодые писатели разъезжают по всей стране, используя любые средства связи — где на машинах или верхом, а чаще пешком, они ездят по городам и сёлам, широко пропагандируют среди своих соотечественников новые произведения, читая поэмы и рассказы, песни и стихи. Там же, среди своего народа, ищут они для себя новые источники вдохновения.

Нельзя было без волнения слушать их стихи и песни: в доме ЛЭКРЫ пела сама «Молодость Индонезии».

— Мы берем пример с советских писателей, наш идеал — стать подлинными выразителями интересов своего народа, — сказали нам на прощание наши молодые индонезийские друзья.

— Ну что ж, молодости свойственны мечты, — заметил Расул Рза, — но не забывайте, что у нас в стране не одно поколение молодых посело ради того, чтобы на поэтическую арену вышла новая смена...

— У общества ЛЭКРА имеются талантливые наследники. И мы верим, что, закалившись в труде и суровой борьбе, они станут достойны доверия своих старших товарищей и наставников, — ответил Буюнг Солек.

Надо сказать, что общество ЛЭКРА, несмотря на серьёзные трудности, с которыми оно встречается, делает очень много для укрепления мира и безопасности, для упрочения дружбы между народами для победы социализма и демократии. В киностудии прогрессивных фильмов, руко-

водимой кинодраматургами Бахтиром и Басуки, в студии прогрессивных художников, в агентстве печати — Антара, — которое возглавляет журналист Джавото, в отделе ЛЭКРЫ в Бандунге, руководителем которого является музыковед Драма, и во многих других организациях и обществах — всюду встречали мы людей, в чьих сердцах, а следовательно и в творчестве, горел огонь патриотизма.

Здесь в первую очередь следует сказать о романе и рассказах превосходного писателя и литературоведа Прамудья Ананта Тура, о пламенных стихах поэтов Ситора Ситомаранга, Ньюто и Агама Висли, о романе, пьесах и рассказах Юбара Аюба, Риваи Апина, о сценариях и фильмах Басуни Афанди и Бахтияра Сиагьяна, об очерках и публицистических статьях Саманджая, Джавото и десятка других, отдавших свой труд борьбе отважного индонезийского народа за независимость. Их творчество получило поистине огромное распространение среди широких слоёв читателей.

На прилавках книжных магазинов Джакарты, Бандунга, Багора и Данпасара наряду с произведениями выдающихся писателей Индонезии лежат повести, романы и стихи Л. Толстого, Горького, Чехова, Маяковского, Шолохова, Эренбурга, Фадеева, Турсун-заде, Ауэзова и Полевого. Это первые плоды дружбы между литературами двух великих народов.

Особенно радостен был для меня тот день, когда мой друг Буюнг Солах преподнёс мне, с тёплой надписью, сборник четверостиший Омара Хайяма на индонезийском языке. А потом он прочёл мне несколько рубайи, сначала на родном языке Хайяма, а потом и на индонезийском.

— Как много может сделать перо настоящего мастера, чтобы сблизить и сдружить людей! — сказал я.

— Ты прав, — ответил мне Буюнг Салех, — если бы не наше проклятое наследие — темнота и невежество, то как много могла бы сделать книга, чтобы люди мира лучше узнали друг друга.

Невежество и неграмотность до сих пор являются одним из самых страшных бедствий Индонезии. Из-за недостатка педагогических кадров во многих деревнях и населённых пунктах нет ни начальных школ, ни ликбезов. Книги распространять трудно и все же они находят своего читателя. Стоит только найтись в селе хоть одному грамотному, как вокруг него собирается кружок слушателей. Чтение часто продолжается всю ночь напролёт. Всё больше и больше покупателей появляется в книжных магазинах. Всё шире и шире становится круг читателей за счёт студентов высших учебных заведений, открытых за последние годы в стране. Только в университете в Джакарте обучается сейчас больше 12 тысяч студентов, причём, больше половины из них — девушки. У индонезийской молодёжи настолько велик интерес к русскому языку и русской литературе, что в университете открыт специальный факультет по изучению русского языка и литературы, где проводят занятия

учёные, приезжающие из Советского Союза.

Это первые шаги, которые сделала Индонезия по пути развития науки и образования. Прошло уже шестнадцать лет, как страна завоевала свободу и независимость, но не так-то просто выкорчевывать всё то зло, которое принесло стране трехсотлетнее десятилетнее колониальное рабство. Еще и сейчас в руках голландцев находится Западный Ириан — неотделимая часть Индонезии. Еще сейчас, каждый день, из портов и гаваней Индонезии отплывают десятки иностранных кораблей, вывозя на запад индонезийскую нефть и ценные минералы, каучук и какао, чай и табак, так что до сих пор основную выгоду от сокровищ своей страны получают не индонезийцы, а иностранные фирмы и акционеры компании.

Еще несколько лет тому назад в стране сохранялись некоторые дикие порядки, которые были в свое время заведены голландскими колонизаторами. Как-то мы с несколькими индонезийскими друзьями отправились на берег моря и зашли в ресторан, называющийся яхтклубом. Здесь раньше отдыхали и развлекались голландцы. Бывший яхтклуб расположен в удивительно поэтичном месте. Он как бы висит над морем... Волны играют под самыми вашими ногами, а лёгкий ветер несет солёный запах моря... Вдали, до самого горизонта, видны стоящие на якорах корабли: маленькие, большие, средние, они похожи на сказочные, колышущиеся островки. А вокруг вас, как гуси, спокойно плавают парусные лодки. Тихая музыка навеивает мечты. Оркестру, казалось, аккомпанирует сам безбрежный океан. Человек здесь чувствует себя счастливым.

— Какое чудесное место, — тихо, чтоб не спугнуть очарования, сказал я.

— А ведь еще три года тому назад ни один индонезиец не имел права перешагнуть порог «яхтклуба». Здесь имели право отдыхать лишь представители «вышей расы», — зло бросил Буюнг Солах. И он рассказал нам одну историю, которая произошла несколько лет тому назад, в последние годы существования «яхтклуба».

— Как-то молодой индонезиец захотел провести там вечер со своей женой. Но когда он подъехал на машине к дверям клуба, привратник не пустил его, заявив, что индонезийцам вход воспрещен. Жена молодого человека обьяснила привратнику, что она сама голландка и вышла замуж за индонезийца уже здесь, в Джакарте. Узнав, что молодая женщина — представительница «вышей расы», привратник с поклоном открыл перед ней двери клуба, но мужа впустил категорически отказався.

— Ты подожди меня здесь, — сказала молодая женщина мужу, — я зайду и попрошу у администрации разрешения для тебя.

Молодой муж два часа ждал у дверей свою голландскую супругу, но её и след простыл.

— Вы бы пошли лучше домой, отдох-

нуди, она попозже придёт,— насмешливо посоветовал ему привратник.

— Нет уж, вы лучше передайте госпоже, чтобы она больше не смела переступать порог моего дома,— решительно сказал молодой человек и, круто повернувшись, ушел.

Нет, никогда не забудет индонезийский народ тех унижений и издевательств, которые он терпел от колонизаторов...

Не забудут индонезийцы и того, что голландские-колонизаторы в течение трёх веков своего владычества называли их лодину «тропической Голландией», а столицу Индонезии — Джакарту — Батавией, так как считали себя потомками Батавов, древнего племени германцев.

Сейчас в этой самой Батавии от прежних заокеанских хозяев остался лишь канал, который три века тому назад по приказанию голландского генерал-губернатора Яна Питерса Куна в поту и крови построили тысячи, несчастных индонезийских крестьян. Говорят, что генерал-губернатор хотел благоустроить этот «темный и дикий» уголок южной Азии на европейский манер.

Сейчас даже сами голландские путешественники и их английские, французские и американские друзья, проезжая по берегам этого «знаменитого канала», не знают, куда спрятать глаза от стыда.

Индонезийцы называют канал общественной баней или же местом ритуального омовения и стирки. И действительно, пройдя как-то мимо канала, мы в этом сами убедились. Глядя на грязную, мутную воду с каким-то противным желтовато-зеленым отливом, лениво текущую между берегов, невольно думаешь об отвратительном племени колонизаторов, которые три с половиной века сосали кровь народа, вытязгивали богатства из недр индонезийской земли и превращали все это в золото, сплошным потоком льющемся в их карманы. Все, что они оставили после себя,— это загнивающий канал для ритуальных омовений.

Да и кого упрекать, на что жаловаться? Такова природа колонизаторов и капиталистов.

И в деревне Чирочас, трёхтысячное население которой почти полностью состоит из членами демократической организации крестьян, и в крупном порту, находящемся недалеко от Джакарты, и в историческом Вандунге, и на знаменитом острове Бали, и на многолюдных улицах Джакарты — всюду мой взгляд останавливался на двухцветном — белом и красном флаге республики Индонезии. Он был как бы символом крови, пролитой на пути к свободе и счастью. Гордо развеваясь на ветру, флаг как бы утверждал благородные мечты и надежды народа.

Как-то рабочие порта Джакарты сказали мне:

— Никто и никогда не вырвет у нас из рук знамя свободы и независимости.

Расцветывая вызвать недовольство среди портовых рабочих, голландцы вывели все свои торговые суда из порта.

Тысячи людей остались без работы. Но

тут молодой республике пришли на помощь Советский Союз и Польша, пославшие к берегам Индонезии свои суда. Стало легче. И всё же надо еще много сделать, чтобы устранить трудности, сложившиеся в результате подлых происков колонизаторов. Но рабочие твёрдо верят, что им это удастся. Они мужественно переносят и безработицу, и другие трудности, выпавшие на их долю, но не сдаются. Никогда не дадут они смирить их могучие ряды. В Индонезию нет возврата колонизаторам.

Эта твёрдость и оптимизм миллионов рабочих и крестьян являются результатом широкого распространения в массах коммунистических, революционных идей. В Коммунистической партии Индонезии около двух с половиной миллионов членов, это одна из наиболее многочисленных и влиятельных партий в стране.

— Мы полностью доверяем нашей Коммунистической партии,— сказал нам один из портовых рабочих Тантура.— И счастье советских людей в том, что вы строите новое общество, свою радостную жизнь под руководством этой единой могучей партии. Этот авторитет, это влияние, которым Коммунистическая партия пользуется в индонезийском народе, она завоевала своей неуклонной борьбой за высокие идеалы, за экономические и общественные реформы, за укрепление мира и безопасности.

В стране имеются и другие партии, которые, подобно партии Дорульислама, объединяют вокруг себя реакционеров, контрреволюционеров и всяких провокаторов. Опираясь на империалистов Запада, они пытаются повернуть историю вспять, мешают движению народа к прогрессу. Прячась в лесах, канавах, пробраясь по переулкам и тупикам, они поджидают удобный момент, чтобы выстрелить в грудь народа, разрушить его мирную жизнь.

Вспомните хотя бы покушение на президента Индонезии доктора Сукарно осенью 1957 года.

Дело было так. В Джакарте, на улице Чикина Райна, находится народная школа, в которой занимаются сын и дочь Сукарно. Осенью 1957 года школа отмечала свою годовщину. Был вечер. Жаркое солнце скрылось за горизонтом. С темнотой пришла прохлада. В школе собрались десятки девочек и мальчиков, начиная от первоклашек и кончая старшеклассниками. По просьбе учителей и учащихся на праздник пришёл и президент Сукарно.

В самый разгар праздника, когда Сукарно танцевал вместе с ребятами, среди толпы танцующих взорвалась несколько гранат. Семь учеников были убиты на месте, десятки тяжело ранены. Благодаря мужеству солдат охраны, Сукарно избежал гибели.

Вскоре четверо убитых, пособников мятежных контрреволюционеров, было арестовано. Трое из них были приговорены к смертной казни, один — к двадцати годам тюремного заключения.

Это было не только покушение на пре-

зидента Индонезии, это было покушение на свободу и независимость республики.

Но и сегодня еще контрреволюционеры и прочие американские, английские и голландские прихвостни не потеряли надежды на достижение своих гнусных целей.

Коммунистическая партия вместе с другими прогрессивными партиями бесстрашно разоблачает подлую политику империалистов, сплачивает и поднимает широкие народные массы на защиту завоеваний молодой республики.

Более чем двухнедельная поездка в страну множества островов родила во мне чувство подлинного восхищения и симпатии к этому чудесному краю, к его талантливому, чистосердечному трудолюбивому народу.

Как-то, когда мы были на приеме у господина Сунито, одного из председателей индонезийского Комитета солидарности стран Азии и Африки, он рассказал нам эпизод из деятельности комитета.

Во время кровавых событий в Конго и ожесточенных боев против французских колонизаторов в Алжире комитет обратился к народу Индонезии с воззванием — протянуть руку помощи борющимся народам этих стран. Комитет предложил, чтобы каждый человек принес в фонд помощи, по мере своих возможностей, хотя бы щепотку чая и несколько зернышек хинина.

Почти вся Индонезия откликнулась на наш призыв, — с гордостью продолжал господин Сунито. — И хотя наш народ живёт пока еще очень трудно, у нас у самих еще много нехваток, всё же за несколько дней в фонд помощи поступило так много, что мы просто потеряли счёт. Да вы сами попробуйте подсчитать, — улыбнулся он, — если 96 миллионов человек принесут по одной щепотке чая и по несколько зёрен хинина, сколько получится в результате?

— Да, не меньше эшелона, — как народ говорит:

«Капля к капле — сила есть
Атом в атом — мир весёлый!»

— Из пожертвований мы составили целый караван судов, — сказал господин Сунито. — И это лишь маленькая частица того большого участия, которое индонезийский народ принимает в деле укрепления мира во всем мире... Приезжайте к нам опять, дорогие друзья, двери нашего дома всегда широко открыты для вас, наших дорогих братьев, — сердечно пригласил нас Сунито, заканчивая нашу встречу.

Все, с кем мы встречались во время нашего путешествия, называли нас брать-

ями, очень тепло относились к нам и, радуясь встрече с нами, советскими людьми, говорили:

— Этот путь — путь дружбы — открыл Никита Сергеевич Хрущев. И пусть по этому пути всегда движутся караваны дружбы.

Путешествие нашего премьер-министра Никиты Сергеевича Хрущева навсегда запечатлелось в сердце индонезийского народа. Всё население Индонезии хорошо знает и глубоко уважает Н. С. Хрущева. Те, кому удалось повидаться с ним, или хотя бы видеть его издали, с удовольствием говорят об этом важном событии в их жизни.

Губернатор острова Бали Суетеджо, отважный юноша, активно участвовавший в боях против колонизаторов, рассказывая о своей встрече с Н. С. Хрущевым, с гордостью показал нам часы на своей руке:

— Подарок Никиты Сергеевича.

— А как они идут? — спросил Сальнский.

— Прекрасно идут, минута в минуту.

Да, московские часы идут точно, они никогда не ошибаются. Они точно показывают время века. Бой Кремлевских курантов слышен во всех уголках нашей планеты. И повсюду вдохновенно звучат наши любимые песни «Подмосковные вечера» и «Москва моя».

Дружески провожала нас гостеприимная Индонезия. В аэропорту собрались наши дорогие братья и друзья, наши товарищи по перу. Нам трудно было расстаться с друзьями, которых мы так искренне успели полюбить. Особенно грустно было прощаться с Мадонной. Девочка, обнимая нас, говорила:

— Зачем вы уезжаете, не надо, останьтесь. Обещайте, что скоро-скоро вернетесь.

И мы обещали приезжать еще много-много раз. На прощанье я прочел моим друзьям байт из Хафиза.

Заходит солнце, но — взойдет! И вновь лучи его
зажгут!

Покуда человек живет — глаза свидания дождутся.

Четырехмоторный американский самолет поднял нас в небо и понёс над Индийским океаном в Мадрас. Семь с половиной часов пути показались нам вечностью, и мы вспомнили старого торговца в аэропорту Рангун. Не мешало бы ему прокатиться на этой колымаге.

Мы покидали Индонезию, гордясь тем, что слава нашей Родины облетела не только весь Земной шар, но и вознеслась в Космос. И этому радуемся не только мы, советские люди, этому аплодирует все прогрессивное человечество.

Перевод М. Явич

Сатира и юмор

Гаврила АХОВ

Литературные пародии

Даешь метраж!

*...стружка
И синяя, и в завитушках,
Ползет, как живая, шурша,
От каждой детали — по метру,
А за смену — полкилометра...*

Александр Усенко (Из поэмы «Гудок зовёт»)

Я псэт не простой — рабочий.
Я до рифмы очень охочий.
Она у меня практически
Издакается механически:
Гудит гудок, беру молоток.

Стук, стук — сто строк!
Бум, трах — в сти-хах!
Взмок аж,

В дрожь,
в раж
Строчкометраж
бросает,
А рядом учетчик молодчик
стоит,

Строчки, знай,
считает,
Но вот —
Седьмой пот.
Прет с молотка
ералаш:
Рифма уже неидет.
Рифме, видать, шабаш,
Да и гудок — зовет.

Ожидание

*Дрогнули, дрогнули листья лебеды.
Долго ли, долго ли ночью до беды?
Вспомнишь ли, вспомнишь ли ветер
над рекой...
От любви помощи нету никакой!*

(Марианна Фофанова, «Лирическое»)

Дрогнули, дрогнули
Стебли ковыля.
Жду его долго я,
А чего бы для?
Жду — пожду за полночь,
Потеряв покой.
Не идет, хоть ты плачь,
Ах, такой — сякой!

С чувством жду, с толком,
А его все нет.
Соловей прошелкал,
Вымахал рассвет
Дрогнуло, дрогнуло
Сердце у меня
Думала, думала.
Но прозрела я:
От любви помощи
Нету никакой!..
Сижу в «скорой помощи» —
Термометр под рукой.

Все та же, а все же...

*Взгляд с прищуром и прядка-челка,
Что отпущена не просто,
В общем наша Людмила,
Лелька,
Та же все,
и уже не та,*

(Александр Дебринин, «Королева»)

Меня классики с детства учили
Доверяться во всем стиху...
В общем я вам о Лельке — Людмиле,
Все поведаю как на духу:
Утром ранним, шагом привычным
Выплывает она на крыльцо.

То комичным, то — строго античным
У нее бывает лицо.
То бывает лицо ее хмурым,
То расцветит его красота.
Глянет Лелька на вас с прищуром —
И чего-то уж вам нехвата!
Иногда она выставит челку,
Челка нас волнует, густа.
Спонтальку сбивает, с толку,
Эта дивная красота!
Дни и ночи вожусь я с нею,
Я совсем утратил покой,
Но винить никого не смею
Сам я выдумал Лельку такой.

Просто так

*Снова шаловливо небо
Прет тепло на всех парах,
Птицы вновь — не ради хлеба
Распеваю — просто так*

(Михаил Табачников, «После дождя»)

Говорят:
«Михайло, право,
Ты стихи слагать—мастак!»
Я пишу не ради славы.
Я пишу их — просто так:
У kiosка однажды
Выпил квасу на пятак.
Пил я квас не ради жажды —

По привычке. Просто так.
На заводе фрезеровщик
Дал в деталях явный брак.
На него никто не ропщет,
Ведь тот брак был — просто так
Труден бой. Артиллеристы
Отразили пять атак.
Били войны фашистов
Для потехи. Просто так!
Ну, а если разобраться,
То грешу я против факта:
В жизни все не просто, братцы,
В жизни все сложнее как-то...

Безмолвие

*... И над станом спустилась тишь.
... Зовет солдата тишина.
... Такой безмолвной тишины
... Даже ветер, казалось, стих.
... И тишина все едуше.
... Еще раз перечтет в тиши дивчина.
... И повист крыльев рассекает тишь.
... Как ты любила, бывало, в тишине.*

(Иван Зарайский, «Мое родное». Стихи)

Я люблю тишину. В тиши
Ни от кого не завишу.
Даже критики в тиши хороши,
Ибо я их тогда не слышу.
По ночам, когда город мой стих,
Я слагаю тихохонько стих,

Наслагов, засыпаю, лишь
Поутихнут в подполье мыши.
Просыпаюсь — в комнате тишь,
На душе моей тиши тише.
Ранним утром
в город выйду лишь я,
Жажду тишины, ищу затишья.
Тишь уж грезится мне наяву
Тишь повсюду мне чудится, слышится
Лишь в тиши я дышу, я живу,
Тихо сердце в груди колышется
В тишине я бездонной тону
И тихонько шепчу обязательство:
Впредь любить ее — тишину,
Аж до тихого помешательства

О. НОВГОРОДСКИЙ

На литобъединении

(Пьеса в 3-х действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пыжик, развязный молодой человек 23 лет, непризнанный прозаик.

Добронравов, известный поэт, прозаик, сценарист и драматург, деликатный пожилой и лысый мужчина 50 лет.

Мэри Монькина, девица 22 лет, переутомленная высшим образованием, капризная.

Антон Черноватый, болезненный и мрачный тип 25 лет.

Разные-прочие, члены литобъединения, далекие от литературы и просто недалекие.

Действие 1

Большой кабинет, открыты все форточки, видно, как в них тянется табачный дым. Добронравов сидит за столом. Разные-прочие сидят кто на диване, кто на стульях и делают вид, что не спят.

Добронравов. Итак, с поэтами покончено. Чем нас сегодня порадуют прозаики?

Пыжик. У меня есть рассказ.

Разные-прочие (очнувшись). Давай, валяй!

Пыжик (откашливается и читает): Любовь среди ночи. Рассказ.

Ваня раньше был детским преступником, а теперь исправился и сидит на вокзале с дипломом механизатора и ждет поезда, чтобы отправиться в совхоз. Перронная суета его очень раздражает и Ваня погрузился в воспоминания. Две девушки-стиляги косо посмотрели на пропорциональную голову Вани, которая красиво сидела на гордом туловище в тельняшке. Ваня почувствовал себя оскорбленным и навсегда возненавидел женщин. В совхозе встретили вначале плохо, потом хорошо и парторг усыновил Ваню. Парторга Мирзонча Ваня полюбил крепко-накрепко. Жена парторга кормила Ваню галушками и всякой сдобой. Ваня стал поправляться по килограмму в день и вскорости освоил трактор. Однажды ночью была ужасная гроза. Туча была темно-лиловая и намочила на Ване все нитки, и вывела со строя трактор. Ваня заметил далекий огонек. Огонек манил сладко, призывно, а Ваня не мог найти полонку. Ваня не выдержал и пошел прикурить. В доме сидела красивая, как манекенщица, девушка и томилась. Больше никого дома не было. Ваня рассказал

ей свою жизнь. Девушка взяла и полюбила Ваню. Внезапно Ваня дико заорал: «Магнето! Магнето! Магнето-то я не проверил!» — и нырнул в вязкую темноту, как в смородиновое варенье. Воодушевленная смелым поступком юноши, девушка за одну ночь написала дипломную картину «Тракторист». Среди глухой и мокрой ночи любовь облагораживает людей.

Добронравов. Все? Кто будет говорить?

Мэри Монькина (*плачет*). Да, это настоящая любовь, автор творчески одарен.

Разные-прочие (*хором*). Рассказ—сила! Надо поздравить автора. Только вот образ Мирзонча несколько схематичен.

Пыжик (*в радостном волнении*). Но тогда... Тогда...

Антон Черноватый (*перебивает*). Парторгу в рассказе явно не повезло. Но в этом отношении наш автор — далеко не первый. Рассказу тоже не повезло: ведь его написал Пыжик. Все слащаво, все розовое. Нет мрачного современного юмора. Рассказ — дребедень. И все ваше лит-обеднение — тоже дребедень.

Действие 2

Что-то похожее на перебранку, драку и литературную дискуссию. Никто не стесняет себя в выражениях. Мэри Монькина рыдает в истерике. Антон Черноватый становится бледнее обруганного им рассказа Добронравов деликатно стучит по графину.

Действие 3

Добронравов, овладев наконец аудиторией, говорит о поэтах, прозаиках, драматургах и киносценаристах всего мира битых два часа. Разные-прочие дремлют, или делают вид, что не спят. Мэри Монькина подправляет краску на губах, румянец.

Добронравов. Обратите внимание, как поступали в таких случаях Маяковский и Горький, как великолепно решена эта проблема...

Пыжик (*развязно*). Я поступил, как автор, точно так же, но у меня есть одно, чего нет у них, — современность.

Добронравов (*растерянно в сторону*). Я всегда щадил самолюбие авторов. (*Пыжику*). Тему вы решили своеобразно...

Пыжик. Хорошо или плохо?

Добронравов (*беспомощно улыбаясь*). Хорошо, хорошо. Есть некоторые погрешности...

Пыжик. Неважно. У Чехова они тоже были.

Слышен храп разных-прочих.

Занавес.

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

Как известно, наиболее оперативные жанры художественной прозы — это рассказы и очерк. Особенно актуальным, особенно мобильным является очерк.

Особенности этого жанра определяются тем, что очеркист, будучи непосредственно связан с живыми событиями жизни, отбирая наиболее актуальные и острые из них, может следить за ходом этих событий, быстро откликаться на наиболее волнующие проблемы. Очерк призван иметь дело с такими жизненными явлениями, с такими процессами, на ход которых он может повлиять непосредственно. Именно оперативность очерка позволяет ему быстро переключаться на решение новых задач, встающих перед народом.

Но для того, чтобы очерки не теряли своей злободневности, своего замечательного свойства — возможности воздействовать на события, на жизнь — надо, чтобы они как можно скорее доходили до читателя.

Писатели республики давно мечтали о том, чтобы их очерки и стихи, рассказы и статьи выходили в свет сразу после написания, по свежим следам событий. Таджикские литераторы неоднократно поднимали вопрос о выходе серии небольших по объёму книжек, справедливо считая, что такое массовое, недорогое издание весьма нужно и полезно — и писателям, и читателям.

И вот на письменных столах, на книжных полках библиотек, на стендах киосков появились первые ласточки — две небольшие, зеленовато-голубые книжечки, изданные в этом году Республиканским издательством.*

В каждой книжке один очерк, написан-

ный на весьма актуальную, жизненно важную для республики тему.

«Битва человека с горой» А. Дехоти посвящена сегодняшнему Памиру. Это даже не очерк, а скорее путевые заметки: раздумья о прошлом Памира, о возрожденном Советской властью крае и лирические картины гордой прекрасной природы гор, обновлённой и преобразованной волей человека.

А. Дехоти тепло рассказывает о Памире, обнаруживает отличное знание его прошлого. Рассказ писателя имеет не только познавательный интерес, но и большое воспитательное значение. «Я пишу сегодня обо всём этом столь подробно потому, что нашему подрастающему поколению, особенно тем, кому восемнадцать или двадцать, неизвестны эти вещи. Они не знают, как мучились их деды, отцы и даже старшие братья» — говорит писатель и противопоставляет мрачным картинам прошлого сегодняшний Памир.

Да, жизнь здесь неузнаваемо изменилась: преданы забвению опасные болезни, терзавшие горцев, навеки ушёл отсюда страшный гость — голод, прихода которого с ужасом ждали каждый год, исчезли бездорожье, темнота, невежество. В древний край пришла новая жизнь — светлая, радостная, счастливая.

К сожалению, о людях, созидателях нового Памира в очерке говорится несколько бегло и декларативно. Имена проходят перед читателем так же мимолётно, как мелькают за стеклом машины писателя горные пейзажи. Читателя не покидает чувство досады, когда он, например, только познакомившись с замечательным садоводом Хироманом Ашурмамадовым, тут же вынужден с ним расстаться.

Автор — поэт, и в очерк вкраплено много стихов. Рассказывая о жизни горцев в прошлом, А. Дехоти умело использует на-

* Абдусалом Дехоти, «Битва человека с горой», Таджикгосиздат, Душанбе, 1961 г.
Шавкат Харисов, «Норак», Таджикгосиздат, Душанбе, 1961 г.

родные легенды и притчи, строки из классической поэзии.

«О Памире, думалось мне, сложено немало прекрасных легенд, но советская была затмила их», — пишет А. Дехоти. Надо сказать, что писателю удалось зримо донести это и до читателя. Прочитав этот очерк, хочется самому увидеть прекрасный край, тех, кто силой своего разума и труда превращает суровые и голые места в цветущие сады.

* * *

Совсем иная по жанру вторая из вышедших книг — «Норак» Ш. Харисова. Это документальный очерк о начале строительства Норакской ГЭС.

Из очерка мы узнаём о значении Норакской ГЭС, об её местоположении, о первых изыскательских работах, о настойчивых и интересных людях — её строителях и энтузиастах.

Такая книга, конечно, весьма актуальна и нужна. Немало статей, репортажей и сообщений было о Нораке в газетах, появился уже «Нурекский дневник» А. Одинова — и все эти материалы встречены читателем с таким же большим интересом, как велик их интерес к самой стройке.

Это первые страницы той летописи Норака, которую ведут писатели республики. Ш. Харисов своим очерком тоже вносит вклад в это замечательное дело.

Но, увы, эта небольшая по объёму книга вызывает немало упреков: она написана наспех, поверхностно, небрежно.

Очерку предпослан зачин, задуманный как лирическое обращение автора к родной земле, в котором он хочет поведать о богатстве её недр и об истории электрификации Таджикистана. Уже здесь замечаем мы ту голую описательность и поспешность, которые характерны для всего очерка. Рядом с патетическими торжественными словами помещены сухие общие фразы, как бы одолженные в учебнике. Вот, например, отрывок:

«Край родной, сегодня ты в расцвете сил. Пройти за сорок четыре года такой огромный путь ты мог только потому, что

твой народ стал свободен, поднял знамя освобождения, что свершилась Великая социалистическая революция. Слава тем, кто с оружием в руках защищал тебя, мой край!

НоракГЭС — это комплексное сооружение, предназначенное для полного решения задач ирригации, судоходства, обеспечения Средней Азии самой дешёвой энергией».

Автор настолько тороплив, что в небольшом очерке у него сплошь и рядом появляются повторения, назойливое обращение к одним приёмам. Если он беседует с кем-нибудь, то собеседник непременно (очевидно, для «оживления» длинных описаний, вложенных в уста героев) прервёт свой монолог вопросом: «Что ещё сказать вам?» (стр. 27, 33); если Ш. Харисов хочет рассказать легенду, то для этой цели он «встречает» и в Хаите, и в Нораке «знакомых стариков» (стр. 21, 47), которые и излагают необходимый автору фольклорный материал.

Такая же наивность, поверхностность и писательская неумелость сквозят в его описаниях людей:

«Каримов — горный техник, очень подвижный, низкорослый, худощавый и уточняющий каждую деталь предстоящей работы, молодой человек с десятиклассным образованием и небольшим стажем работы». Грамотность этого предложения, как впрочем и многих других, явно оставляет желать лучшего! По страницам очерка шагают «высоковольтные столбы», появляются такие предложения: «Много раз восставали за свои человеческие права дехкане, но каждый раз захлёбывались в своей крови». Подобных «красот» в очерке немало.

Всё это говорит о необходимости более тщательной работы над книгой. Выходящие в этой серии очерки и рассказы должны быть не только актуальными по теме, но и художественными по исполнению.

«Одна ласточка не делает весны» — гласит пословица. В данном случае таких ласточек две, и можно надеяться, что они «сделают весну» — положат начало большому, важному делу издания новых очерков писателей Таджикистана.

А. Григорьева

НА ПОДСТУПАХ К ПОЭМЕ

Александр Усенко — поэт ярко выраженного интонационного склада. Стихи его упруги, звонки. Их трудно читать про себя, их хочется читать вслух. В них есть экспансивность, энергия, определенная четкость — ритмическая и звуковая. Это — сильная сторона творчества поэта.

Все это проявилось и в новой поэме А. Усенко «Нурек», только что изданной отдельной книжкой. Поэт задался благородной задачей — рассказать об этом малоизвестном прежде таджикском кишлаке, в районе которого волею и трудом советских людей, возводятся один из крупнейших энергетических объектов.

Начало поэмы, сделанное «на подъеме», энергично, заставляет нас ждать дальнейшего разворота событий, показа каких-то человеческих судеб. Вот как четко сказано о скалах, сжимающих реку Вахш.

Багряная пена
на скальных карнизах
Густо пропитана
соком зари
И он человеку
бросает свой вызов:
— Ну-ка, попробуй!
Иди,
покори!

Напряженность, авторское волнение чувствуется в поэме всюду. Верится, что поэт искал выразительные, меткие слова, сам строй которых западал бы в душу, будил какие-то героические ассоциации, маршевую трудовую приподнятость.

Посмотрите, как сделаны такие, например, строки:

Проворно
салютуют семафоры,
Зовет к себе
зеленая звезда.
И к финишу —
в гиссарские просторы
Железным шквалом
мчатся поезда.

Или:

Здесь безжалостно душу
испытывал зноем.
Убеждался киркой,
что скалы тверды.
Здесь ходил по горам
с бурдюком за спиной,
Чтоб найти для друзей
по глотку воды...

Однако отсутствие глубинного проникновения в тему, в материал, очень приближенная его характеристика — наиболее уязвимое место творчества А. Усенко вообще. Эта, так сказать, авторская позиция оказывается особенно несостоятельной в стихах, «привязанных» по названию, по замыслу к конкретной ситуации. А ведь разбираемая поэма посвящена Нуреку.

Но продолжая читать поэму, мы замечаем, что только скользим по ней глазами, отмечая удачные, либо неудачные строки, но не задерживаем внимания на каких-то событиях, на людях. Их, пожалуй, вообще, нет в поэме. Если не заниматься буквоедством, допустимо будет сказать, что поэт воспел Нурека, но не показал его. А почему это Нурек, что же там, собственно, происходит? Не вообще, а непосредственно. На эти вопросы не дается ответов. Правда, кое-где видны попытки как-то «заселить» поэму людьми, но все эти эпизоды выглядят вставными. Вообще, вся поэма фрагментарна, это скорее наброски будущего произведения, нежели уже законченная работа.

Это говорится, разумеется, не для того, чтобы опровергнуть ее. Больше того, если провести разговор о двух разных подходах к поэзии: о стихе интонационном, ораторском и стихе тоже хорошем, но менее напряженном, эмоционально приглушенном, то, имея в виду Нурека, я — за стихи первого характера. Героика трудовых будней, романтика

борьбы с каменными громадами, с непокорной и жестокой рекой под палящими лучами среднеазиатского солнца, романтика борьбы с природой в краю, где особенно яркие краски и история которого представляется в нашем сознании необычайно пестрой, по особому легендарной, — все это, мне кажется, должно вызвать именно такой стих. Естественно, восприятие всего того, о чем я только что говорил, у каждого человека свое. Что ж, пусть будет не одна поэма о Нуреке, пусть будет (а это будет!) их много, разных и непохожих друг на друга.

Выше я сказал, что «Нурек» не представляется мне законченной поэмой. И все-таки, коль скоро книжка вышла, нельзя не указать на неряшливость в языке, отдельные ошибки.

Поэт пишет:

... И от своей же
тени паровозы
Никак не могут
Вырваться вперед.

Но «вырваться от...» нельзя. Можно «вырваться из...», либо «оторваться от...».

Очень косноязычны такие, например, строки, как «вошел в азарт и наступленья раж», «И пусть осталась ярость его прежней!» А как вымученно «уж» в строке «Мама, мама, сыну уж поверьте». Мне не кажутся удачными строки «... в палатках, в марте спать в горах холодновато». Троекратное «в», слово «спать», оказавшееся явно не на месте, разрушают строку.

Где-то автору изменяет чувство меры. Так, описывая малые и большие горы, он завершает это следующей концовкой:

Правда, большие бесстрашны.
А маленькие дрожат.
Своей меховой рубашкой
Как шкурники дорожат.

Здесь поэт подвел сомнительный афоризм. Ему показалось, что это очень здорово сказано, и хотя мысль эта в поэме никак не развита, он не нашел в себе силы отсеять ненужную строфу.

В заключение мне хочется сказать вот о чем. Когда упоминают поэта Александра Усенко, непременно добавляют, что он рабочий, понимая это добавление таким образом, будто ему поэтому следует прощать ошибки и недостатки. Не знаю, насколько справедлив такой обычай. Мне кажется, А. Усенко не нуждается в такой «охранной грамоте». Поэт, за плечами которого две книжки, множество стихов, напечатанных в газетах и журналах, может постоять за себя.

А. Владимиров

20

50 коп.